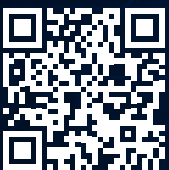


НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 7 (127) 2025



# ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:  
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц  
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

## Редакционная коллегия:

### Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

### Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

### Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

### Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Симченко Н.А. (Санкт-Петербург, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

### Научные консультанты журнала

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

### Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

### Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: +7(4852) 44-02-11

Сайт: [www.theoreticaleconomy.ru](http://www.theoreticaleconomy.ru)

e-mail: [markinmi@ystu.ru](mailto:markinmi@ystu.ru)

# Содержание

## Теоретическая экономика

№ 7 | 2025

www.theoreticaleconomy.ru

---

### Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович  
Теоретическая экономика: к новым идеям по развитию нашей концепции

### Актуальные проблемы теоретической экономики

- 12 Карасёва Людмила Аршавировна  
Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки

### Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 32 Диденко Дмитрий Валерьевич  
Статистические свидетельства о российской урбанизации в перспективе «современного» экономического роста
- 83 Елкина Ольга Сергеевна, Елкин Станислав Евгеньевич, Реутова Ирина Михайловна  
Влияние неопределенности на производительность организаций
- 95 Попова Ирина Викторовна, Абрамова Марина Борисовна, Зорин Алексей Викторович  
Роль методов оценки качества жизни населения как инструмента государственного регулирования
- 95 Ковальчук Марина Александровна, Губина Галина Геннадьевна  
Использование междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин

### Современные проблемы мировой экономики

- 108 Васильченко Александр Дмитриевич  
Эволюция моделей сетевого производства европейского автомобилестроения в конце XX – начале XXI вв
- 118 Меджидов Заур Уруджалиевич  
Состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом
- 108 Ашимова Жанна Рахимовна, Абитов Жанай Зулкарнаинович, Абитова Диана Зулкарнаиновна, Уристебек Амина Мухтаровна  
Анализ взаимосвязи занятости, производительности труда, экспорта и ВНД Республики Казахстан
- 108 Гвоздева Валерия Артёмовна  
Основные аспекты и тенденции в управлении цепочками стоимости в условиях глобальных изменений
- 108 Гомулина Антонина Алексеевна  
Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразие подходов и возможности систематизации
- 108 Силпагар Элиф Юналовна, Ермаченкова Александра Сергеевна  
Анализ зарубежного опыта импакт-инвестирования и его адаптация к российским реалиям

### Творчество молодых исследователей

- 131 Маркин Максим Игоревич, Кораблева Софья Артемовна  
Влияние уровня расходов государства на социальное неравенство и качество жизни населения: случай ЕАЭС

# Теоретическая экономия: к новым идеям по развитию нашей концепции



**Гордеев Валерий Александрович** 

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: [vagordeev@rambler.ru](mailto:vagordeev@rambler.ru)

**Аннотация.** В этой рубрике дается обзор материалов, представленных в 7-м (127-м) номере нашего журнала. По мнению редактора, публикации данного номера предлагают новые идеи по развитию выдвинутой нами концепции теоретической экономии. То есть продолжают то дело, которое мы осуществляем на страницах нашего сетевого издания вот уже на протяжении полутора десятилетий. Показано в этой рубрике, в чем же эти идеи и это развитие заключаются на примере каждой представленной в данном номере работы. Редактором отмечено, что оно проявляется, хотя и в неодинаковой степени, как в выступлениях и известных читателям, так и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера традиционно уделено, во-первых, актуальным проблемам теоретической экономии. С этой целью дана редакторская аннотация статье доктора экономических наук, профессора Л.А. Карасевой из Тверского государственного университета о проблемах возрождения смыслов современной экономической науки. Во-вторых, обращено внимание на теоретико-экономические аспекты исследования новой индустриализации. В-третьих, внимание уделено современным проблемам мировой экономики, которые исследуются в работах авторов из Москвы, Казахстана и США. И, конечно, в-четвертых, особое внимание уделено творчеству молодых ученых. Методология данного редакторского исследования основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономии. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада публикуемых в данном номере статей в развитие этой концепции.

**Ключевые слова:** теоретическая экономия, новая индустриализация, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых ученых, новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях, развитие нашей концепции нового мейнстрима

**JEL codes:** A13; A14

**Для цитирования:** Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: начинаем очередной год развития концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.4-11. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 7-й (127-й), номер нашего журнала. Содержимое этого номера, на наш взгляд, предлагает новые идеи к развитию нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже полтора десятилетия. Тем самым материалы этого номера, считаем, являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещена статья «Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки». Её представила Карасёва Людмила Аршавировна, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (г. Тверь, Российская Федерация), член редколлегии нашего журнала. Данный материал был ею подготовлен по итогам выступления на открытии

IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая

траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся 28 – 29 ноября 2024 года в Тверском государственном университете. Перед участниками названной конференции стояла цель задать определенные рамки обсуждения на её Пленарном заседании, заявляя тему, внутренне предполагающую некую попытку ответа на принципиальный вопрос: каково соотношение экономической теории и практики, а, следовательно, каков характер связи их потенциалов. Актуализация данной проблемы обусловлена тем, что в последнее время теорию все чаще обвиняют в разрыве с практикой. При этом, с одной стороны, нет необходимого социального заказа на глубокие социально-экономические теории, исследующие природу системных проблем, возникающих в хозяйственной практике. А, с другой, – сложившаяся традиция узко специализированного, линейного подхода к их исследованию: экономического, управленческого, правового и др. Например, в экономической теории существует множество подходов и школ, каждая из которых предлагает свои идеи о том, как функционирует экономика. Так, классическая школа акцентирует внимание на свободном рынке и минимальном вмешательстве государства, кейнсианство подчеркивает роль государственного регулирования для стабилизации экономики, а неоклассика фокусируется на рациональности и равновесии. Но «новая реальность» сложна, ибо она связана с глубокими трансформационными процессами. В этих условиях, справедливо, считаю, доказывает автор статьи, проблема сохранения и развития методологии политической экономии чрезвычайно актуальна и требует пристального внимания экономического сообщества для понимания социально-экономической природы происходящих трансформаций в целях повышения эффективности современной экономической науки для практики. В данной статье представлена попытка взгляда на обозначенную проблему с позиции смыслов экономической науки, конечной цели (ценности) или характеристики ее полезности для практики, сохраняя несколько тезисное изложение ключевых положений, оправданное, на наш взгляд, многоаспектностью предлагаемого материала. Думаю, что работа Л.А. Карасевой представляет новые и важные идеи к развитию нашей концепции теоретической экономии.

Далее в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагается три работы. Во-первых, статья под названием «Статистические свидетельства о российской урбанизации в перспективе «современного» экономического роста». Её подготовил Диденко Дмитрий Валерьевич, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (г. Москва, Россия). С экономической точки зрения урбанизация рассматривается в первую очередь как переток рабочей силы из сельского хозяйства в отрасли городского производства. Цель статьи – описать ключевые процессы урбанизации в России с позиций теоретической парадигмы «современного» режима экономического роста, разработанной С. Кузнецом и модифицированной О. Гэлором. Статья опирается на результаты исследований процессов урбанизации на материале России XIX-XX вв., с использованием реконструированных исторических данных и с применением количественных методов исследования. Автор обращается к межстрановым сопоставлениям, привлекая количественные свидетельства из соответствующих наборов данных. В указанной перспективе урбанизация изучается как непосредственный источник экономического роста, поскольку города являются центрами производства, торговли и инноваций, обеспечивают агломерационные экономические эффекты. Правительства разных уровней могут способствовать урбанизации, инвестируя в инфраструктуру, а также предоставляя стимулы для размещения предприятий в городах. Так, для догоняющего развития России важное значение имело государственное стимулирование и прямое участие в строительстве железных дорог. На начальном этапе «современного» роста наблюдалось усиление дифференциации заработных плат за счет расширения надбавок за квалификацию и увеличения доли занятых в городской экономике. Также имела тенденцию возрастать и внутристрановая пространственная дифференциация.



Но на протяжении большей части XX в. оба неравенства ослабевали. Таким образом, процессы технологической и институциональной модернизации экономики в направлении ее индустриального развития и соответствующего изменения ее структуры получают язык описания исторических свидетельств и их концептуальную интерпретацию, соответствующие современному уровню научного знания.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Влияние неопределенности на производительность организаций». Ее прислали трое авторов из Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация): Елкина Ольга Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, и двое кандидатов экономических наук, доцентов: Елкин Станислав Евгеньевич и Реутова Ирина Михайловна. В данном исследовании анализируется влияние неопределенности на совокупную факторную производительность (TFP) предприятий. Опираясь на работы Абея А, Бернанке Б., Бейкера С., Блума Н. и Дэвиса С., авторы подтверждают, что неопределенность снижает инвестиционную активность, задерживает принятие решений и негативно влияет на производительность компаний. В качестве ключевого показателя неопределенности используется индекс BVD, объединяющий медийный контент, изменения в налоговом законодательстве и дисперсию макроэкономических прогнозов. Эмпирический анализ показывает, что шоки неопределенности сокращают совокупную факторную производительность за счет снижения инвестиций, перераспределения ресурсов и задержек в найме. При этом компании с высоким уровнем денежных резервов или невозвратных инвестиций, демонстрируют меньшую чувствительность к неопределенности, поскольку внутренние финансовые резервы смягчают ее негативный эффект. Однако даже в этом случае остаточное негативное влияние остается значительным. Для проверки устойчивости результатов применяются альтернативные меры неопределенности (JLN, NHVLT, BEX), что позволяет исключить смещение, связанное с деловым циклом. Основной вклад исследования заключается в доказательстве статистически и экономически значимого воздействия неопределенности на TFP, а также в выявлении финансовой гибкости как фактора, частично нивелирующего этот эффект. Результаты имеют значение для корпоративных стратегий и экономической политики, направленной на снижение влияния неопределенности на деятельность организаций.

В-третьих, в этой рубрике помещена статья «Роль методов оценки качества жизни населения как инструмента государственного регулирования», которую написали трое авторов: Попова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления предприятием ФГБОУ ВО «Ярославский технический университет», (г. Ярославль, Российская Федерация); Абрамова Марина Борисовна, кандидат химических наук, доцент, доцент той же кафедры того же университета, и Зорин Алексей Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», (г. Кострома, Российская Федерация). Качество жизни населения, отмечают они, является важнейшим приоритетом оценки эффективности социально-экономической политики государства. Как экономическая категория оно представляет собой комплексную характеристику, отражающую не только уровень материального благополучия, но и степень развития экономической сферы. Существующие сегодня методы, хотя имеют большую, научную ценность в теоретическом и практическом направлении в области оценки качества жизни населения, однако во многих методиках недостаточно обоснованы подходы к формированию структурных элементов качества жизни населения, системы индикаторов для проведения его оценки. Качество жизни формируется под воздействием множества факторов, которые можно разделить на экономические, социальные и институциональные. В исследовании качества жизни населения следует выделить дихотомию объективных и субъективных методик его оценки. Исследование качества жизни должно включать в себя изучение как объективных условий и процессов жизнедеятельности, так и субъективного

мнения людей. Понятие «качество жизни», в российском научном дискурсе является крайне полисемичным по смысловой интерпретации, его содержательное наполнение носит дискуссионный характер, так же, как и способы операционализации через систему показателей и критериев. Целью исследования было подчеркнуть релевантность субъективистского подхода с акцентом на субъектность индивида в ситуации нестабильности экономики и влиянии на нее внешних факторов. Эмпирической базой служат данные проводившегося стандартизированного социологического опроса на основе программы и авторского инструментария. Отправной точкой исследования стали количественные показатели качества жизни населения Ярославской области. Основной гипотезой было предположение о том, что современные статистические показатели экономической конъюнктуры, демонстрирующие улучшение качества жизни населения региона, на самом деле не отражают реалии, что создает сложности в вопросах государственного регулирования.

Далее, в этой рубрике помещена статья «Использование междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин». Её написали двое исследователей из Ярославля: Ковальчук Марина Александровна, доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», и Губина Галина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, преподаватель ГПОУ ЯО СПО «Ярославский колледж управления и профессиональных технологий». Статья посвящена доказательству эффективности применения междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин в вузе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокой и расширенной интеграции дисциплин из разных областей науки. Качественное междисциплинарное обучение способствует интегрированию студентами концепций, теорий, методов и средств обучения, углубляет понимание сложных тем, развивает способности обучающихся, готовит их к решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплинарной перспективы. Цель статьи – исследование эффективности применения междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин. Методологическое исследование включает в себя изучение научной литературы и эмпирических данных, сравнение, анализ, использование интерактивных форм работы: метод кейсов, групповые и исследовательские проекты при интегрировании экономики с другими дисциплинами. Авторы раскрывают сущность и преимущества использования междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин, методы работы, практическое использование междисциплинарного подхода. Результаты исследования могут быть применены в профессиональном образовании при изучении экономических дисциплин. Перспективы дальнейшего исследования включают в себя интеграцию экономических дисциплин с новыми дисциплинами на всех этапах обучения в вузе, расширение междисциплинарных программ, внедрение новых средств обучения.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагается шесть работ. Во-первых, статья «Эволюция моделей сетевого производства европейского автомобилестроения в конце XX – начале XXI вв.». Её подготовил Васильченко Александр Дмитриевич, младший научный сотрудник Института Европы РАН, (г. Москва, Российская Федерация). В работе представлены результаты исследования моделей европейских производственных сетей в секторе автомобилестроения в период конца XX – начала XXI вв. Под моделью в работе понимается устойчивая конфигурация взаимоотношений фирм-лидеров и поставщиков производственных сетей, характеризующаяся специфической технологией производства автомобилей, уникальной организационно-сетевой структурой, а также устоявшейся пространственной конфигурацией производственных мощностей, центров управления и компетенций. Методология исследования базировалась на качественно-количественном анализе расположения предприятий, потоков готовой и промежуточной продукции, прямых иностранных инвестиций, а также инновационной активности фирм. В результате исследования были выявлены три уникальные модели сетевой архитектуры: традиционная («ядро-периферия»), консолидирующая («кластерно-сетевая») и трансформационная («эко-сетевая»). Первая модель относится к концу XX

в.; для нее характерны зависимый характер взаимосвязей между предприятиями технологически продвинутой Западной и сравнительно отстававшей Восточной Европой. Вторая модель имела место в начале XXI в. и отличалась процессами объединения простых узлов и готовые модули и крупные платформы, ко-локации поставщиков и сборочных заводов, а также формированием мегапоставщиков как особого класса сетевых агентов. Наконец, третья модель разворачивается на современном этапе и характеризуется реконфигурацией технологии производства готовых автомобилей, расположением поставщиков и организационной структуры сети в условиях перехода к выпуску электромобилей и активного внедрения цифровых технологий. В частности, наблюдается сокращение числа компонентов в конечном изделии, соответствующее уменьшению протяженности производственной цепочки и формирование отдельных «пульсирующих» точек роста на карте автомобилестроения Европы. Результаты проведенного исследования представляют значимость для определения актуальных стратегий развития сектора автомобилестроения на пространстве евразийской интеграции.

В-третьих, в этой рубрике помещена статья «Состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом». Её прислал Меджидов Заур Уруджалиевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной и отраслевой экономики Института социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, (г. Махачкала, Российская Федерация). Актуальность выбранной темы исследования определяется следующим обстоятельством. В современных условиях российские строительные компании сталкиваются с рядом специфических проблем, связанных с недостатком современного оборудования, низкой доступностью кредитных ресурсов, сложностями в получении разрешительной документации и дефицитом квалифицированных кадров. Однако российский строительный комплекс обладает значительным потенциалом роста благодаря масштабному жилищному строительству, развитию транспортной инфраструктуры и реализации государственных программ модернизации ЖКХ. По сравнению с западными странами российские компании менее интегрированы глобально, но активно развиваются и адаптируются к новым условиям рынка, осваивая новые технологии и расширяя географию своей деятельности. Цель статьи – исследовать составные элементы и структуру рынка строительного комплекса Российской Федерации и зарубежных стран. К результатам исследования следует отнести глубокую систематизацию сведений о составных элементах и структуре рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом. Рынок строительного комплекса представляет собой сложную систему взаимосвязанных участников, обеспечивающую строительство объектов недвижимости различного назначения. В рамках настоящего исследования рассмотрены состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и зарубежных стран отдельно. Зарубежный рынок отличается высокой степенью интеграции и зрелостью. Структура рынка аналогична российскому рынку, однако существуют значительные различия в степени развития отдельных элементов. Выводы. Российский рынок имеет ярко выраженную государственную составляющую и высокую концентрацию собственности, тогда как зарубежные рынки отличаются свободой конкуренции и разнообразием форм участия. Уровень технологического прогресса в российских компаниях ниже, что связано с недостаточными инвестициями в модернизацию и низкую мотивацию малого бизнеса. За границей наблюдается значительный вклад международных компаний и широкий спектр финансовых инструментов, поддерживающих инвестиции в строительство. Эти факторы определяют различие подходов к управлению проектами, качеству строительства и перспективам дальнейшего развития строительного комплекса.

Продолжает эту рубрику статья исследователей из Казахстана и США под названием «Анализ взаимосвязи занятости, производительности труда, экспорта и валового национального дохода Республики Казахстан». Её авторы - Жанна Рахимовна Ашимова, кандидат экономических наук, ассистент-профессор Алматинского технологического университета, (Республика Казахстан, г.



Алматы); Жанай Зулкарнаинович Абитов, магистр, Kcell, (Республика Казахстан, Алматы); Диана Зулкарнаиновна Абитова, магистр, Amazon, США, Калифорния, Восточный Пало-Альто; Амина Мухтаровна Уристемибек, магистр, начальник отдела экспортных продаж ТОО Dolce, Республика Казахстан, г. Алматы. В статье рассматривается взаимосвязь между макроэкономическими показателями. В частности, между валовым национальным доходом (ВНД), занятостью, производительностью труда и экспортной активностью Республики Казахстан за период 2000–2024 годов. Актуальность исследования объясняется необходимостью выявления факторов, влияющих на экономический рост РК в условиях трансформации экономики страны и нестабильности. Цель работы заключается в оценке силы и направленности взаимосвязей между указанными показателями. Для этого использованы методы корреляционного анализа, графического сопоставления, PEST- и SWOT-анализа. По результатам анализа установлено, что ВНД демонстрирует положительную динамику. Наибольшее влияние на его рост оказывают производительность труда и экспорт товаров и услуг. Занятость показывает слабую корреляцию с ВНД. Проведенный SWOT-анализ выявил сильные стороны экономики (высокая производительность труда, экспортный потенциал), риски, связанные с сырьевой зависимостью и слабым развитием человеческого капитала. Научная новизна работы заключается в количественной оценке влияния факторов на ВНД и формулировке практических рекомендаций по развитию несырьевых направлений и повышению эффективности трудовых ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы при корректировке государственной экономической политики и разработке национальных программ устойчивого развития. Методы: корреляционный анализ, графическая интерпретация динамики, методы PEST и SWOT-анализа. Результаты: установлено, что производительность труда и экспортные показатели оказывают статистически значимое влияние на рост ВНД. Занятость демонстрирует слабую корреляцию с ВНД. Выводы: необходимо усиление политики, направленной на повышение эффективности трудовых ресурсов и развитие экспортного потенциала.

После этого в рубрике предлагается Вашему работу, которую написала Гвоздева Валерия Артёмовна, аспирант кафедры мировой экономики и мировых финансов, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» под названием «Основные аспекты и тенденции в управлении цепочками стоимости в условиях глобальных изменений». Цепочки стоимости являются одним из ключевых направлений исследований развития современной мировой экономики. В статье рассматриваются ключевые аспекты управления цепочками стоимости в условиях современных глобальных вызовов, включая цифровизацию, геополитическую нестабильность и усиление роли устойчивого развития. Сегодня происходит трансформация цепочек стоимости из линейных моделей в сложные сетевые структуры, охватывающие множество стран и участников. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей, большие данные и прочее) на повышение гибкости и устойчивости цепочек, а также необходимости баланса между экономической эффективностью и экологической ответственностью. В качестве методологической основы применяется SWOT-анализ, позволяющий оценить сильные и слабые стороны цепочек стоимости, а также определить внешние возможности и угрозы. В статье выделены ключевые стратегии управления: активное развитие, защита от рисков, преодоление слабостей за счет возможностей и минимизация угроз. На примере промышленного производства показано, как экономические субъекты могут адаптироваться к изменениям, используя диверсификацию поставщиков, цифровизацию и государственные программы поддержки. В условиях глобальной турбулентности успешное управление цепочками стоимости требует комплексного подхода, сочетающего гибкость, технологическую интеграцию и устойчивые практики. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по повышению устойчивости цепочек стоимости, включая внедрение инновационных технологий, создание адаптивных систем управления рисками и развитие стратегических партнерств. Представленные результаты позволяют перейти к дальнейшим исследованиям, касающимся

более детального рассмотрения цепочек стоимости в контексте интеграционного взаимодействия экономических субъектов.

Далее в рубрике статья «Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразие подходов и возможности систематизации». Её подготовила Гомулина Антонина Алексеевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация). В последние десятилетия, отмечает она, в научной литературе происходит переосмысление парадигм регионализма, что потребует разработки новых моделей макрорегионального взаимодействия. Несмотря на рост числа публикаций о формате БРИКС+, отмечается отсутствие комплексной методологической схемы, способной охватить разнообразие теоретических подходов и адаптировать их ко вне территориальной специфики объединения. Целью исследования является разработка классификации методологических подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по критериям: теоретико-познавательным основаниям, и предметному фокусу.

Завершает рубрику работа «Анализ зарубежного опыта импакт-инвестирования и его адаптация к российским реалиям». Её авторами являются Силпагар Элиф Юналовна, кандидат экономических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), и Ермаченкова Александра Сергеевна, младший научный сотрудник того же университета. Статья посвящена изучению зарубежных практик импакт-инвестирования и возможностям их применения в России. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к устойчивому развитию и постепенной трансформацией традиционных принципов инвестирования в сторону новых форм — ответственных инвестиций, ESG-инвестиций и импакт-инвестиций. В отличие от первых двух направлений, импакт-инвестиции являются относительно новым явлением и только начинают формироваться на российском рынке, тогда как за рубежом накоплен значительный опыт их применения. Основной вклад исследования заключается в формировании рекомендаций по адаптации зарубежных практик, которые могут способствовать развитию национальной модели импакт-инвестирования, интеграции России в мировые тренды устойчивого финансирования и повышению её инвестиционной привлекательности.

Далее, в рубрике «Творчество молодых ученых» помещена статья «Влияние уровня расходов государства на социальное неравенство и качество жизни населения: случай ЕАЭС». Её авторами являются Маркин Максим Игоревич, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль), и Кораблева Софья Артемовна, студентка того же университета. Статья посвящена исследованию взаимосвязи между уровнем государственных расходов на образование и показателями социального неравенства в странах ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Актуальность работы определяется тем, что проблема неравенства доходов и качества жизни населения является одной из ключевых в социально-экономическом развитии стран постсоветского пространства, а образование традиционно рассматривается как фактор, способствующий смягчению неравенства.

Таково основное содержание материалов 7-го (127-го) номера. Как видите, они, действительно, представляют новые идеи к развитию выдвинутой нами полтора десятилетия назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают логичным продолжением всех предыдущих ста двадцати шести номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением, В.А. Гордеев

# Theoretical economics: towards new ideas for the development of our concept

**Valery A. Gordeev**

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vagordeev@rambler.ru

**Abstract.** This section provides an overview of the materials presented in the 7th (127th) issue of our journal. According to the editor, the publications in this issue offer new ideas for developing the concept of theoretical economy that we have put forward. That is, they continue the work that we have been doing on the pages of our online publication for a decade and a half. This section shows what these ideas and this development consist of using the example of each work presented in this issue. The editor notes that it manifests itself, although to varying degrees, both in the speeches of well-known readers and new authors. The main attention in the content of the proposed issue is traditionally paid, firstly, to the current problems of theoretical economy. For this purpose, an editorial annotation is given to the article by Doctor of Economics, Professor L.A. Karaseva from Tver State University on the problems of reviving the meanings of modern economic science. Secondly, attention is drawn to the theoretical and economic aspects of the study of new industrialization. Thirdly, attention is paid to contemporary problems of the world economy, which are studied in the works of authors from Moscow, Kazakhstan and the USA. And, of course, fourthly, special attention is paid to the creativity of young scientists. The methodology of this editorial study is based, naturally, on the concept of theoretical economy that we have put forward. The scientific novelty of the work lies in identifying the contribution of the articles published in this issue to the development of this concept.

**Keywords:** theoretical economy; new industrialization; modern problems of the world economy, creativity of young scientists, new paradigm mainstream in socio-economic research; developing our concept of the new mainstream

# Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки

Карасёва Людмила Аршавировна 

Доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Российская Федерация

E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая теория и реальная практика, логическое несовершенство теории, критерий истинности теории, трансформационное состояние экономики, непознанная экономическая реальность, полезность экономической науки

## АННОТАЦИЯ

Материал подготовлен по итогам выступления на открытии IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся 28 – 29 ноября 2024 года в Тверском государственном университете, г. Тверь. Перед нами стояла задача задать определенные рамки обсуждения на Пленарном заседании, заявляя тему, внутренне предполагающую некую попытку ответа на принципиальный вопрос: каково соотношение экономической теории и практики, а, следовательно, каков характер связи их потенциалов. Актуализация данной проблемы обусловлена тем, что в последнее время теорию все чаще обвиняют в разрыве с практикой. При этом, с одной стороны, нет необходимого социального заказа на глубокие социально-экономические теории, исследующие природу системных проблем, возникающих в хозяйственной практике. А, с другой, – сложившая традиция узко специализированного, линейного подхода к их исследованию: экономического, управленческого, правового и др. Например, в экономической теории существует множество подходов и школ, каждая из которых предлагает свои идеи о том, как функционирует экономика. Так, классическая школа акцентирует внимание на свободном рынке и минимальном вмешательстве государства, кейнсианство подчеркивает роль государственного регулирования для стабилизации экономики, а неоклассика фокусируется на рациональности и равновесии. Но «новая реальность» сложна, ибо она связана с глубокими трансформационными процессами. В этих условиях проблема сохранения и развития методологии политической экономики чрезвычайно актуальна и требует пристального внимания экономического сообщества для понимания социально-экономической природы происходящих трансформаций в целях повышения эффективности современной экономической науки для практики. В данной статье представлена попытка взгляда на обозначенную проблему с позиции смыслов экономической науки, конечной цели (ценности) или характеристики ее полезности для практики, сохраняя несколько тезисное изложение ключевых положений, оправданное, на наш взгляд, многоаспектностью предлагаемого материала.

JEL codes: A13; A14; B40; B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-12-25>

Для цитирования: Карасёва, Л.А. Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки // Л.А. Карасёва - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.12-25. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Об актуальности и аспектах проблемы соотношении экономической теории и практики

Почему возникла идея актуализации обозначенной в теме проблемы? В первую очередь это связано с сохранением иллюзий о том, что, оставаясь в рамках чистого профиля науки, можно более приблизиться к проблемам хозяйственной практики, предлагать более продуктивные меры снятия проблем. А от практиков часто можно слышать суждение: «на практике – одно, а в теории – другое» и довод: «истинность теории проверяется практикой». Об актуальности данной проблемы свидетельствует и ряд статей, посвященных ей, появившихся в последнее время [3, 8, 10, 11, 12 и др.].



Для нас обращение к проблеме соотношения теории и практики не ново. Еще в 2012–2014 гг. в дискуссии с д.э.н. Виктором Александровичем Петрищевым у нас родилась идея написать пособие по методологии научного исследования для магистрантов и аспирантов, т.к. практика показывала, что все больше квалификационных работ стало носить поверхностный характер, в них преобладал эмпирический подход без попыток выйти на сущность проблемы, которая подлежала исследованию. Особую озабоченность вызывала сложившаяся практика сведения экономического исследования к экономическому моделированию, погоня за новыми методами без внимания к сути процессов, которые подлежат исследованию; превращение экономического знания в инструмент, технологии и т.п. В итоге в ходе жаркой дискуссии родилось учебное пособие «Методология научного исследования» [9], материал которого в интересах анализа будет взят в качестве некоторых теоретических критериев и опорных положений анализа поставленной проблемы в статье.

Но подтолкнула к идее сделать данную проблему ключевой на обозначенной выше конференции интересная статья Кошовец Ольги Борисовны «Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом» [11], в которой «обсуждается недавняя попытка Д. Родрика обосновать «инструменталистское» определение предмета экономической науки, отказ от теории в пользу экстенсивного развития частных моделей и идея «горизонтального прогресса» в развитии дисциплины» [11, с. 175]. При анализе важных изменений в практике производства экономического знания О.Б. Кошовец подчеркивает: «В целом их можно охарактеризовать как фундаментальный сдвиг от науки, теории и объяснения действительности к ремеслу, технике и преобразованию (конструированию) реальности. Речь, в частности, идет о таких явлениях, как «эмпирический поворот», решающее значение эконометрических оценок для деятельности экономистов, а также отказ от сциентистских претензий как риторическая стратегия с целью избежать обвинений в сциентизме» [11, с. 177]. Поэтому и дальше мы неоднократно будем обращаться к данной работе.

Кроме того, работа с научными публикациями известных ученых Александра Владимировича Бузгалина и его коллеги Андрея Ивановича Колганова, Виктора Тимофеевича Рязанова, Дмитрия Евгеньевича Сорокина, Кайсына Азретовича Хубиева и др., посвященными проблемам мировой и отечественной экономики, в которых ставились и решались вопросы современной методологии экономических исследований, еще больше убеждала, что проблема сохранения и развития методологии политической экономии чрезвычайно актуальна и требует пристального внимания экономического сообщества для понимания социально-экономической природы происходящих трансформаций в целях повышения эффективности современной экономической науки для практики.

В самом общем виде, можно согласиться с Огневым Александром Николаевичем, «проблема состоит в том, насколько сущностная идеализация действительности способна легализовать границу между теоретической позицией, исходящей из объективного генезиса разума, и практической установкой состоявшегося исторически типа субъективности?» [13, с. 98].

Выделим три аспекта проблемы: 1) обоснованность социально-практического заказа на теоретическое обоснование и его влияние на ход теоретического исследования; 2) отражение и превращение эмпирической практики в теоретическое знание; 3) влияние теории на практику, критерий истинности теории; 4) экономическая теория, экономическое образование и практика.

### **Исходные методологические и теоретические предпосылки исследования**

Теория действительно заслуживает упрека в оторванности от практики в следующих случаях:

Во-первых, когда она не является теорией, хотя и претендует на это, выступая либо эмпирическим научным знанием, либо, того хуже, – вымыслом, утопией, часто ориентируясь и подчиняясь господствующему экономическому интересу, взаимодействуя с властью. В этом отношении снова согласимся с О.Б. Кошовец, которая полагает, что «это произошло в рамках перехода государства к новому типу технократического управления и привлечения экономистов

в систему управления, но уже не в прежней позиции политэкономов, советников государя, а в позиции технократов, экспертов, социальных инженеров» [11, с. 184]. Эту же мысль проводит Кайсын Азретович Хубиев в статье «Междисциплинарный потенциал развития экономической теории на основе политической экономии» [19], объясняя, почему теория межсистемных переходов, разработанная в рамках политической экономии, содержащая целый комплекс научных положений, которые можно было использовать в современных условиях, не была востребована. По мнению ученого, она «... была научным препятствием перехода России на путь исторически попятного движения к примитивной капитализации экономики и общества ... мешала «истинной мотивации и замыслам реформаторов. В их интересах было подобные теории замолчать, а еще лучше снять из научно интеллектуального оборота. Так политическая экономия лишалась основных признаков гражданства» [19, с. 12–13].

Во-вторых, когда теория находится на начальном этапе своего развития и дает только самые общие сущностные определения, не выходя на менее сущностные, но достаточно важные уровни познания явлений. Методологическая проблема соотношения «сущности и явления», с одной стороны, и «сущностей разных порядков» – с другой, в последние годы ушла в исследования на задний план. Но если в исследованиях ключевым становится функционирование социально-экономических отношений в рамках одного определенного этапа развития она актуализируется и выдвигается на первый план. На данный аспект проблемы еще в 1979 году обратил внимание Алексей Алексеевич Сергеев в своей работе «Структура производственных отношений социализма. Вопросы методологии исследования» [14]. В частности, ученый уточняет, что «связи – производные, второстепенные, случайные в одном отношении – выступают как определяющие в другом. Промежуточное звено, которое в определенном отношении лишь маскирует ту или иную определяющую связь, в другом отношении выступает как ее модификация, существенная для протекания всего процесса. Этот аспект подчеркивает реальный аспект нетождественности сущности и явления, несводимости явления к одной данной сущности (выделено нами)» [14, с. 55].

В-третьих, когда существует логическое несовершенство теории. Логическое несовершенство теории определяется методом, использованным при ее создании. Если, например, в ней используются: 1) методы только формальной логики, а не диалектики; 2) метод схоластики вместо аналитического; 3) метод поверхностных наблюдений вместо абстрагирования; 4) метод эклектики вместо системного и т.д. Но «в качестве следствия можно утверждать, что всякий, кто игнорирует роль логики в процессе познания, является либо искренне заблуждающимся, либо человеком не совсем честным в своих целях и намерениях, стремящимся не столько к объективному и истинному знанию, сколько к чему-то совсем иному» [3, с. 23].

Что касается проверки истинности теории практикой, то не практика сама по себе является таковой. Она сама нуждается в познании и может быть вполне понята только в виде теории.

Проверка теории в практической деятельности означает важность эмпирического познания. Эмпирическое познание не снимается раз и навсегда теорией. Наоборот, необходимо постоянное возвращение к эмпирическим данным, к опыту либо для уточнений теории, либо для ее углубления, расширения. От идеализации в теории к эмпирической проверке и далее к более точной и полной идеализации. Теория «работает» и направляет практику, а практика в части, неподдающейся направлению, и из-за постоянного изменения вынуждает уточнять теорию.

Критерий истинности теории – это практическая деятельность, осуществляемая на основе теоретического целеполагания.

Поэтому в марксистской методологии критерием истины является практика, взятая в самом широком смысле как всякая развивающаяся общественная деятельность человека по преобразованию себя и мира.

Другими словами, логика исследования: практика → теория → практическая деятельность → уточнение теории → практическая деятельность → теория. Как справедливо заметил Сидоренко Н.И.,

«... теория поддерживает свою связь с практикой через изменение своей структуры и реализацию обновляющих свое содержание функций» [15, с. 134]. Критерием же «... правильности сочетания теории и практики выступает то, насколько эффективно, экономно и результативно практика как реализация теории (выделено нами) достигает поставленных целей» [15, с. 137]. Заметим однако вслед за О.Б. Кошовец, что не тогда, когда теория «предстает как «эффективная теория», которая предполагает создание верифицируемого знания, позволяющего делать предсказания и управлять объектом знания, делать его прозрачным для «взгляда государства», чтобы упростить выполнение его основных функций ... такая эффективная теория становится важным конститутивным элементом государственного управления, затем она неизбежно начинает обращаться в политической сфере, где наиболее существенным является не то, как на самом деле, а как должно/желательно» [11, с. 185].

Обратим внимание еще на один важный аспект анализируемой проблемы. В обозначенной нами цепочке: практика → теория → практическая деятельность → уточнение теории → практическая деятельность → теория, есть еще одно важное звено – «теория → образование». На это обращено внимание в статье «Экономическая наука, практика и образование: проблемы взаимодействия» Л. В. Кусургашевой, В. Н. Давыдовой: «... экономическое образование, формируя определенный тип мышления и поставляя теории и практике кадры, может задержать или ускорить развитие той и другой» [12, с. 239].

Так, исключение политической экономии из образовательного процесса путем снятия ее в качестве обязательной дисциплины из учебных планов, прекращение ее финансирования, государственной и грантовой поддержки, привели к тому, что «учащиеся всех уровней лишились фундаментального экономического образования, научно-исследовательский процесс тоже утратил определенный уровень фундаментальности, который так необходим, особенно сейчас для исследования новой турбулентной реальности в национальной и мировой экономике» [19, с. 13]. Но это самостоятельный аспект анализа, требующий специального рассмотрения. Здесь мы его лишь обозначим.

Истинность теории может быть проверена (верифицирована) не только практикой. Так, например, дело не только в том, чтобы утверждать, что экономика — это система, но и в том, чтобы ее исследование было системным, т.е. чтобы сама экономическая теория была системой: а) имела «недеформированную» структуру; б) была движением от простого к сложному; в) отражала функционирование развитой, зрелой системы, а не ее происхождение и т.д.

Экономическая теория и реальная практика соотносятся как идеальное и реальное, относительно статичное и «живое» (непрестанно меняющееся). В конечном же счете теория должна быть идеальным выражением сущности практики, а теоретическая модель – оформлением многообразной хаотичной реальности, приводящим ее в определенный порядок.

Очевидно, что практический потенциал науки в первую очередь зависит от полноценного ее теоретического потенциала. Но реализация потенциала всегда связана с ключевым вопросом, в чьих интересах он реализуется.

В этом отношении решение вопроса о проблемах и направлениях развития экономической науки носит принципиальный характер. Столь же принципиальна и позиция исследователей в отношении того, в чьих интересах осуществляется научное исследование.

### **О сложности исследования экономик, находящихся в трансформации**

Представители ряда экономических дисциплин могут возразить, но это же проблемы политической экономии.

И мы ответим, конечно, но экономическая наука, как и экономико-теоретическое образование, выиграет от включения методологического потенциала политической экономии, то есть теории знаний о получении знаний. Почему? Чем больше мы абстрагируемся в научном познании, тем глубже, (а не полнее) познаем практику. Разве можно это сделать без опоры на оправдавшую себя и развивающуюся методологию политико-экономического исследования.

Мы неоднократно обращали на это внимание [6, 7, 8, 9]. Но в рамках обсуждаемой проблемы, подчеркнем, что исследовать экономики, находящиеся в состоянии глубокой системной трансформации, чрезвычайно сложно.

В чем сложность?

1) Процесс исследования меняющейся и/или еще непознанной экономической реальности дополняется внешними обстоятельствами ее познания (гносеологическими, политическими причинами и др.), ограничивающими возможности познания трансформирующихся хозяйственных систем. Это усложняется еще и тем, что внешние обстоятельства готовятся часто заранее, постепенно. Только один пример. Уже в семидесятые годы прошлого столетия западная элита стала постепенно осторожно внедрять мысль о «глобальном кризисе образования». Появление международного проекта «Глобальное образование», навязанного круглым столом европейских промышленников, объединяющим 47 крупнейших корпораций, и представленного ЮНЕСКО как модель для всего мира, лишь оформило эту идею. Лейтмотив проекта заключался «в том, что образование превращается в высокорентабельную сферу бизнеса, а вместо знаний утверждаются компетенции и соответствующие навыки в виде товара, который в данный момент нужен бизнесу» [2, с. 363–364].

2) Возникают проблемы в самой экономической науке: стремясь сделать теорию более конкретной, впадают в эмпиризм. Выше мы обратили на это внимание. Но еще раз подчеркнем, что происходит трансформация воспроизводства науки и её реализации к освоению и корректированию методик, а не к пониманию социально-экономической природы происходящих процессов, влияющих на хозяйственную деятельность субъектов экономики, требующую переосмысления и создания научного знания, а на этой основе и методов, и инструментов.

Здесь можно выделить методологически ряд проблем в экономических исследованиях.

Во-первых, часто не проводится различие между социально-экономическим типом производства и спецификой той или иной системы социально-экономических отношений. Тип производства определяется его социально-экономической природой, предопределяющей общую специфику элементов данной системы, которая будет проявлять себя в той или иной специфической форме при функционировании, реализации отношениями своего внутреннего потенциала.

В этой связи, и это, во-вторых, не можем не обозначить проблему исследования исходного отношения. В современных экономических исследованиях проблеме исходного отношения не уделяется должного внимания. Но это важно. Именно в действующей хозяйствующей системе зарождается его форма, а не само отношение, хотя в ряде публикаций происходит смешение и подмена формы отношением.

В-третьих, проблема соотношения в исследовании статики и динамики изучаемого объекта.

Как правило в исследованиях доминирует негативное отношение к изучению статики. Но! Изменчивость в экономике – только одна ее характеристика и далеко не самая существенная. Экономическая система не может нормально существовать, функционировать без ее устойчивости. Момент устойчивости как в отдельном явлении, так и во всей системе есть его (ее) сущность. То, что мы называем генетическим кодом системы.

Например, форма собственности не может быть постоянно динамичной. Это означало бы постоянные потрясения в обществе. Изменения же касаются сначала поверхностного уровня явлений и лишь затем достигают сущностного уровня – появления новых по сути элементов экономической системы, которые могут существовать внутри нее, но и отрицать ее.

Изменения сущностного уровня экономической системы: а) подготавливаются накоплением новых элементов, отрицающих прежнюю систему; б) изменяется форма собственности как структура этой системы. Как результат – появляется «новая экономика». Поэтому, если «новая экономика» дана только в измененных явлениях, прежних по своей сути, то новой (например, информационной, цифровой и пр.) экономики, кроме как в поверхностных уровнях и в сознании политиков, управленцев (иногда даже экономистов), нет.



Вывод: единство устойчивости и изменчивости, статики и динамики экономической системы обеспечивается только при использовании диалектической логики, центральным в которой является изучение сущности явлений как единства противоположностей (статика), обуславливающего динамику, процесс развития противоречий. В этом и состоит развитие экономики, а не в употреблении терминов «пост», «нео» и т.п.

Тогда очевидно, что без ответа на вопрос, в чем состоит социально-экономическая особенность хозяйственных систем, находящихся в трансформационном (переходном) состоянии, нельзя предложить практике направления её прогрессивного развития.

О некоторых особенностях исследования контуров «новой реальности»

На сегодняшний день важнейшими признаками современной реальности, свидетельствующими о глубокой системной трансформации мировой и национальных экономик в условиях процесса глобализации «как глобальной гегемонии корпоративного капитала, как особой социальной формы интернационализации» [4, с. 567] являются:

- методы цифрового контроля, искусственного интеллекта как механизма, направленного на перераспределения ресурсов в пользу спекулятивного капитала;
- методы социального программирования, власти сетей и эксклюзивной информации ради реализации интересов финансовых и информационных хозяйствующих субъектов мировой и национальных экономик;
- соединение новых технологий с достижениями в области физических и когнитивных наук становится основой фундаментальной трансформации, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая экономику;
- процессы экономизации и финансиализации политики и политизации экономики;
- экономизация неэкономических по сути отношений (социальных, политических, духовных) на основе рыночных принципов, особенно когда сами отношения выступают как нравственно-этические ценности.

О чем свидетельствуют эти признаки?

В трансформационном состоянии хозяйственных систем, как справедливо замечено А.В. Бугалиным и А.И. Колгановым, происходит «уход в прошлое ключевых параметров прежней экономики и рождение новых» ... Но тогда «структура того, что уходит и что рождается, укажет с наибольшей очевидностью на структуру экономической системы (выделено нами)» [4, с. 686].

Мы неоднократно замечали, что в таких системах изменения, затрагивая их социально-экономическую природу, свидетельствуют о нелинейности их движения, неустойчивом состоянии систем (смена прогрессивности – регрессивности форм): изменения нового образования в них достигают такого уровня концентрации, который не достаточен для перелома в пользу становящейся формы, но уже обеспечивает невозможность абсолютного возврата к старой» [8, с.13].

Другими словами, новое возникает через самосохранения старого, так как процесс функционирования и движения экономической системы уже невозможен без включения в объективный механизм ее функционирования становящегося нового. Но это свидетельствует о том, что объективная заданность, предопределенность движения старой системы ослабляется становящимся новым.

Встает вопрос, каким образом новое попадает в основание трансформируемой (переходной) хозяйственной системы? Здесь содержатся два принципиальных методологических положения.

Первое связано с включением в данное исследование четкого выделения статики и динамики, структуры и функции системы. В рамках нашей темы это находит отражение в различении собственности как волевого отношения распределения благ производственного назначения (предпосылка) и экономического содержания собственности как втянутой в систему экономических отношений и результата их реализации. Это еще раз подчеркнул К.А. Хубиев, раскрывая применение политико-экономического воспроизводственного подхода к собственности, отмечая необходимость

«разграничения собственности как предпосылки становления социально-экономической системы и собственности как результата ее функционирования. В качестве предпосылки собственность может выступать как неэкономический процесс первичного перераспределения ресурсов и экономической власти» [с. 14]. И далее уточняет: «Перераспределить ресурсы – это еще не означает создать новую функциональную систему. Для этого необходимо пройти через созидательный процесс практического использования перераспределенных ресурсов. Именно здесь происходит проверка объективной необходимости и востребованности происшедших реформ в области собственности» [19, с. 15].

Второе, связанное с этим, различия объективного и субъективного механизма реализации экономических отношений.

Объективный механизм реализации социально-экономических отношений задан их единством с производительными силами, предопределяя организационно-экономические, институциональные нормы функционирования. Поэтому, по нашему мнению, объективный хозяйственный механизм в таком понимании представляет собой объективно заданное социально-экономической природой экономической системы нормативное обеспечение ее процесса функционирования.

Та или иная форма собственности рождает специфические социально-экономические, организационно-экономические, институциональные формы и нормы экономической системы.

Но! Функционирование этих норм осуществляется через хозяйственную деятельность, через субъективное проявление объективного, устойчивого в ней. «Возникающая на этой основе хозяйственная организация общества и устойчива (своей экономической сущностью), и изменчива как хозяйственное явление» [10, с. 51].

Так как без хозяйственной деятельности субъектов хозяйственной системы механизм не «заработает», то субъективный механизм есть общественно сознательное целенаправленное воздействие на экономику через субъективное формирование институциональных, организационных норм и правил ее функционирования, которыми пропитаны все сферы жизни, своеобразные рамки принятия решений хозяйствующими субъектами.

Этот механизм позволяет воспроизводить господствующий социально-экономический интерес для реализации главного целеполагания развития системы через устранение норм и правил, не способствующих реализации поставленных социально-экономических целей и задач, корректировать сохраняющиеся, формировать новые.

В трансформируемых хозяйственных системах становится очевидным, что объективная предопределенность прогрессивным развитием их технологического основания, требующего соответствующего социально-экономического оформления, наталкивается на субъективно заданные организационно-экономические, формальные и неформальные институциональные и др. нормы, определяемые господствующим экономическим интересом. В рамках нашей темы это имеет принципиальное значение, так как становящееся новое в рамках функционирующей старой системы не может реализовать своё функциональное предназначение, а потому проявляет себя в мнимых иррациональных формах. Но и тем самым одновременно происходит самоотрицание старых, что проявляется в их деформированных формах. Поэтому неслучайно, в таких системах возникают ощущения мнимости происходящего, психологически воспринимаемого как «жизнь во лжи».

С одной стороны, такие системы требуют субъекта, заинтересованного не в сохранении старого, а в прогрессивном технологическом и социально-экономическом развитии. Другими словами, – созидательного субъекта социального-экономического преобразования. «Собственностью и экономической властью должны овладевать субъекты и социальные слои, заинтересованные в создании и освоении новых технологий, особенно в условиях технологических санкций, развитии потенциала отечественного производства» [19, с. 14].

А, с другой, – преобразования осуществляют те, кто заинтересован в сохранении и усилении своей экономической власти.

В этих условиях необходимость и значимость субъектного подхода в исследовании систем только возрастает. Субъектный подход исследования означает развертывание и уточнение сущности экономических отношений через механизм ее реализации, опосредованный действиями экономических субъектов, наделённых особым интересом социальной активности [8, с. 33].

И здесь в реализации интересов субъектов экономики через хозяйственную деятельность принципиальное значение приобретает и обратная их реакция на сигналы, посылаемые формальными институциональными и организационно-экономическими нормами.

Фактически действующий хозяйственный механизм, представленный формальными нормами, является своеобразным индикатором появления неформальных институциональных норм, встроенных в субъективный формальный хозяйственный механизм экономик. В развернутом виде – это результат принятия и реализации решений хозяйствующими субъектами.

О некоторых шагах повышения полезности экономической науки для современной российской экономики

В первую очередь необходимость легализации политической экономии, применяющую базовую и актуальную методологию к исследованию социально-экономической природы современной российской экономики, которая неорганична и во многом весьма противоречива. Тем более, что практика такого рода исследований имеется.

Так, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов в своих работах последовательно развивали идею о том, что вместо процесса перехода к рынку, в России к 2015 году произошла и продолжает трансформироваться (замечание наше) экономика «... советского типа (мутантного социализма) в поздний капитализм периферийного типа, включающий широкий спектр добуржуазных и консервативно-советских форм ... российская экономика на предельно абстрактном уровне может быть охарактеризована как некий вид [запаздывающего генезиса] позднего капитализма ...эта предельно абстрактная характеристика принципиально недостаточна. Но ... необходима» [4, с. 692– 693].

На поверхностном уровне функционирования нашей экономики действуют формально институты позднекапиталистической системы полупериферийного типа. А по сути?

Авторы подчеркивают: «... наряду с генезисом форм позднего капитализма полупериферийного типа осуществился процесс «негативной конвергенции продуктов (1) генезиса полупериферийных форм капитализма, (2) разложения советской системы (бюрократизм и блат, выродившиеся в теневое огосударствление и паразитирование частного капитала на ... государственном бюджете и коррупционных сделках) и (3) реинкарнации позднефеодальных отношений» [4, с. 695–696]. Очевидна неорганичность трансформационной системы. Обойдем вопрос об объективных предпосылках и внутренних противоречиях стартовой экономики этой трансформации.

Но в соответствии с нашей темой, встает вопрос: почему такая внутренне противоречивая трансформация, как оказалось, воспользуемся термином исследователей, обладала качеством самоконсервации? И здесь без понимания того, что в экономиках, находящихся в трансформационном процессе, субъектный фактор играет важную роль в выборе и обеспечении направленности движения, ответить на этот вопрос невозможно.

Российская экономика столкнулась с ситуацией, когда в действующий хозяйственный механизм наряду с формальными институциональными нормами оказались встроенными неформальные нормы, «своеобразные правила игры».

Как справедливо подчеркивают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, сложился сложный способ координации: «(1) характерные для позднего капитализма формы рынка и их мутации; (2) государственное регулирование (и его мутации), а также (3) элементы добуржуазной координации» [4, с. 700]. В первом случае имеем экономическую власть «обособленных корпоративно-бюрократических групп» [4, с. 704], а не просто олигополистический рынок. А во втором – теневое государственное косвенное и/или ручное централизованное управление» (особенно проявляющееся в регионах) [4, с. 705]. Хубиев К.А. в отмеченной нами работе, характеризуя российские реформы,

пишет: «Глубоким пороком российских реформ стало вытеснение созидательных слоев общества из основ экономической системы и захват этих основ паразитическими, криминальными, компрадорскими и прочими субъектами, в приоритетных интересах которых технологический и социально-экономический прогресс не значились. Личные и общественные интересы расходились порой диаметрально. Целенаправленная гетерогенизация основ экономической системы выступила главным фактором разрушения по всей вертикали системы: экономики, культуры, морали, правопорядка и т.д. Разрушение приняло масштабы цивилизационного уровня» [19, с. 13].

Про деформированные формы проявления новых и старых отношений, речь уже шла. Более того, мы неоднократно обращались к этому вопросу, поэтому попытаемся ответить на вопрос, как и какие неформальные нормы встраиваются в хозяйственный механизм.

В рамках собственно хозяйственного подуровня хозяйственной системы субъективное восприятие хозяйствующими субъектами проявляется в субъективном осознании своего места в общественном производстве, интересов, институциональных и организационных условий и норм своей хозяйственной деятельности, воспринимая предлагаемые хозяйственные формы и нормы, по мнению д.э.н. Валерия Петровича Фёдорова, «как сигналы, своеобразные стимулы, которые предстают как кванты информации, по критерию соотношения результата и затрат» [18, с. 199, 202-203].

Воспринимая сигналы через призму своих потребностей и интересов, они принимают рациональное решение (в соответствии с поставленной им целью), критерий которого может быть как экономический, так и политический, нравственный и т.п., не соответствующий частично, либо полностью нормативным рамкам. Но пока это – локальная (индивидуальная или групповая) норма принятия и реализации решения. Но как только она начинает воспроизводиться все более широким кругом хозяйствующих субъектов, то есть растет ее концентрация, она приобретает черты неформальной нормы, встроенной в хозяйственный механизм.

В связи с этим хотим обратиться к статье В.П. Фёдорова «Модальная структура» [17]. Валерий Петрович обратил внимание, на наш взгляд, на принципиальный момент в понимании этого процесса.

Нами ранее просто фиксировалось, что спонтанно, стихийно возникающие нормы хозяйственной деятельности приводят к стихийному возникновению новых неформальных институциональных норм, регулирующих хозяйственные поведения и взаимодействия, становясь элементами хозяйственного механизма системы, в случае неадекватности формальных институциональных норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизводстве. Валерий Петрович Фёдоров пошёл дальше и предложил для дискуссии введение в гипотезу рациональных ожиданий концепцию нормально распределенной рациональности.

Прочитав его позицию по этому вопросу: «... эта неравномерно распределенная рациональность исключает вменение обществу в целом абсолютной рациональности. Эта рациональность относительна. Она воспроизводится, она нарастает, но не исключает при этом элементов нерационального поведения. При этом все относительно. То, что вчера было относительно рациональным, сегодня становится уже частью отсталого, нерационального поведения... Гораздо более обоснованным будет закладывание в макроэкономические модели не агрегированного типичного рационалиста, а нормальное распределение совокупной рациональности в обществе» [17, с. 264].

Заметим, без серьезного анализа реакции хозяйствующих субъектов (в том числе и ценностной) на сигналы, поступающие в виде формальных политических, институциональных, организационно-экономических, финансовых и др. норм, невозможно, с одной стороны, ответить на вопрос о природе появления этих неформальных норм. С другой, – на вопрос об адекватности экономической политики, проводимой государством, адекватности формальных институциональных и других



норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизводстве.

Обращает на себя внимание выступление на IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся 28 – 29 ноября 2024 года в Тверском государственном университете д.э.н., проф. Ольги Аркадьевны Александровой, посвященное последствиям наблюдаемым и латентным коммерциализации социальной сферы. Профессор привела данные по целому ряду социологических исследований, проведенных под ее руководством (2011 в Московской области, 2012 г. в 5 регионах, в 2019 и 2023 в Москве). Подробнее о методологии и результатах исследования можно, например, познакомиться в работе «Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть первая)», подготовленной Александровой О.А. и Комоловой О.А. [1]. Вывод, к которому пришли исследователи и на который обратила внимание выступающая, неутешительный: «Что касается поставленной в начале реформы задачи «более рационального» расходования бюджетных средств, то, если смотреть на социальную сферу сквозь призму сугубо бухгалтерского подхода и с ориентацией на короткий временной горизонт, она решена. Если же рассматривать вопрос комплексно, и ориентируясь на долгосрочные социальные и экономические эффекты (а отвечающая за человеческий потенциал страны социальная сфера требует именно такого подхода), то и эту задачу нельзя считать решенной. А, значит, дискуссия об организации работы социальных отраслей остается актуальной»

В 2019 году в статье «О способности России к социально-экономическим трансформациям» Дмитрий Евгеньевич Сорокин актуализировал проблему ограниченности современной экономической теории в исследовании проблем трансформационных процессов, поставил научную задачу «выявления неформальных институтов, формирующих экономическое поведение субъектов хозяйственной жизни, и на основе познания закономерностей их функционирования – определение возможных механизмов их трансформации» [16, с. 27]. Разве не кроется здесь весьма существенный аспект проблемы «эффективности» для практики экономической теории? Использование методологии экономического институционализма поможет подойти к раскрытию аспекта условий эффективности.

Наш коллега – доцент Николай Витальевич Костюкович, принимая участие в дискуссии по обсуждаемой проблеме, заметил: «теория, акцентирующая внимание на творческой стороне труда, роли информации как ресурса (предмета и средства труда) и продукта, более детальном анализе общественного характера трудовой деятельности, расширении содержания производительного труда и уточнении понятия производительности труда, изменит, вероятно, систему национальных счетов до неузнаваемости, как этого уже требует наше время, позволит восстановить в правах натуральные (естественные) макроэкономические показатели и позволит выработать адекватные оценки макроэкономических результатов».

Но это и есть необходимость и возможность использования накопленного опыта экономической теории в применении и углублении методологии исследования в единстве трех частей: политической экономии, неоклассики и неоинституциональной экономической теории. Тем самым мы поможем и нашим коллегам других направлений изучения экономики актуализировать подходы к их исследованиям ее современных проблем, а, следовательно, сделать экономическую теорию более эффективной для практики.

### **Выводы**

Позволим себе завершить статью выводами, остающимися еще более важными и актуальными сегодня, сделанными выдающимся ученым Александром Владимировичем Бузгалиным, памяти которого было посвящено Пленарное заседание IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», о которой шла речь выше.

«Вывод первый: economics и лежащие в его основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превратные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики; поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственно истинным и универсальным знанием.

Вывод второй: для учёного (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо не только овладеть economics, но и критически, творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ. В противном случае научные разработки и практические рекомендации в недалёком будущем окажутся теоретически малопродуктивными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, ... абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории» [5, с. 21].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.А., Комолова О.А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть первая) // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 96-108; Александрова О.А., Комолова О.А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть вторая) // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 79-91.
2. Антропов В.А. Общенациональная идея для современной стратегии развития профессионального образования России с.863-866 /Антропов.doc [Электронный ресурс] (дата обращения 18.07.2025)
3. Анкин Д.В. Теория познания: учеб. пособие / Д.В. Анкин. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 192 с.
4. Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2 Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
5. Бузгалин А.В. (2015). Классическая политэкономия: возвращение в университеты // Вопросы политической экономии. №1. С. 8–23.
6. Карасёва Л.А. Методологический и политэкономический потенциал современной экономической науки / Л.А. Карасева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3. С. 74-79. – EDN STYOWR.
7. Карасева Л.А. (2018). Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практичности методологии марксизма // Вопросы политической экономии. № 4 (16). С. 29–35.
8. Карасева Л.А. Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования? / Л.А. Карасева // Теоретическая экономика. 2024. № 8(116). С. 12–24. – DOI 10.52957/2221-3260-2024-8-12-24. – EDN YBFJYQ.
9. Карасёва Л.А., Петрищев В.А. Методология научного исследования: учебное пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 280 с.
10. Квасов Р.А. Философия экономических отношений / Р.А. Квасов //Экономический Вестник Ростовского университета. 2003 Т. 1 №3. С. 43–52.
11. Кошовец О.Б. (2019) Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом // Общественные науки и современность. № 5. С. 175–190. DOI: 10.31857/S086904990006636-1
12. Кусургашева Л.В. Экономическая наука, практика и образование: проблемы взаимодействия / Л.В. Кусургашева, В.Н. Давыдова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 237–243. – DOI 10.17513/vaael.1941. – EDN YIJGMQ.
13. Огнев А.Н. Проблема соотношения теории и практики в онтогносеологической детекции действительности / А.Н. Огнев // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. № 4(9). С. 98–104. – EDN RMIIZK.
14. Сергеев, А.А. Структура производственных отношений социализма: вопросы методологии исслед. /А. А. Сергеев, АН СССР, Ин-т экономики. – Москва: Наука, 1979. – 240 с. – (Проблемы сов. экономики).
15. Сидоренко Н.И. Глава 4 Развитие взглядов Г.В. Плеханова, взаимосвязь теории и практики / Сидоренко Николай Иванович // Георгий Валентинович Плеханов: жизнь, деятельность, осмысление творческого наследия: монография / под ред. Ф.Л. Шарова, Г.П. Журавлевой. М.: Международный институт экономики и права, 2018. С 134–143.
16. Сорокин Д. Е. О способности России к социально-экономическим трансформациям / Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59). С. 23–28. – EDN YYIUUKT.
17. Федоров В.П. Модальная структура экономики / В.П. Федоров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 1(69). С. 260–268. – DOI 10.26456/2219-1453/2025.1.260–268. – EDN ZDCENV.

18. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. М.: КНОРУС, 2021. 218 с.

19. Хубиев, К. А. Междисциплинарный потенциал развития экономической теории на основе политической экономии / К. А. Хубиев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2025. – № 1(69). – С. 6-17. – DOI 10.26456/2219-1453/2025.1.006-017. – EDN YWIDLQ.



# The contours of the “new reality” and the problems of reviving the meanings of modern economic science

**Karaseva Lyudmila Arshavirovna**

Doctor of Economics, Professor,  
Tver State University, Tver, Russian Federation  
E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

---

## KEYWORDS

economic theory and real practice, logical imperfection of theory, criterion of theory truth, transformational state of economy, unknown economic reality, the usefulness of economics

## ABSTRACT

This material was prepared following a speech at the opening of the IV International Scientific and Practical Conference “The Socio-Economic Trajectory of Russia’s Development: The Categorical Imperative of Being in Time and Space”, held on November 28-29, 2024 at Tver State University, Tver. We were faced with the task of setting a certain framework for discussion at its Plenary meeting, stating a topic that internally implies some attempt to answer a fundamental question: what is the relationship between economic theory and practice, and, therefore, what is the nature of the connection between their potentials. The actualization of this problem is due to the fact that recently the theory has been increasingly accused of breaking with practice. At the same time, on the one hand, there is no necessary social order for deep socio-economic theories that explore the nature of systemic problems arising in economic practice. And, on the other hand, there is a tradition of a narrowly specialized, linear approach to their research: economic, managerial, legal, etc. For example, in economic theory, there are many approaches and schools, each of which offers its own ideas about how the economy functions. Thus, the classical school focuses on the free market and minimal government intervention, Keynesianism emphasizes the role of government regulation to stabilize the economy, and neoclassicism focuses on rationality and balance. But the “new reality” is complex, because it is associated with deep transformational processes. In these conditions, the problem of preserving and developing the methodology of political economy is extremely urgent and requires close attention of the economic community to understand the socio-economic nature of the ongoing transformations in order to increase the effectiveness of modern economic science for practice. This article presents an attempt to look at the indicated problem from the standpoint of the meanings of economic science, the ultimate goal (value) or the characteristics of its usefulness for practice, while maintaining a somewhat thesis statement of key provisions, justified, in our opinion, by the multidimensional nature of the proposed material.

---

# Статистические свидетельства о российской урбанизации в перспективе «современного» экономического роста

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания РАНХИГС

Диденко Дмитрий Валерьевич 

Доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,  
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г.  
Москва Российская Федерация  
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическое развитие,  
технологии, институты,  
железнодорожный  
транспорт, фискальное  
государство, кривая  
Кузнецца

## АННОТАЦИЯ

С экономической точки зрения урбанизация рассматривается в первую очередь как переток рабочей силы из сельского хозяйства в отрасли городского производства. Цель статьи – описать ключевые процессы урбанизации в России с позиций теоретической парадигмы «современного» режима экономического роста, разработанной С. Кузнецом и модифицированной О. Гэлором. Статья опирается на результаты исследований процессов урбанизации на материале России XIX-XX вв., с использованием реконструированных исторических данных и с применением количественных методов исследования. Автор обращается к межстрановым сопоставлениям, привлекая количественные свидетельства из соответствующих наборов данных. В указанной перспективе урбанизация изучается как непосредственный источник экономического роста, поскольку города являются центрами производства, торговли и инноваций, обеспечивая агломерационные экономические эффекты. Правительства разных уровней могут способствовать урбанизации, инвестируя в инфраструктуру, а также предоставляя стимулы для размещения предприятий в городах. Так, для догоняющего развития России важное значение имело государственное стимулирование и прямое участие в строительстве железных дорог. На начальном этапе «современного» роста наблюдалось усиление дифференциации заработных плат за счет расширения надбавок за квалификацию и увеличения доли занятых в городской экономике. Также имела тенденцию возрастать и внутривосточная пространственная дифференциация. Но на протяжении большей части XX в. оба неравенства ослабевали. Таким образом, процессы технологической и институциональной модернизации экономики в направлении ее индустриального развития и соответствующего изменения ее структуры получают язык описания исторических свидетельств и их концептуальную интерпретацию, соответствующие современному уровню научного знания.

JEL codes: J24, M12, O15, P16

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-26-41>

Для цитирования: Диденко, Д.В. Статистические свидетельства о российской урбанизации в перспективе «современного» экономического роста / Д.В. Диденко - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.26-41. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Исследование исторических процессов системной трансформации, приводящих к крупным структурным изменениям, в частности, в экономических системах, сохраняет свою актуальность. Эти переходные процессы отличались многоаспектностью и противоречивостью, сопровождаемая социально-политическими кризисами и катастрофами, среди которых особое место занимают революционными события 1917-1922 гг. и конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Среди них одно из ключевых мест занимают процессы урбанизации, которые привлекают

внимание экономистов, социологов, демографов, культурологов и представителей смежных научных дисциплин. Изучение различных аспектов и особенностей урбанизации в России в исторической ретроспективе также сохраняет актуальность на современном этапе и остается в фокусе внимания экономических историков.

Непосредственным проявлением урбанизации выступает переток рабочей силы из сельского хозяйства в отрасли городского производства – (прото)промышленность и сферу услуг. Этот переход сопровождался процессами повышения производительности факторов производства за счет распространения его исторически передовых технологий и транспортной инфраструктуры, расширения товарного обмена (торговли), изменения институциональной среды (с одной стороны, формирование рыночных институтов, с другой – увеличение фискальной доли государства в экономике), а также усиления дифференциации заработных плат и совокупных доходов.

В статье предпринята попытка описать динамику и особенности этих процессов в России XIX–XX вв. с позиций теоретической парадигмы «современного» режима экономического роста, опираясь на результаты их изучения в предшествующей литературе, с использованием реконструированных исторических данных и с применением количественных методов исследования. Особое внимание уделяется периоду второй половины XIX в. – первой половины XX в. При этом в отдельных случаях при рассмотрении генезиса изучаемых процессов, автор обращается к свидетельствам XVIII в. При том, что достоверность макроэкономических показателей снижается по мере удаления в прошлое, использование реконструкций ВВП, фискальных показателей из историко-экономической литературы последних лет и, где возможно – альтернативных оценок, способно заметно продвинуть наши знания о долгосрочных социально-экономических процессах.

### Методы

Урбанизация в данной работе рассматривается как непосредственный фактор перехода к «современному» режиму экономического роста. Эта концепция активно используется в рамках научного направления «экономика развития», в рамках модернизационной парадигмы [1]. В последние три десятилетия она стала достаточно распространенной, хотя и не консенсусной, теоретической основой для описания и анализа процессов развития России периода поздней империи и раннего СССР. Она сфокусирована на изучении закономерностей перехода от общества с преобладанием натурального аграрного хозяйства к доминированию товарного индустриального сектора. В ее дискурсе могут как сочетаться дополняющие друг друга теоретические подходы к объяснению механизмов такого перехода, так и сталкиваться сильно различающиеся концепции конкретно-исторических процессов, протекавших в России имперского и советского периодов<sup>1</sup>. В данной теоретической парадигме прослеживается преемственность дореволюционного и советского периодов отечественной истории.

Под термином «современный экономический рост» С. Кузнец понимал повышение ключевых показателей производства и потребления, достигаемое за счет увеличения производительности на основе применения в производстве новых знаний в результате развития науки и образования [3, р. 81-82, 190, 286-293]. В свою очередь, продолжением идей С. Кузнеца в историко-экономической ретроспективе стала разработанная в [4] «объединенная теория роста», которая объясняет движущие факторы и механизмы перехода от «мальтузианского»<sup>2</sup> к «современному» режиму экономического роста.

### Результаты

<sup>1</sup> См., например, в [2].

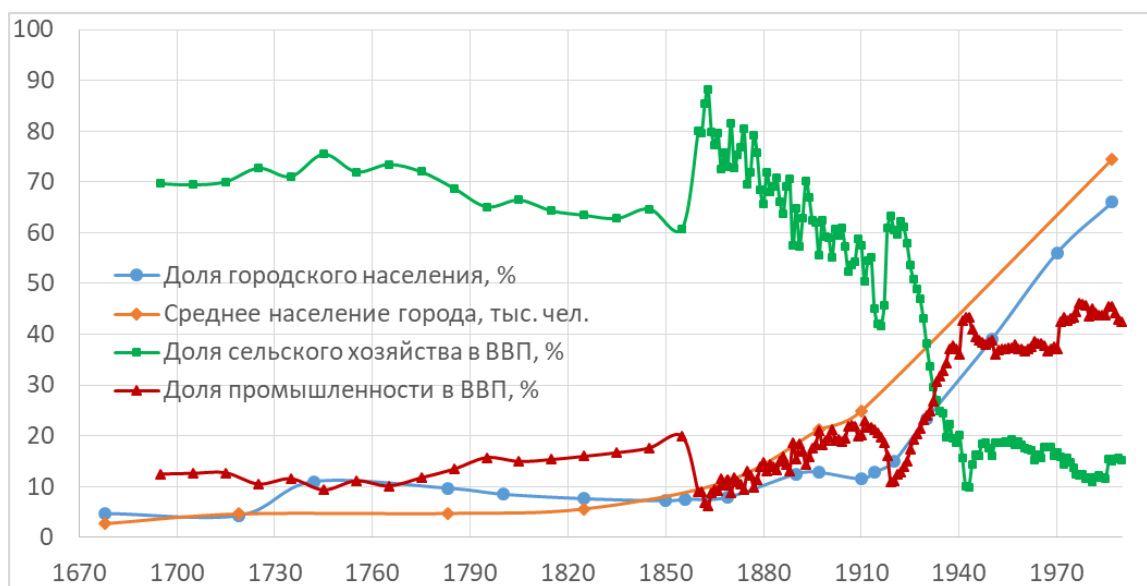
<sup>2</sup> Характеризуется очень медленными долгосрочными темпами роста уровня дохода на душу населения, с сильными колебаниями в зависимости от фазы демографического цикла (с обратной зависимостью от изменения численности населения). С позиций структурно-демографической теории в рамках модернизационной парадигмы см.: [5, т. 1, с. 12-34; т. 2, с. 273-448].

### 1. Масштабы российской урбанизации

Первоначально в европейской части России городское поселение выполняло функции прежде всего военно-административно-религиозного центра. С начала XVIII в. и до настоящего времени городом или поселком считается населенный пункт, официально признанный государством<sup>3</sup>. При этом в конце XVII – середине XVIII вв. уровень урбанизации в России был значительно ниже, чем в Западной Европе. Уровень концентрации, влияющий на эффект масштаба, также был низким. В 1678 г. только 77 из 200 российских городских поселений имели более 2000 жителей (все в европейской части), в 1910 г. – 489 из 700 [6, т. 1, с. 791-792].

Из рисунка 1 видно, что до начала XX в. урбанизация в России носила неровный характер, при этом сильный рост отмечен в XX в. в советский период.

В России не было столь сильной связи между урбанизацией и развитием мануфактур и промышленности, как в Западной Европе. Фактически уровень урбанизации в XVIII в. был ниже, так как земледелие было основным занятием для значительной части постоянных городских жителей. Так, в 1760-х гг. не менее 58,9% всех русских городов, признанных государством, специализировались на земледелии. Эта доля уменьшилась до 22,0% к 1850-м гг. и до 8,5% к 1897 г., когда уже преобладал многоотраслевой тип городского поселения. Однако аграрный город отличался от села тем, что выполнял хотя бы одну типично городскую функцию. В частности, могло происходить формирование человеческого капитала: треть аграрных городов имели какое-либо учебное заведение. Даже сельскохозяйственная деятельность горожан была теснее связана с рыночным обменом, чем в деревне [6, т. 1, с. 811-815].



**Рисунок 1** – Городское население и ключевые сектора экономики России, 1670-е – 1990 гг.

Источник: составлено автором по: население городов: [7, с. 152, 192], [6, т. 1, с. 839, т. 3, с. 752, 799]; сектора экономики в ВВП: 1690-е - 1850-е гг.: [8]; 1860-1990 гг.: [9, Appendix Tables and Notes].

С середины XVIII в. до середины XIX в. в России наблюдался спад уровня урбанизации (рисунок 1). Факторы, обусловившие эту тенденцию, заключались в следующем.

Первой причиной было превышение городского уровня смертности над сельским. Более

<sup>3</sup> Только в 1775 г. была введена должность градоначальника как единственного представителя императорской власти в большинстве городов. С этого времени городское поселение возникло как самостоятельная административная единица со специфическими органами государственного управления, что способствовало окончательному размежеванию его с окрестным районом, между горожанами и крестьянами в административном отношении. «Устав о правах и льготах для городов Российской империи» (1785 г.) в юридическом плане завершил разграничение между городским и сельским обществом. Однако на протяжении всего XVIII в. в городах проживало более 50% населения, не принадлежавшего к городскому сословию, а в сельской местности проживало около 30% всех городских жителей (в том числе и купцов) [6, т. 1, с. 806-810].



высокая смертность в городах объяснялась скученностью населения, что способствовало распространению инфекционных заболеваний, худшим санитарно-гигиеническим условиям проживания по сравнению с сельской средой.

Второй причиной была слабая городская миграция крестьянства. Помимо ограничений, вызванных крепостным правом, сельское хозяйство было более прибыльным, чем торговля и производство, из-за более высоких цен на сельскохозяйственную продукцию в XVIII в. – первой четверти XIX в.

Третьей причиной была политика центрального правительства, сдерживавшая рост городов до середины XIX в. Хотя уменьшение доли городского населения прекратилось после отмены крепостного права (1861 г.) и других Великих реформ 1860-х гг., урбанизация все еще шла вяло: с 1856 по 1914 г., до начала Первой мировой войны, доля городского населения увеличилась лишь с 9% до 15,3% [6, т. 1, с. 838-841].

Медленная урбанизация даже после 1861 г. объясняется рядом факторов. Во-первых, за крестьянами оставался значительный фонд надельной земли, которая постепенно приобреталась в собственность. Естественно, они стремились его сохранить. Даже те, кто постоянно проживал в городах, воздерживались от расставания с деревней, где оставались их семьи. Второй фактор заключался в том, что индустриализация почти в равной степени охватила городскую и сельскую местность. А статус административного города поселение приобретало не автоматически, после достижения определенного уровня развития торговли и промышленности, как это было во многих европейских странах, а по государственному нормативному акту.

Хотя политика правительства в отношении роста числа городов претерпела изменения после 1861 г., этому процессу мешало нежелание крестьян переходить в городское сословие. Они имели для этого свое экономическое и социальное обоснование. Во-первых, получение статуса городского жителя неизбежно вело к повышению налогов на самоуправление и текущее функционирование создаваемых учреждений, которые были обязаны иметь города. Во-вторых, земли, принадлежавшие крестьянам, изменили свое правовое положение и оказались в распоряжении городского самоуправления. В последнем ведущее место вообще принадлежало не бывшим крестьянам, а купцам. В-третьих, с 1812 г. и особенно после 1861 г. крестьяне получили широкие легальные возможности заниматься предпринимательской деятельностью путем покупки соответствующих прав.

Таким образом, основной причиной медленной урбанизации в Российской империи был низкий уровень спроса на промышленные товары даже со стороны фактически урбанизированного населения и слабая товаризация экономики. Но официальные данные о городском населении недооценивали истинный размер урбанизации с 1860-х гг. Для получения более адекватной картины необходимо также учитывать масштабы несколько скрытой урбанизации де-факто, которая распространяется более быстрыми темпами, чем урбанизация де-юре. Речь идет о расширении участия сельского населения в торгово-промышленной деятельности (полная или частичная занятость) и строительстве промышленных предприятий в сельской местности [6, т. 1, с. 841-846].

## **2. Расширение торговли**

Торговля выступает следствием сельскохозяйственной (и промышленной) специализации через увеличение доходов населения. В аграрных обществах также может наблюдаться рост торговли в сочетании с увеличением численности населения. Действительно, рост смитианского типа основан на разделении труда, для которого обмен товарами посредством торговли является важной движущей силой до-современного экономического роста.

Советская марксистская историография подчеркивала наличие тенденций к усилению обмена, товаризации и проникновению денежного обращения в народное хозяйство. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов [10] на основе усилившейся корреляции колебаний цен в губерниях Европейской России обосновали тезис о наличии процессов интеграции местных рынков в единый всероссийский

рынок. Эти процессы начались еще в XVIII в. и в основном завершились в отношении рынка сельскохозяйственной продукции к 1880-м гг.

Б.Н. Миронов [11] приводил много свидетельств о растущей интенсивности торговли, содержащих информацию о количестве лавок и других торговых точек, товарных ярмарках<sup>4</sup> как в городах, так и в сельской местности и их товарообороте, а также об укреплении деловых связей между купцами из разных губерний. Также это тезис поддерживается свидетельствами о развитии торговых путей за счет улучшения транспортной инфраструктуры [12, р. 283-310], [13]. Исследования, основанные на региональных данных, подтвердили это предположение<sup>5</sup>. Представители западной историографии<sup>6</sup> также в основном указывали на отмеченные тенденции, хотя и несколько менее оптимистично оценивали их социальные последствия.

Развитие внешней торговли связано с развитием портов, таможенных пунктов, располагавшихся преимущественно в городах, а также транспортной инфраструктуры [16, с. 450-453]. Динамика внешней торговли России задокументирована за весь рассматриваемый период<sup>7</sup>. В работе [18] отсутствуют расхождения с данными по совокупным объемам внешней торговли России в [20], где они также начинаются с 1802 г., в связи с использованием тех же источников за 1802-1913 гг.

Развитие торговли имело положительные внешние эффекты, которые способствовали дальнейшему переходу к современному режиму роста.

Во-первых, торговля благоприятствовала приобретению элементарной грамотности и навыков счета как купцами, так и их покупателями. В начале XVIII в. русское купечество так неохотно относилось к обучению своих детей, что просило Сенат сделать для них исключение в осуществлении царского указа о наборе в «цифирные школы». Первым аргументом купцов были высокие альтернативные издержки (без помощи своих детей им было бы труднее вести дела). Вторым аргументом заключался в том, что их отпрыски обучаются в процессе практической работы. Сенат освободил купечество ряда городов от обязательного обучения<sup>8</sup>. Однако фрагментарные данные свидетельствуют о том, что грамотность среди русского купечества была относительно высока (верхушка купечества 1-й гильдии сравнима с дворянством) и возрастала в течение нескольких десятилетий XVIII в. [21, с. 340]. Позже, в XIX в. – начале XX в., купеческие капиталы стали важным источником благотворительного финансирования строительства и функционирования образовательных учреждений<sup>9</sup>. Хотя эти средства выступали дополнительными по отношению к средствам государства и домашних хозяйств, роль пожертвований предпринимателей (купцов) была относительно велика на ранних этапах распространения образования в России. Таким образом, развитие торговли и формирование человеческого капитала были взаимосвязанными процессами, дополняющими друг друга в создании предпосылок для запуска современного экономического роста.

Во-вторых, капитал, накопленный купцами в результате торговой деятельности, мог быть вложен в промышленные предприятия, если они становились прибыльными проектами. Несколько волн учреждения предприятий во второй половине XIX в. (термин «грюндерство» был заимствован тогда в русский язык из немецкого) в добывающей и обрабатывающей промышленности произошло в России после «Великих реформ», проведенных в 1860-е – 1870-е гг. [23, с. 20, 24, 56].

В-третьих, в ходе развития внешней торговли происходило технологическое заимствование с Запада (в основном из Европы) за счет ввоза Россией машин (значительная доля российского

<sup>4</sup> Они обеспечивали основную часть оптовой и значительную часть розничной торговли

<sup>5</sup> Например, [14] в первой половине XVIII в. в Центрально-Черноземном районе, [15] в Томской губернии Сибири.

<sup>6</sup> Например, [12, р. 267-282].

<sup>7</sup> Экспорт: 1690-е годы: [17, р. 513]; 1742-1799: [12, р. 164]; 1802-1913: [18]; Импорт: 1742-1759: [19, с. 185]; 1760-1799: [12, р. 193]; 1802-1913: [18].

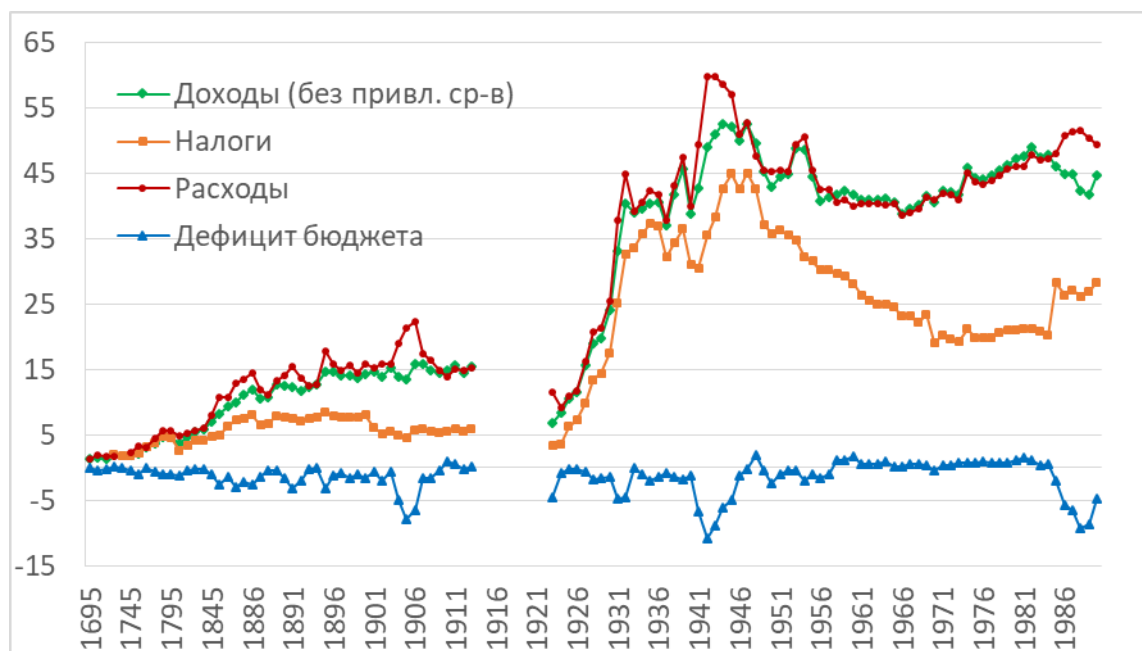
<sup>8</sup> Это свидетельство, основанное на архивных источниках, заимствовано из [21, с. 334].

<sup>9</sup> Конкретные свидетельства активизации этих процессов на Урале см., например, в [22].

импорта), удобрений. То же самое происходило при заимствовании потребительских практик высшими слоями российского общества и их приближении к западным стандартам. Однако дальнейшее их распространение путем импортозамещения было ограничено низким спросом со стороны относительно бедного населения на ранней стадии современного роста.

### 3. Проникновение государства в экономику, извлечение ренты и формирование «фискального государства»

В Российской империи наблюдалась долгосрочная тенденция к повышению уровня проникновения государственной бюджетной системы в национальную экономику (рисунок 2). На ранних этапах развития фискального государства в России изъятие ренты происходило в основном не со стороны государства, а скорее со стороны частных землевладельцев. Государственное налогообложение оказалось очень низким даже во времена Петра I (начало XVIII в.), хотя историографические нарративы приписывают им очень высокий уровень обложения податного населения.



**Рисунок 2** – Доходы, налоги, расходы и дефицит бюджета центрального правительства, % ВВП (1690-1990 гг.).

*Примечание:* дефицит бюджета равен разности доходов (без средств, привлекаемых правительством у финансовых институтов) и расходов

*Источник:* составлено автором по: доходы, налоги, расходы: 1680-1710: [24, с. 206-207]; 1724-1760: [12, р. 329, 347] на основе [19, с. 185-220, 243]; 1762-1796: [12, р. 341, 346-347]; 1803-1990: [25, Appendix Tables and Notes]; ВВП: 1690-1885 гг.: [8]; 1885-1913 гг.: [26, Online Appendix]; 1923-1990: [27].

Когда Российская империя при Екатерине II (1762-1796 гг.) тратила много ресурсов на ведение войн, государственные налоги действительно возросли, но лишь до скромных 5% ВВП. После некоторой коррекции последовал еще один подъем при Николае I (1825-1855 гг., до 8% ВВП), когда правительство приступило к усилению своего бюрократического аппарата, в противовес частным землевладельцам.

В периоды Наполеоновских войн (1800-е – 1815 гг.) и Крымской войны (1853-1856 гг.) возросшие потребности бюджета покрывались во многом за счет эмиссии кредитных денег (преимущественно в бумажной форме), частично – за счет выпуска долговых инструментов. В периоды Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и Русско-японской войны 1904-1905 гг. первый источник не использовался; дефицит бюджета финансировался преимущественно за счет выпуска ценных бумаг и коммерческих ссуд иностранных банков, то есть преимущественно рыночных инструментов. Эмиссия облигаций

служила также важным источником финансирования проектов экономического развития.

Восходящая тенденция к усилению проникновения государства в экономику сохранилась во время начала современного экономического роста в конце XIX в. Рост доли губернских, уездных, городских органов самоуправления (земства, думы, управы, дворянские собрания)<sup>10</sup>, а также увеличение поступлений налогов в бюджет центрального правительства от предпринимательской деятельности обусловили в начале XX в. некоторое снижение фискальной нагрузки.

Значительное повышение доходной и расходной части государственного бюджета и ее доли в ВВП наблюдалось в конце 1920-х – начале 1930-х гг. с запуском форсированной индустриализации, а также в период Великой Отечественной войны: с 40% в предвоенном 1940 до 60% в самом трудном 1942 г., с коррекционным понижением до 51% в 1946 г. Финансирование расходов на экономическое развитие и оборону требовало повышения налоговой нагрузки.

#### 4. Развитие транспортной инфраструктуры

В индустриальной революции, позволившей преодолеть мальтузианские ограничения и вступить в эпоху современного экономического роста, транспортная революция оказалась одним из ее ключевых элементов. Быстро развивавшиеся транспортные связи явились материальной основой не только для глобального товарооборота, но и для географической мобильности населения.

По времени появления первой железной дороги, Россия не слишком отставала от пионеров железнодорожного дела: это произошло лишь на двенадцать лет позже, чем в Великобритании (соответственно в 1837 г. и в 1825 г.). Однако сколь-нибудь разветвленную сеть они образовали только в 1860-1870-е гг.

С 1860-х до начала 1890-х гг. строительство железных дорог стало приоритетом национальной политики России, для чего активно привлекался иностранный капитал, и в результате Россия добилась значительных успехов.

Значительно отставая от США, наиболее развитой экономики по объему железнодорожной сети на душу населения<sup>11</sup>, Россия к началу XX в. почти догнала Великобританию, Германию и Италию (рисунок 3). В этом нет ничего удивительного, учитывая наличие в России обширных и малонаселенных территорий, которые требовали быстрого сообщения не только по экономическим соображениям. Почти половина железнодорожных линий Российской Федерации, функционирующих в настоящее время, была построена при Российской империи. Железнодорожное строительство продолжалось и в советский период, хотя и более медленными темпами. После Второй мировой войны СССР превзошел страны Запада по количеству железнодорожных линий на душу населения. Кроме того, уже в конце XIX в. страны с развитой экономикой достигли высокого уровня обеспеченности железнодорожным транспортом, достаточного для стабилизации и распространения других транспортных средств, а именно авиации. Густонаселенные Китай и Индия, в отличие от России и Японии, не достигли уровня обеспеченности железными дорогами, типичного для стран с развитой экономикой. А во второй половине XX в. они присоединились к общей тенденции стабилизации или медленного снижения уровня обеспеченности населения железнодорожным транспортом.

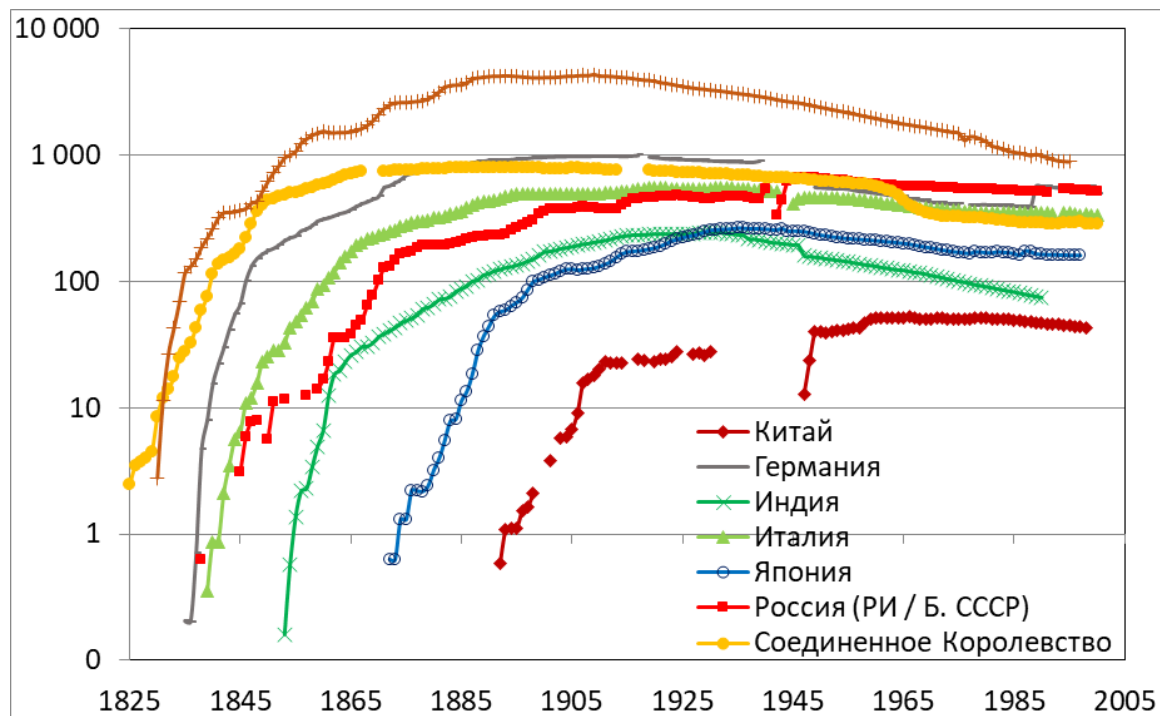
В России, как и в США, строительство железных дорог в этот период повлияло на рост городского населения. Степень влияния была долговременной, наблюдалась и сразу, и через несколько десятков лет после открытия станции. Влияние данного фактора проявлялось по-разному в зависимости от административного статуса города, приводя к наиболее заметному росту населения в малых городах (уездного уровня). Устойчивость последствий возникновения станции зависела от совокупности сопутствующих факторов: экономико-географического положения, торгово-промышленной роли

<sup>10</sup> По которым у нас имеется более фрагментарная фискальная статистика, чем по центральному правительству. Поэтому они не объединены с годовыми данными центрального правительства.

<sup>11</sup> Такого рода статистические данные наиболее надежны (по сравнению с перевезенными грузами и количеством пассажиров) и появляются в ближайшее время после того, как линии построены и введены в эксплуатацию.



города, удаленности от столиц и других. Сложившаяся ко второй половине XIX в. сетевая топология упростила миграцию населения в крупные города, а малые города стали лишь промежуточным звеном между переездом из деревни в более крупный город [30].



**Рисунок 3** – Развитие железнодорожного транспорта в России в межстрановом сопоставлении, 1825-2000-е гг.

Примечание: РИ – Российская империя (до 1917 г.); Б. СССР – республики бывшего СССР в фактических границах (1917-2002 гг.).

Источник: составлено автором по: протяженность линий, открытых в течение года: [28]; численность населения: [29].

Запуск железной дороги можно рассматривать как технологический шок для земельного рынка. Как и в любой экономической системе, где преобладают рыночные силы, Россия в позднеимперскую эпоху следовала этой тенденции, а технологический шок привел к росту цен на землю. Изменения цен на землю варьировались в зависимости от протяженности новых железнодорожных линий в затронутых регионах. Отмечалась положительная связь между длиной железной дороги по регионам как с ценами на землю, так и с темпами роста цен на землю. Тем самым подтверждалась гипотеза о том, что доступ к железной дороге должен был привести к повышению цен на такую форму материального капитала, как пахотные земли [31].

В первой половине XIX в. основу транспортной системы России составляли водные пути, которые в целом удовлетворяли потребности доиндустриальной экономики. Это определялось обилием рек, дешевизной грузов и некоторыми другими частными обстоятельствами. Вскоре выявились недостатки системы водных путей, сдерживавшие дальнейшее развитие промышленности, торговли и сельского хозяйства. В частности, эти недостатки были связаны с сезонностью. Во второй половине XIX в. основным средством перевозки грузов в России стала железная дорога. Массовое железнодорожное строительство в сочетании с развитием паровозного транспорта во многом способствовало процессам индустриализации в России. Сочетание железнодорожного и водного транспорта эффективно решало проблему дефицита логистической сети, интенсифицируя товарооборот, способствуя развитию тяжелой промышленности (металлургии, машиностроения, добывающей и нефтедобывающей промышленности и т. д.) и инноваций, стимулируя развитие транспортной инфраструктуры в городах и ускорению процесса индустриальной революции в целом [13].

Железная дорога являлась не просто средством социальной мобильности или экономического прогресса, но также была частью военной инфраструктуры и политического контроля. Апеллируя прежде всего к военным и политическим аргументам, австрийский инженер и предприниматель Антон фон Герстнер убедил императора Николая I выдать ему концессию на строительство железной дороги между Санкт-Петербургом и Царским Селом, ставшей первой в России (в 1837 г.). Строя железные дороги, российская элита в столице получала дополнительный контроль над обширными имперскими территориями [32].

Создание сети железных дорог порождало и серьезные проблемы. Во-первых, частные средства составляли небольшую долю в строительстве железных дорог, и большая их часть представляла собой гарантированные государством кредиты компаниям. Воспользовавшись этим, владельцы и подрядчики искусственно завышали стоимость строительства. Фактически они использовали государственные средства для получения частных прибылей, что легло тяжелым бременем на российский бюджет и явилось одной из основных причин роста внешнего долга и бюджетного дефицита. В царствование Александра III (1881-1894 гг.) правительство разочаровалось в частных железнодорожных компаниях, и был избран курс на национализацию железных дорог, причем все новые дороги должны были строиться за казенный счет. Национализация значительно расширила возможности государственного регулирования железнодорожной отрасли. Общегосударственное тарифообразование с 1887-1893 гг. стимулировало сообщение с Сибирью и Дальним Востоком. После 1894 г. железнодорожные тарифы в России были одними из самых низких в мире. Такие тарифы были важной частью политики облегчения передвижения людей и товаров [13].

## 5. Динамика реальных заработных плат и их дифференциации

Важным процессом, сопровождавшим урбанизацию, является динамика реальных заработных плат и их дифференциации, что имело существенное значение для исторической динамики неравенства доходов. Ее описывает «кривая Кузнецца», впервые сформулированная в работе [33]. В ее подтверждение имеется достаточно свидетельств, которые показывают, что уровень индивидуального неравенства доходов возрастал на ранних стадиях индустриального развития, как следствие сдвигов в структуре спроса и предложения навыков, квалификаций и в институциональной структуре рынков труда [34].

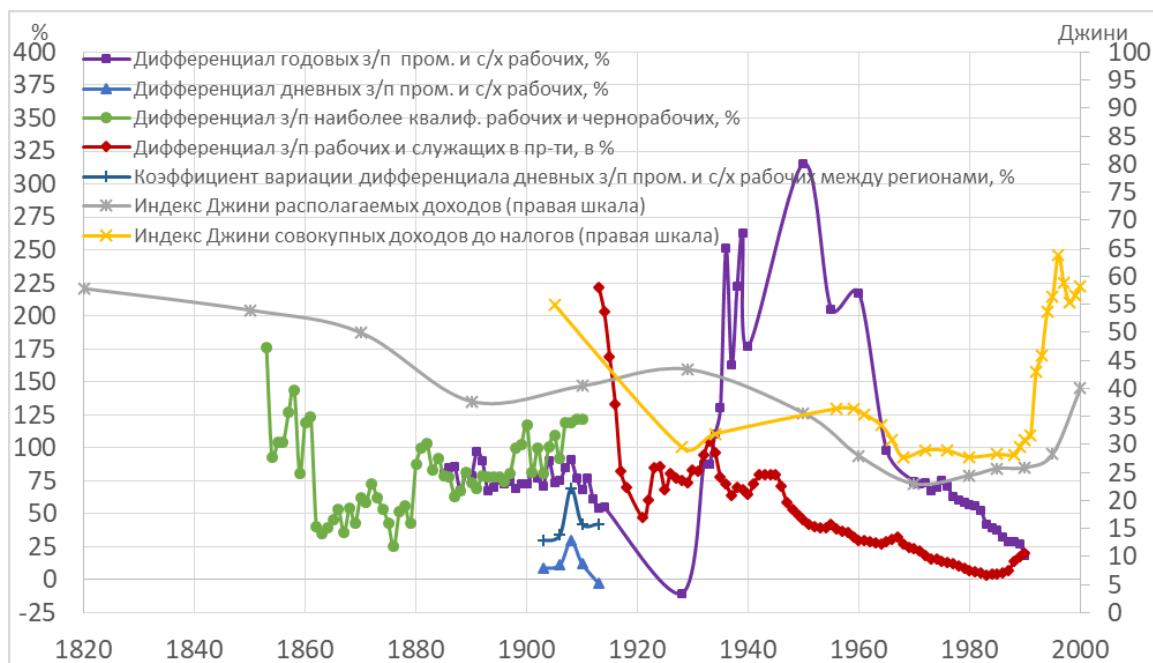
На начальном этапе современного роста в работах Л.И. Бородкина и соавторов [35; 36; 37] показано, что информация из источников микроуровня свидетельствует о некотором расширении надбавки за квалификацию для промышленных и строительных рабочих. Более ранние наблюдения [38, с. 88] подтверждают, что премия за квалификацию расширилась на ранней стадии современного роста в России. В Санкт-Петербурге квалифицированные рабочие в среднем получали заработную плату примерно на 95% выше, чем неквалифицированные. Эта величина примерно соответствует разрыву, наблюдаемому в развивающихся странах в XIX в., и намного превышает разрыв в США в 1890-х гг. [37, р. 75, 76, 88].

На рисунке 4 можно проследить небольшой рост премии за квалификацию на ранней стадии современного роста в России (конец XIX в). После сильного снижения с середины 1910-х – 1920-х гг., возникшего в результате войн и эгалитаристской идеологии Российской революции, другая (восходящая) часть относится к периоду советской форсированной индустриализации 1930-х – середины 1950-х гг.<sup>12</sup>.

В советский период догоняющего развития промышленности (межвоенный период 1930-х гг.) быстро росла потребность в высококвалифицированной рабочей силе и ее редких

<sup>12</sup> Для России/СССР в качестве заработной платы низкоквалифицированных рабочих мы принимаем заработную плату отдельно сельскохозяйственных и промышленных рабочих, поскольку для этих групп мы располагаем наиболее достоверными длинными рядами данных. В начале перехода России к современному росту заработная плата в сельском хозяйстве, которую можно интерпретировать как базовый уровень оплаты неквалифицированного труда, основательно документировалась на национальном и региональном уровнях с начала 1870-х гг.

навыках. Поэтому реальная структура и динамика заработной платы скорее не соответствовала декларируемым государством идеологическим ценностям, и оно было вынуждено приспособлять свою марксистскую идеологию (гибко используя лексику и цитаты из классиков) к социальным и экономическим вызовам. Государственная политика фактически заключалась в увеличении разрыва между городом и деревней и увеличении надбавок за квалификацию в промышленности.



**Рисунок 4** – Альтернативные оценки дифференциации заработной платы в России, XIX–XX вв.

Источник: составлено автором по: индекс Джини располагаемых доходов: [39]; индекс Джини совокупных доходов до налогообложения: [40]; дифференциал годовых заработных плат промышленных и сельскохозяйственных рабочих (включая колхозников): 1885–1913: расчет автора по: 1885–1913: [26] на основе [41]; 1940–1991: [27] на основе официальной статистики ЦСУ / ЦУНХУ / Госкомстата СССР; дифференциал дневных заработных плат промышленных и сельскохозяйственных рабочих и его коэффициент вариации: расчет автора на основе [42] и [43]; дифференциал заработных плат квалифицированных рабочих (слесарей) и чернорабочих: расчет автора на основе [35]; дифференциал заработных плат рабочих и служащих в промышленности: [44].

Первые признаки перелома тенденции к увеличению дифференциации в оплате труда появились в 1946 г., а реформы структуры заработной платы середины 1950-х гг. установили противоположную тенденцию к выравниванию доходов, которая действовала до середины 1980-х гг. В период эволюционного развития директивной плановой экономики относительная заработная плата в интеллектуалоемком секторе снижалась, а относительная заработная плата в другом секторе росла. Факторами, лежащими в основе такой характеристики, по-видимому, являются как приоритеты, установленные официальной идеологией, так и структура спроса/предложения на квази-рынке труда [34].

В ходе индустриализации рабочая сила зачастую перемещалась из периферийных/сельскохозяйственных регионов в центральные (как это произошло в Англии), соответственно, производство увеличивалось в регионах странового ядра. Это усиливало неравенство в стране в целом. Когда доля городского производства (промышленности и услуг) становится больше 50%, неравенство снова уменьшается, в том числе вследствие межрегиональных связей и государственной политики выравнивания. Такая закономерность описана Дж. Уильямсоном [45], который высказал предположение о колоколообразной форме долгосрочного тренда динамики межрегионального неравенства.

Вопрос о динамике неравенства между регионами и профессиями в России конца XIX – начала XX вв. также обсуждался в историографии. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов [10, с. 325–351]

документировали завершающий этап формирования единого рынка труда сельскохозяйственных рабочих европейской части России к концу XIX - началу XX вв. Это выразилось в скоррелированной динамике и снижении межрегиональной дифференциации поденных ставок. Наиболее развитые рынки труда оказались в «черноземной» зоне. Однако даже к 1914 г. местные рынки сельской рабочей силы в европейской части России не достигли такого уровня интеграции, чтобы их можно было рассматривать как единый рынок. В начале XX в. ставки заработной платы в сельском хозяйстве росли ускоренными темпами [10, с. 350-351]. Это могло привести к сокращению разницы между заработной платой в сельском хозяйстве и в промышленности.

Ю.И. Кирьянов [46, с. 106, 110] отмечал наличие конвергенции заработной платы промышленных рабочих между отраслями и регионами. Это свидетельствует о формировании единого рынка труда (в данном случае среди 20 губерний европейской части Российской империи).

Исследование [47] на основе агрегированных общероссийских данных за период 1884-1910 гг. обнаружило свидетельства конвергенции сельских и городских рынков труда. По другим данным, разрыв увеличился с 0,55 до 0,65 ([26], на основе [38, с. 92] и [41, с. 253, 267-268, 293]), с повышением на 0,16 процентных пунктов ежегодно по тренду линейной регрессии.

Однако, картина существенно отличалась в зависимости от региона. В столичной Санкт-Петербургской губернии соотношение было стабильным, если измерять его как соотношение между заработными платами сельских и городских рабочих средней квалификации (штукатуров), которые были примерно на одном уровне. Либо это соотношение очень незначительно сузилось с добавлением квалифицированных рабочих, поскольку надбавки за квалификацию в то время выросли. При этом поденные ставки различались в среднем лишь на 10%. В целом, разрыв в заработной плате в сельской и городской местности в среднем составлял примерно 35-40%, оставаясь относительно стабильным с течением времени [37, р. 76, 80, 95].

Сравнивая вышеперечисленные эмпирические свидетельства с моделями С. Кузнецца и Дж. Уильямсона, можно сделать вывод, что динамика дифференциации оплаты труда в России/СССР во второй половине XIX в. – XX в. скорее следовала международным тенденциям на индустриальном этапе экономической модернизации.

### **Заключение**

Урбанизация, то есть перемещение населения из сельской местности в городскую, является первым непосредственным источником современного режима экономического роста, поскольку города являются центрами производства, торговли и инноваций.

В период Российской империи урбанизация в России носила неровный характер. Сильный рост отмечен в XX в. в советский период. При этом российская статистика во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. скорее завышала уровень урбанизации (значительная часть городского населения занималась сельским хозяйством), а в конце XIX – начале XX в. скорее ее недооценивала (значительная часть сельского населения была полностью или частично занята в промышленном производстве, мощности которого активно строились в сельской местности).

Множество факторов способствовали урбанизации и, следовательно, увеличению подушевого объема производства, в том числе:

а) Экономический рост (обратные связи). По мере роста экономики люди склонны переезжать в города в поисках лучшей работы и возможностей.

б) Развитие торговли и рыночного обмена.

в) Государственная политика: правительства разных уровней могут способствовать урбанизации, инвестируя в инфраструктуру, такую как железные дороги, а также предоставляя стимулы для размещения предприятий в городах.

г) Изменения в трудовых отношениях, оплате труда и дифференциации доходов в целом.

Более интенсивная урбанизация может привести к увеличению производственной активности в разных отраслях промышленности и сферы услуг, поскольку города обеспечивают большой



резерв рабочей силы и агломерационные экономические эффекты. Однако взаимосвязь между урбанизацией и производством является сложной, поскольку она может зависеть от других факторов, помимо роста, таких как уровень технологий и государственная промышленная политика.

Развитие торговли, во взаимодействии с государственной внешней политикой, может сыграть свою роль в подъеме индустриализации, например, обеспечивая доступ к новым рынкам и ресурсам, а также поставляя знания и ресурсы.

Важным фактором урбанизации выступает государственная политика, в частности в области налогообложения и фискальной нагрузки. Это связано с тем, что экономика крупных городов чаще более производительна и генерирует больше налоговых поступлений, чем в более мелких городах. В этом проявляется эффект масштаба. Кроме того, правительства разных уровней могут с большей вероятностью извлекать доходы из городов для финансирования общественных благ и услуг, которые могут способствовать экономическому развитию. Так, для догоняющего развития России важное значение имело государственное стимулирование и прямое участие в строительстве железных дорог. Оно активизировалось в 1860-е – 1870-е гг., предшествуя индустриальному подъему 1880-х гг. и последующих лет.

Как правило, на ранних стадиях современного экономического роста происходит усиление дифференциации заработных плат (за счет расширения надбавок за квалификацию и увеличения доли занятых в городской экономике с более высокой оплатой, чем в сельской); обратная тенденция связана с поздней стадией современного экономического роста («кривая Кузнеца»). Аналогичная динамика наблюдается в отношении пространственного неравенства («кривая Уильямсона»): рыночные импульсы к современному экономическому росту, прежде всего развитие промышленного сектора, сначала затрагивали основные регионы страны, а затем распространялись на периферийные, во многом под воздействием государственной политики выравнивания. Эта закономерность все же нуждается в дополнительном подкреплении количественными свидетельствами, особенно за дореволюционный период российской экономической истории.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 211–228.
2. Побережников И.В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1 (66). – С. 140–148.
3. Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. – New Haven; London: Yale University Press, 1966.
4. Galor O. *Unified Growth Theory*. – Princeton (N.J.): Princeton University Press, 2011.
5. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. В 2 т. – М.: Территория будущего, 2010, 2011.
6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е изд., испр. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
7. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М.: Наука, 1977.
8. Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s // *Journal of Economic History*. – 2024. – Vol. 84. – № 4. – P. 997-1028. – URL: <https://doi.org/10.1017/s0022050724000287>.
9. Kuboniwa M., Shida Y., Tabata S. Gross Domestic Products // Kuboniwa M. et al. (Eds.). *Russian Economic Development over Three Centuries: New Data and Inferences*. Singapore: Palgrave Macmillan. – 2019. – P. 335–419 (Appendix Tables and Notes: – URL: [https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/mt\\_images/publications/Appendix\\_tables\\_Chapter\\_11\\_and\\_Appendix\\_Note\\_11.4.\\_20191120.xlsx](https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/mt_images/publications/Appendix_tables_Chapter_11_and_Appendix_Note_11.4._20191120.xlsx)).
10. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок (XVIII – начало XX в.): Опыт количественного анализа. – М.: Наука, 1974.
11. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. – Л.: Наука, 1981.
12. Kahan A. *The Plow, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. – Chicago: University of Chicago Press, 1985.
13. Гуансян Чж. Транспорт и экономическое развитие России в XIX — начале XX века / пер. с кит., науч. ред. А.М. Курышов. // *Историко-экономические исследования*. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 645–696.
14. Мизис Ю.А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов: Юлис, 2006.
15. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVI–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Водолей, 1996.
16. Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX вв. организация и финансирование / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
17. Kotilaine J.T. *Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century: Windows on the World*. Leiden – Boston: Brill, 2005.
18. Валетов Т.Я. Проект «Статистика внешней торговли Российской империи»: характеристика источника и цифрового ресурса // *Историческая информатика*. – 2017. – №. 1. – С. 5–14. – URL: <https://doi.org/10.7256/2306-0891.2017.1.22195> (Данные: [www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign\\_trade.htm](http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm))
19. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М.: Наука, 1966.
20. Mitchell B. *International Historical Statistics. Europe*. 5th ed. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
21. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). – М.: Археографический центр, 1999.
22. Микитюк В.П. Отношение уральских предпринимателей к образованию во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт «отцов» и «детей» // *Уральский исторический вестник*. – 2017. – № 1. – С.

50–58.

23. Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. – М.: Экономика, 2014.

24. Шумилин О.В., Шумилина В.О. Доходы и расходы государственного бюджета Русского Царства и Российской империи за 1680-1917 гг. // Аудит и финансовый анализ. – 2018. – №. 5. – С. 203–209.

25. Tabata S., Tabata T. State Budget // Kuboniwa M. et al. (Eds.). Russian Economic Development over Three Centuries: New Data and Inferences. Singapore: Palgrave Macmillan. – 2019. – P. 251-289 (Appendix Tables: – URL: [https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/mt\\_images/publications/Ch8\\_Appendix\\_tables.xlsx](https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/mt_images/publications/Ch8_Appendix_tables.xlsx)).

26. Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // The Review of Economic Studies. – 2017. – Vol. 84. – №. 2. – P. 613–649. + Online Appendix. – URL: <https://doi.org/10.1093/restud/rdw026>.

27. Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. – 2013. – Vol. 4. – №. 2. – P. 123-135, Supplementary data. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>.

28. Comin D.A., Hobbijn B. The CHAT Dataset. NBER Working Paper. – No. 15319. – September. 2009. – URL: <https://www.nber.org/papers/w15319>, <https://data.nber.org/data-appendix/w15319/>.

29. Maddison Project Database, version 2020. Bolt, J., and J. L. van Zanden. “Maddison style estimates of the evolution of the world economy. A new 2020 update.” – URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020?lang=en>.

30. Кончаков Р.Б., Карпенко М.А. Влияние железнодорожного транспорта на развитие городов европейской России во второй половине XIX – начале XX вв. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2018. – № 47. – С. 33–34. – URL: [http://case.asu.ru/files/form\\_312-32961.pdf](http://case.asu.ru/files/form_312-32961.pdf).

31. Leonard C.S., Nazarov Z., Borodkin L.I., Karpenko M.A., Konchakov R.B. Land Prices and Railroad Building in European Russia, 1860s to the early 1900s // Russian Journal of Economics. – 2021. – Vol. 7(2). – P. 93–104.

32. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / Пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2016 [2014].

33. Kuznets S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. – 1955. – Vol. 45. – №. 1. – P. 1–28.

34. Диденко Д.В. «Кривая Кузнеца» как проявление системных трансформаций: дифференциация доходов в индустриальной и постиндустриальной экономике // Экономическая история: Ежегодник. 2009. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2009. – С. 300–344.

35. Бородкин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 331–355.

36. Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н.Коншина (конец XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 351–388.

37. Borodkin L.I., Granville B., Leonard C.S. The rural/urban wage gap in the industrialisation of Russia, 1884–1910 // European Review of Economic History. – 2008. – Vol. 12. – №. 1. – P. 67–95.

38. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. – М.: Наука, 1966.

39. Van Zanden J.L., Baten J., Földvári P., Van Leeuwen B. The Changing Shape of Global Inequality 1820-2000; Exploring a New Dataset // Review of Income and Wealth. – 2013. – Vol. 60. – №. 2. – P. 279–297. – URL: <https://doi.org/10.1111/roiw.12014>.

40. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016 // Journal of Economic Inequality. – 2018. – Vol. 16. – №. 2. – P. 189–223. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11464-018-0611-1>.

org/10.1007/s10888-018-9383-0.

41. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 1982.

42. Волков В.В. «Дешево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX – начале XX в. В 2 ч. – СПб.: Политехника-принт, 2016.

43. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств / Министерство земледелия. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. – СПб. – Пг., 1907, 1916.

44. Диденко Д.В. Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 1(74). – С. 6–15. – URL: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-6-15](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15).

45. Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns // *Economic Development and Cultural Change*. – 1965. – Vol. 13. – №. 4. – Part II. – P. 1-84.

46. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1979.

47. Borodkin L.I., Leonard C.S. The rural urban wage gap in the industrialisation of Russia, 1885–1913. // Oxford University, Department of Economics Working Paper – №. 14. – 2000. – URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:37cd0307-2972-4087-ad87-d88ca4ec9d6c>.



# Statistical evidence on Russian urbanization in the perspective of “modern” economic growth

**Didenko Dmitry Valeryevich**

Doctor of Sciences in Economics, Candidate of Sciences in History, Leading Research Fellow,  
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation  
E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

---

## KEYWORDS

economic development,  
technology, institutions,  
railway transport, fiscal state,  
Kuznets curve

## ABSTRACT

From an economic perspective, urbanization is considered as a transition of labor from agriculture to urban manufacturing sectors. The objective of the article is to describe the key processes of urbanization in Russia in the perspective of the theoretical paradigm of the “modern” economic growth regime coined by S. Kuznets and updated by O. Galor. The author bases on the results of studies of urbanization processes based on the evidence on Russia in the 19th-20th centuries, using reconstructed historical data and quantitative research methods. The author resorts to cross-country comparisons, by borrowing quantitative evidence from the data sets. In this perspective the author studies urbanization as an ultimate source of economic growth, since cities are considered as centers of production, trade and innovation, and provide agglomeration economic effects. Governments at various levels can promote urbanization by investing in infrastructure, as well as providing incentives for businesses to locate in cities. Thus, for Russia’s catching-up development, government incentives and direct participation in the construction of railways were important. At the early stage of “modern” growth an increase in wage differentiation was observed, due to widening of skill premium and increase in the share of those employed in the urban economy. Within-country spatial differentiation also tended to increase. However, during the most part of the 20th century both inequalities moderated. Thus, the author provides a state-of-the-art description and theoretical explanation of the processes of technological and institutional modernization of the economy towards its industrial development and the consequent change in its structure.

---

# Влияние неопределенности на производительность организаций

**Елкина Ольга Сергеевна** 

Доктор экономических наук, профессор,  
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: elkina-os@ranepa.ru

**Елкин Станислав Евгеньевич** 

кандидат экономических наук, доцент,  
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: elkin-se@ranepa.ru

**Реутова Ирина Михайловна** 

кандидат экономических наук, доцент,  
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: reutova-im@ranepa.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неопределенность,  
производительность  
организации, финансовые  
резервы, невозвратные  
инвестиции, индекс  
экономической  
неопределенности,  
финансовая гибкость

## АННОТАЦИЯ

В данном исследовании анализируется влияние неопределенности на совокупную факторную производительность (TFP) предприятий. Опираясь на работы Абея А, Бернанке Б., Бейкера С., Блума Н. и Дэвиса С., мы подтверждаем, что неопределенность снижает инвестиционную активность, задерживает принятие решений и негативно влияет на производительность компаний. В качестве ключевого показателя неопределенности используется индекс BBD, объединяющий три ключевых компонента: медийный контент, фиксирующий изменения в общественном восприятии нестабильности и рисков; динамику изменений в налоговом законодательстве, как фискальную политику, создающую восприятие нестабильности и рисков; и дисперсию макроэкономических прогнозов, формирующих уровень неопределенности относительно будущего экономического развития. Эмпирический анализ показывает, что шоки неопределенности сокращают совокупную факторную производительность за счет снижения инвестиций, перераспределения ресурсов и задержек в найме. При этом компании с высоким уровнем денежных резервов или невозвратных инвестиций, демонстрируют меньшую чувствительность к неопределенности, поскольку внутренние финансовые резервы смягчают ее негативный эффект. Однако даже в этом случае остаточное негативное влияние остается значительным. Для проверки устойчивости результатов применяются альтернативные меры неопределенности (JLN, HHVLT, BEX), что позволяет исключить смещение, связанное с деловым циклом. Основной вклад исследования заключается в доказательстве статистически и экономически значимого воздействия неопределенности на совокупную факторную производительность, а также в выявлении финансовой гибкости как фактора, частично нивелирующего этот эффект. Результаты имеют значение для корпоративных стратегий и экономической политики, направленной на снижение влияния неопределенности на деятельность организаций.

JEL codes: E22; E27; E23

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-4-42-61>

Для цитирования: Елкина, О.С. Влияние неопределенности на производительность организаций / О.С. Елкина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.42-61. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Большое количество исследователей изучая влияние неопределенности на поведение агентов в экономике, пытались количественно оценить ее влияние на решения, принимаемые организацией, особенно в контексте инвестиций, потребления и совокупной факторной производительности.

В частности исследования Абея А.Б. [1] доказали, что неопределенность уменьшает уровень инвестиций даже без учета склонности к риску. Идеи Бернанке Б. [6] заложили основу опционной теории инвестиций, доказывающей, что агенты в экономике откладывают инвестиции даже при положительной отдаче, если действует неопределенность и необратимость. Исследования Абея А.Б. и Эберли Дж. привели к формированию модели, применимой к широкому спектру отраслей, объединяющей реальные опционы,  $q$ -теорию Тобина и дискретные/непрерывные инвестиционные решения [1]. Их главные выводы заключались в доказательстве того, что в условиях неопределенности и затрат на корректировку капитала оптимальное поведение организации – пороговое. Компании инвестируют только при превышении определенного порога  $Q$ , зависящего от уровня неопределенности. И чем выше неопределенность, тем выше порог инвестиций и тем меньше инвестиций. Работы Бейкера С., Блума Н. и Дэвиса С. показали, что политическая нестабильность, отсутствие ясности в фискальной или торговой политике и даже нестабильность центрального банка могут становиться самостоятельными шоками для экономики [3]. Авторы также доказали, что в периоды высокой неопределенности снижается деловая активность, падают инвестиции в основной капитал и занятость, а также возрастает склонность к накоплению ликвидности. Они обнаружили, что шоки неопределенности имеют реальные и устойчивые последствия. Их идеи стали важной частью современной макроэкономики и стимулировали активное развитие эмпирических и теоретических моделей, учитывающих роль ожиданий и информационных шоков.

Однако современных исследований, изучающих влияние шоков, вызванных неопределенностью на производительность предприятия очень мало. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел через изучение потенциального влияния шоков неопределенности на производительность и изучение механизма распространения этих шоков.

Опираясь на вышеприведенные исследования, доказано, что неопределенность порождает задержки. Прежде, чем принять решение о выделении ресурсов, компании ждут новую информацию о ценах, затратах и других рыночных условиях. Эти задержки сокращают не только инвестиции, но и влияют на решения о найме персонала. В результате, в условиях высокой неопределенности предприятия сокращают вложения капитала, в том числе, направленные на повышение производительности деятельности. Таким образом, шоки неопределенности влияют на уровень производительности организации через сокращение инвестиций, перераспределение ресурсов, что в конечном итоге снижает совокупную производительность факторов производства на уровне предприятия.

В основе нашего исследования лежит индекс BVD, названный так по инициалам авторов Скоттом Бейкером, Ником Блумом и Стивенем Дэвисом.

Индекс экономической неопределенности BVD строится на основе трех ключевых компонентов. Первый компонент связан с анализом текстов крупных газет, где с помощью алгоритмов машинного поиска отслеживается частота упоминания терминов, связанных с экономикой, политикой и неопределенностью. Этот компонент позволяет фиксировать изменения в общественном восприятии нестабильности и рисков.

Второй элемент учитывает динамику налогового законодательства, а именно количество и важность изменений, которые вступают в силу в ближайшее время. Такой элемент вводит институциональную составляющую в индекс, поскольку показывает, насколько политические процессы, связанные с фискальной политикой, создают неопределенность для бизнеса и домохозяйств.

Третий компонент отражает степень расхождения между прогнозами экономистов по ключевым макроэкономическим переменным. Чем выше разброс в ожиданиях и мнениях профессиональных

аналитиков, тем выше уровень неопределенности относительно будущего экономического развития.

Эти три источника информации объединяются в единую структуру, где каждый элемент стандартизируется и агрегируется в общий индекс.

Для измерения совокупной факторной производительности (TFP (Total Factor Productivity)) на уровне предприятия, мы будем следовать процедуре, которая описана Оллей Г. и Покек А. [24] и Имрохоругли А. и Тузел С. [23]. Для очищения от агрегированных и отраслевых влияния, мы вводим отраслевые фиктивные значения в качестве контрольных переменных в регрессии. Средняя квадратическая на уровне предприятия имеет среднее значение 0,1563 и стандартное отклонение 0,8976, что согласуется с выше представленной литературой.

Основная цель исследования заключается в изучении влияния неопределенности на совокупную факторную производительность (TFP).

Для этого мы будем использовать индекс BBD в качестве независимой переменной с учетом агрегированных состояний и специфических характеристик организации. Рост ВВП будет применяться в качестве независимой и управляющей переменной, как переменная, определяющая общее состояние экономики. Индекс ожидаемой волатильности (RVI), измеряющей ожидаемую краткосрочную нестабильность фондового рынка, мы использовали для определения реального эффекта опциона, связанного с задержкой принятия инвестиционного решения. Он позволил нам измерить ожидаемую волатильность будущих инвестиционных возможностей. В качестве контрольных параметров предприятия мы учитывали размер предприятия, рост продаж, размер денежных средств по отчетности, краткосрочную и долгосрочную задолженность, отношение общей задолженности к активам, объем финансовых вложений, капитальные вложения, поступления от продажи внеоборотных активов, чистую стоимость основных средств.

Первая гипотеза заключается в следующем. Неопределенность оказывает негативное влияние на предприятие. Это связано с тем, что в условиях нестабильности и неопределенности прежде, чем выделить ресурсы, предприятие останавливается (задерживается) в своих решениях, в ожидании новой информации о ценах, затратах и других рыночных условиях. Эти задержки приводят к перераспределению капитала, сокращению инвестиций и замораживанию процесса найма новых работников. В результате организация сталкивается со снижением своей производительности. Следовательно, шоки неопределенности приводят к неэффективному перераспределению труда и капитала, что приводит к общему снижению производительности на уровне предприятия. Наш эмпирический анализ подтвердил эту гипотезу.

Далее мы исследуем влияние неопределенности на совокупную производительность факторов производства для организации с большими денежными резервами. Денежные резервы (запасы) могут служить внутренними фондами для инвестирования, смягчая тем самым негативное влияние неопределенности. Мы доказали в исследовании, что большие запасы денежных средств (или аккумуляция оборотных активов организации) способствуют повышению производительности организации, следовательно помогают частично нейтрализовать негативный эффект неопределенности, но остаточный эффект все-равно остается значительным.

Кроме того, мы проанализировали влияние неопределенности на совокупную производительность факторов производства для организаций, которые осуществили в прошлом невозвратные затраты (необратимые инвестиции). Такие организации могут столкнуться с финансовыми ограничениями в период неопределенности. Обладая большими запасами денежных средств в качестве внутренних резервов или доступом к долговому рынку (опосредованному переменной леввериджа) организации могут дополнительно финансировать невозвратные затраты, одновременно смягчая негативный эффект неопределенности. Мы эмпирическим путем проверили этот потенциальный эффект, и наши результаты исследования свидетельствуют о том, что негативное влияние неопределенности проявляется слабее в этом случае, но все-равно остается значительным.

При этом мы выявили, что влияние неопределенности ниже при высоком уровне денежных



запасов по сравнению с осуществленными необратимыми инвестициями (невозвратными затратами). Это объясняется тем, что денежные средства обеспечивают большую гибкость при неопределенности по сравнению с уже осуществленными инвестициями, поскольку в новых условиях такие инвестиции могут быть нежелательными.

При использовании метода BBD в качестве показателя неопределенности существует проблема, связанная с тем, что этот индекс не способен отделить эффекты неопределенности от общих эффектов делового цикла [5]. Для решения этой проблемы мы использовали три альтернативных показателя в тестах на надежность.

Первая мера, предложенная в 2015 году Хурадо К, Людвигсон С. и Нг С. [20], которая получила название «JLN-индекс». В отличие от более простых индикаторов, таких как частотный подсчет слов в СМИ, их подход был построен на глубоком статистическом анализе реальных экономических данных. Авторы исходили из того, что неопределенность — это не просто рост волатильности какой-либо одной переменной, а более широкое и системное явление, охватывающее поведение множества макроэкономических индикаторов одновременно.

Вторая мера, которую мы использовали в исследовании – это мера неопределенности, предложенная Хассаном Т., Холландером С., Ван Ленгом и Тахауном А. (известная как HNVLT) [15], основана на анализе текста корпоративной отчетности — в частности, расшифровок выступлений руководителей компаний во время конференц-звонков с инвесторами. Суть этой меры заключается в том, что она позволяет фиксировать организационный уровень неопределенности, то есть то, как сами компании воспринимают и обсуждают риски, влияющие на их бизнес. В отличие от более JLN-индекса, индекс HNVLT отражает восприятие неопределенности в реальном времени на микроуровне. Это делает его особенно полезным для оценки того, как неопределенность влияет на поведение отдельных фирм, их инвестиции, найм и стратегические решения.

Третья мера, используемая нами – это мера неопределенности, предложенная Бекартом Г. и др. [4] в 2022 году (BEX). Эта мера основана на разделении рыночной волатильности на две части: связанную с неопределенностью и связанную с неприятием риска. Суть подхода заключается в том, чтобы оценить, насколько изменчива информация о будущем состоянии экономики, независимо от реакции инвесторов на риск. Таким образом, BEX предлагает структурную, рыночную оценку неопределенности, которая может использоваться для анализа связи между рыночными данными и макроэкономической нестабильностью.

Наш научный вклад заключается в изучении влияния неопределенности на производительность компании, что является относительно новым явлением. Мы доказываем, что неопределенность оказывает статистически и экономически значимое влияние на TFP. И в качестве меры, снижающей негативное влияние неопределенности на TFP – мы предлагаем использовать увеличение денежных резервов организации.

### **Методология исследования**

Для исследования было необходимо измерить неопределенность. Для этого, мы использовали меру неопределенности, предложенную Беккером С. и др. [3], которая представляет собой индекс общей неопределенности BBD [13]. Это интегральная оценка степени выраженности поведенческих искажений у инвесторов или экономических агентов. Этот индекс представляет собой средневзвешенное трех компонентов.

Первый компонент — это поведенческий индекс, предназначенный для оценки влияния новостного фона на восприятие инвесторами финансовых рынков. Он анализирует тональность новостей, связанных с экономикой, финансами и инвестиционной средой, и показывает, насколько информационный поток способен вызывать у инвесторов определённые эмоциональные и поведенческие реакции, такие как тревожность, осторожность, чрезмерный оптимизм или пессимизм (известный как индекс BBDNEWS). Этот индекс рассчитывался на основе поиска количества статей с 2014 по 2023 год в 10 крупнейших СМИ (публикаций), которые обсуждали

неопределенность. Для того, чтобы статья была включена в индекс, она должна была содержать хотя бы один термин из следующих наборов: (1) набор неопределенности: термин «неопределенный», «неопределенное», «неопределенность», «нестабильность»; (2) указание на экономическую природу: термин «экономические», «экономическая»; и (3) набор связанный с государством «государственное регулирование», «дума», «законодательство», «центральный банк», «дефицит». Каждая новость оценивалась с точки зрения эмоциональной окраски – положительной, отрицательной или нейтральной. Каждой тональности присваивалось числовое значение. Далее все значения агрегировались в единую метрику, которая отражала эмоциональный «вес» новостного потока. Полученное итоговое значение интерпретировалось как уровень позитивного или негативного новостного давления на инвестиционную среду. Вес этого компонента в индексе -  $\frac{1}{2}$ .

Второй компонент - индекс BBDTAX – поведенческий индикатор, направленный на оценку влияния изменений налогового законодательства на поведение налогоплательщиков: на их готовность соблюдать налоговые требования, или уклоняться от уплаты налогов.

Этот индекс рассчитывался на основе сбора и анализа поведенческих данных, полученных в результате анкетирования и опросов среди налогоплательщиков. Анкеты включали вопросы, касающиеся отношения к налоговой системе, восприятия налоговой нагрузки, уровня доверия к государству, ожиданий от фискальной политики, а также самооценки честности в уплате налогов. Полученные ответы количественно кодировались и преобразовывались в оценочные баллы, которые позволили оценить степень выраженности поведенческих реакций на налоговую среду. Вес этого компонента в индексе -  $\frac{1}{3}$ .

Третий компонент - индекс BBDFS представляет собой поведенческий показатель, предназначенный для оценки влияния восприятия финансовой стабильности на экономическое поведение граждан. Он отражает, насколько субъективное чувство устойчивости финансовой системы — банков, валюты, государственных институтов — влияет на решения людей относительно сбережений, инвестиций, потребления и финансовых рисков. Этот индекс не измеряет фактическую финансовую стабильность, а концентрируется именно на том, как её воспринимают экономические агенты и как это восприятие трансформируется в поведенческие модели.

Расчёт индекса BBDFS был осуществлен на основе проведенного социологического исследования среди населения и представителей бизнеса. Вопросы были ориентированы на то, чтобы выявить уровень доверия к банкам, Центральному банку, национальной валюте, пенсионной системе и страховым механизмам. Особое внимание уделялось эмоциональной реакции на финансовые новости, инфляционные ожидания, склонность к хранению средств «под подушкой», покупке иностранной валюты, недвижимости или инвестиций в альтернативные активы. На основе ответов формируются количественные оценки по заранее установленным шкалам.

Каждый аспект восприятия финансовой стабильности получил балльную оценку, которая затем нормализовалась и агрегировалась в единую метрику. Итоговый индекс представил собой числовой показатель, отражающий средний уровень субъективной уверенности или тревожности в отношении финансовой устойчивости в стране. Вес третьего компонента был равен  $\frac{1}{6}$ . В таблице 1 представлена сводная статистика по индексам BBD и другим переменным.

**Таблица 1** – Сводная статистика по индексам BBD

	Средняя арифметическая (Mean)	Стандартное отклонение (Std. Dev.)	Нижний квартиль (25th)	Верхний квартиль (75th)
<b>Неопределенность</b>				
BBD	110.1672	32.2231	87.0012	123.2177
BBDNews	111.8991	41.3912	85.1982	126.0182
BBDTax	249.0011	427.0121	13.2871	285.0119

	Средняя арифметическая (Mean)	Стандартное отклонение (Std. Dev.)	Нижний квартиль (25th)	Верхний квартиль (75th)
BBDfS	97.9981	48.9218	63.0213	125.3671
Макроэкономические переменные				
Рост ВВП (%)	1.221	0.6716	0.9012	1.6217
RVI (индекс ожидаемой волатильности РТС, %)	20.0761	8.6721	13.9981	25.0121
Переменные на уровне предприятия				
Размер	4.5671	2.1765	3.0186	6.1286
Рост продаж (%)	2.0791	42.9981	-8.2387	13.0011
Денежные средства и денежные эквиваленты	18.0359	22.0192	2.1208	25.9927
Краткосрочная задолженность (%)	0.3376	0.3987	0.0456	0.5827
Долгосрочная задолженность (%)	0.6671	0.3471	0.4184	0.9564
Отношение общей задолженности к активам (%)	0.2583	0.2348	0.0237	0.3871
Капитальные вложения (руб.)	25.2761	139.0018	0.2973	11.9274
Приобретение дочерних общества, долей в других организациях, нематериальных активов или финансовых вложений (руб.)	2.8710	62.0881	0.0000	0.0000
Поступления от продажи внеоборотных активов (руб.)	2.8764	50.8737	0.0000	0.0332
Чистая стоимость основных средств (руб.)	228.4586	961.4283	2.7864	110.1736
TFP	0.1563	0.8976	-0.1286	0.3195

Для изучения влияния макроэкономических факторов, мы использовали показатель темпов роста ВВП. Высокие темпы роста указывают на рост экономики, низкие – на экономические проблемы. Как мы видим в таблице 1, средний темп роста составляет за исследуемый период 1,22%, а значения

стандартного отклонения демонстрируют значительные колебания роста ВВП.

Влияние неопределенности на производительность компании можно учитывать как эффект реального опциона. Для этой цели мы использовали и индекс ожидаемой волатильности РТС, чтобы зафиксировать неопределенность в отношении потенциальных инвестиционных возможностей. Из таблицы 1 видно, что среднее значение индекса составило 20,07 %, в стандартное отклонение – 8,67%. Это говорит о значительных движениях на фондовом рынке за исследуемый период.

В исследовании была изучена деятельность 457 организаций. В среднем, организации имеют средний рост продаж на уровне 2,07%, который колеблется от - 8,23 % до 13,00% (25-й и 75-й процентиле соответственно). Средний квартальный запас денежных средств составляет около 18,03%. Средний квартальный краткосрочный долг составляет 0,33, а долгосрочный – 0,66. Это говорит о том, что организации склонны брать долгосрочные кредиты, и две трети задолженности приходится именно на долгосрочные кредиты и займы. Кроме того, данные, представленные в таблице 1 демонстрируют, что долгосрочные обязательства демонстрируют большую вариативность, чем краткосрочные. И общий квартальный долг составляет около четверти от общей суммы активов. Средние значения продаж внеоборотных активов ниже, чем у приобретений.

Измерение совокупной факторной производительности. Исследование этого фактора и его измерение осуществлялось на основе методологии, представленной в работах Олли Г. и Покеса А. [24], Сиверсона С. [28] и Тузеля С. и Имрохороглу А. [23].

В соответствии с этой методологией, труд и физический капитал являются единственными входными ресурсами организации. Для построения производственной функции мы применяли: данные о выпуске продукции, капитальных вложениях и остаточной стоимости основных средств, что служило мерой капитала. Расходы на оплату труда использовались в качестве показателей труда. Эти показатели корректировались с учетом инфляции. Для этого мы использовали данные Росстата, Центрального банка России, а также международные базы, такие как Всемирный банк и МВФ. А также данные социологического исследования.

В таблице 1 видно, что средний квартальный TPF составляет около 2,07 со стандартным отклонением 0,15 и колеблется от отрицательно -0,12 в 25-м процентили до 0,31 в 75-м процентиле.

### Результаты исследования

Основной вопрос исследования заключатся в выяснении того факта, влияет ли неопределенность на производительность организации. Известно, что неопределенность усиливается в условиях экономической нестабильности и уменьшается во время экономического роста и стабильности. Исследования Гюлен Х. и Ион М. [14] доказали, что неопределенность обратно пропорциональна объему производства и инвестиционным решениям предприятий. Руководители предприятий не только реагируют на шоки неопределенности, но и учитывают эти эффекты при принятии долгосрочных инвестиционных решений, решений о распределении ресурсов, капитала, а также о найме персонала. Это связано с тем, что руководители не могут в полной мере предвидеть последствий действия неопределенности, не понимают продолжительность таких шоков. Поэтому они выжидают, задерживают процесс принятия решения или распределения, или выделения дополнительных ресурсов, пока действие неопределенности не ослабнет. В результате, негативное воздействие шоков неопределенности приводит к усугублению инвестиционных проблем. Поэтому наша первая гипотеза была сформулирована следующим образом.

Гипотеза 1. Неопределенность оказывает негативное влияние на производительность факторов производства предприятия.

Для проверки этой гипотезы мы сформировали регрессию базовой панели:

$$TPF_{it} = \beta_0 + \beta_1 H_t + \beta_2 \Delta BVP_{t,t-1} + \beta_3 RVI_t + \beta_3 X_{it} + \eta_i + \varepsilon_{it} \quad (1)$$



Зависимая переменная TPF — это мера  $i$ -той производительности компании в момент времени  $t$ . Основная объясняющая переменная — это показатель неопределенности ( $H$ ), представленный натуральным логарифмом квартальных индексов ВВП. Также был учтен рост ВВП в процентах для оценки макроэкономической среды. RVI включается в уравнение в качестве косвенного показателя реального опционного эффекта отсрочки инвестиционного решения. Кроме этого, в расчет включены зависящие от предприятия переменные: ( $X$ ) размер, рост продаж, краткосрочная и долгосрочная задолженность, отношение общей задолженности к активам, капитальные вложения, финансовые вложения, поступления от продажи внеоборотных активов и чистую стоимость основных средств.  $\eta_i$  — это фиксированные характеристики организации для контроля инвариантных во времени различий между организациями.  $\varepsilon_{it}$  — случайная ошибка, учитывающая влияние всех остальных факторов, не включенных в модель. Основные данные описательной статистики представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Производительность и неопределенность

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BBD	-0,0340*** (-4,34)			
BBDNews		-0,0102* (-1,86)		
BBDTax			-0,0331*** (-4,65)	
BBDfs				0,0078 (0,83)
Рост ВВП	0,3211 (1,16)	0,6910** (2,34)	0,5372 (1,54)	0,7266 ** (2,18)
RVI	0,0069*** (2,78)	0,0046* (1,92)	0,0043** (1,99)	0,0038 (1,55)
Constant	0,319*** (8,31)	0,186*** (8,37)	0,288*** (8,64)	0,210*** (5,12)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Clustered Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0599	0,0432	0,0402	0,0449

Примечания:  $t$ -статистика: \* $P = 0,10$ , \*\* $p=0,05$ , \*\*\* $p=0,01$

Как мы видим, из таблицы 2, основные компоненты BBD, индексы BBDNews и BBDTax являются статистически значимыми и отрицательными, с учетом действия макроэкономических факторов и специфических факторов организаций. Общий индекс BBD имеет коэффициент  $-0,3402$  и  $t$ -значимость  $-4,34$ , что свидетельствует о том, что совокупная факторная производительность организации на уровне организации отрицательность связана с неопределенностью. Это подтверждает нашу гипотезу, что неопределенность снижает производительность. Индекс BBDfs не значим. Это говорит о том, что документы о финансовой стабильности не влияют на решения людей относительно сбережений и инвестиций. Иными словами, документы о государственных расходах не вытесняют частные

инвестиции, а сам индекс не оказывает влияния на совокупную производительность организаций.

Перейдем к изучению других переменных. Увеличение резервов денежных средств может смягчить влияние неопределенности на совокупную производительность организаций. Это может быть связано с тем, что такие резервы могут быть использованы в качестве внутренних источников финансирования ресурсов, позволяющие избежать внешние заимствования в период неопределенности и нестабильности. Однако, наличие таких резервов не может полностью нейтрализовать негативное влияние неопределенности.

Поэтому вторую гипотезу мы сформулируем следующим образом.

Гипотеза 2. Неопределенность негативно влияет на совокупную производительность, даже если организации обладают резервами денежных средств.

Для подтверждения этой гипотезы была построена регрессия базовой панели следующим образом:

$$TPF_{it} = \beta_0 + \beta_1 H_t + \beta_2 DP_{it} + \beta_3 H_t * DP_{it} + \beta_4 \Delta BВП_{t,t-1} + \beta_5 RVI_t + \beta_6 X_{it} + \eta_i + \varepsilon_{it} \quad (2)$$

где ДР – денежные резервы

Основные результаты представлены в таблице 3.

**Таблица 3** – Неопределенность, производительность, резервы денежных средств

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BBD	-0,0103*** (-8,22)			
BBD*ДР	-0,0278*** (-6,18)			
BBDNews		-0,004*** (-7,66)		
BBDNews*ДР		-0,0189*** (-7,09)		
BBDTax			-0,006 (-1,38)	
BBDTax*ДР			-0,0065*** (-9,41)	
BBDfs				-0,0213 (-1,18)
BBDfs*ДР				0,0005 (1,41)
ДР	0,1298***	0,0871***	0,0081***	0,0011*
Рост ВВП	0,5432* (1,91)	0,9571*** (3,34)	0,6312** (2,54)	1,0566 *** (3,10)
RVI	0,0099*** (3,78)	0,0066*** (2,92)	0,0043** (2,19)	0,0048** (2,55)
Constant	0,219*** (18,31)	0,183*** (18,31)	0,188*** (18,64)	0,212*** (4,22)

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Clustered Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0579	0,0531	0,0122	0,0246

Примечания: *t*-статистика: \* $P = 0,10$ , \*\* $p = 0,05$ , \*\*\* $p = 0,01$

Таблица 3 иллюстрирует результаты, которые были интуитивно понятны. Коэффициенты денежных резервов все положительны и значимы. Большие запасы денежных средств можно рассматривать в качестве внутреннего источника финансирования. Наличие таких резервов позволяет организации осуществлять инвестиционные вложения и поддерживать тем самым свою производительность. Как и в предыдущем результате индекс BPDFs отрицательный и не значим. Следовательно, государственные расходы и документы не влияют на производительность.

Все коэффициенты индекса BVD статистически значимы и отрицательны. Однако, как мы видим, что большие объемы денежных средств не устраняют негативного влияния неопределенности, хотя и смягчают это явление. Поэтому наличие денежных резервов в условиях неопределенности является оправданным.

Если изучить перекрестное влияние денежных резервов, неопределенности и производительности, то как свидетельствуют результаты таблицы 3, мы видим отрицательный эффект с коэффициентом  $-0,0278$ . Этот негативный эффект можно интерпретировать следующим образом. Рост неопределенности приводит к задержкам в инвестициях, поскольку организации нуждаются в дополнительной информации о рыночных факторах. Отсрочка доминирует над потенциальным положительным эффектом хранения денежных резервов, что порождает негативные последствия для производительности. Другое объяснение этого явления может заключаться в том, что, когда влияние неопределенности усиливается, некоторые организации увеличивают остатки денежных средств, не используя их при этом для поддержания производительности или для инвестирования.

Необходимо изучить влияние неопределенности на производительность организаций, которые осуществили невозвратные инвестиции.

В работах Пхан Х. и др. [25], было выявлено, что высокий уровень невозвратных инвестиций влечет за собой высокие альтернативные издержки. Исследования Гюлена Х. и Иона М. [14] обнаружили, что сдерживающий эффект неопределенности на капитальные затраты сильнее у компаний с высокими невозвратными инвестициями. Это связано с тем, что в периоды неопределенности и нестабильности, организации, осуществившие невозвратные инвестиции, сталкиваются с финансовыми ограничениями. И наличие денежных резервов может помочь в такой ситуации, однако величины резервов может быть недостаточно для осуществления инвестиций в производительность. Доступ к долговым рынкам в такой ситуации позволил бы смягчить финансовые трудности организации, несмотря на негативное увеличение долговой задолженности к сумме активов. Увеличение долговой задолженности всегда негативно сказывается на совокупной производительности организаций, однако в условиях неопределенности это может смягчить негативное влияние неопределенности на производительности организаций. Исходя из этих рассуждений мы сформулировали следующую гипотезу.

Гипотеза 3. Неопределенность оказывает негативное влияние на производительность организаций, которые ранее взяли на себя обязательства по невозвратным инвестициям.

Данная гипотеза была протестирована на основе следующей модели панельной регрессии:

$$TPF_{it} = \beta_0 + \beta_1 H_t + \beta_2 \Phi\Pi_{it} + \beta_3 H_t * \Phi\Pi_{it} + \beta_4 ДР_{it} + \beta_5 \text{Леверидж}_{it} + \beta_5 \Delta ВВП_{t,t-1} + \beta_6 RVI_t + \beta_7 X_{it} + \eta_i + \varepsilon_{it} \quad (3)$$

Обозначения ФП – это фиктивная переменная, которая равна «1», если организация имеет невозвратные инвестиции выше среднего, и «0» - в обратном случае. Обозначение «Леверидж» — это отношение между долгом и совокупными активами организации. Долг организации измеряется как общий долг, краткосрочный долг и долгосрочный долг. В результате образуется три варианта коэффициентов долга. Мы вводим в уравнение переменные «Денежные резервы» и «Леверидж» в связи с тем, что организации, совершившие ранее невозвратные инвестиции, могут столкнуться с финансовыми ограничениями, в период неопределенности. Если организация при этом имеет денежные резервы или доступ к долговому рынку, то за счет этого они могут дополнительно профинансировать невозвратные инвестиции, одновременно справляясь с неопределенностью.

В связи с этим мы ожидаем, что коэффициент неопределенности будет отрицательным, коэффициент фиктивной переменной будет отрицательным, а коэффициент взаимодействия между неопределенностью и фиктивной переменной – будет положительным. Мы эмпирически проверяем, будет ли негативное влияние неопределенности ослаблено или исчезнет за счет введенных факторов. Результаты исследования представлены в таблице 4.

**Таблица 4 – Неопределенность, производительность и невозвратные инвестиции**

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BVD	-0,0203*** (-8,22)	-0,0220*** (-2,58)	-0,0214*** (-2,61)	-0,0221*** (-2,59)
ФП	-0,0531*** (-4,51)	-0,0521*** (-4, 41)	-0,0511*** (-4, 29)	-0,5211*** (-4,36)
BVD*ФП	0,0082*** (6,58)	0,0087*** (7,18)	0,0092*** (7,23)	0,0088*** (7,17)
Краткосрочная задолженность (долги)			-0,0144** (-2,66)	
Долгосрочная задолженность (долги)				0,0049 (1,13)
Денежные резервы		0,0568*** (2,87)	0,0589*** (3,04)	0,0591*** (2,96)
Рост ВВП		0,2091* (1,74)	0,2538*** (2,94)	0,1866 ** (2,10)
RVI		0,0062** (2,52)	0,0063*** (2,58)	0,0058** (2,53)
Constant	0,2719*** (19,91)	0,2183*** (18,71)	0,2488*** (18,61)	0,2512*** (18,22)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Clustered Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0779	0,0431	0,0422	0,0426

Примечания: t-статистика: \*P = 0,10, \*\*p=0,05, \*\*\*p=0,01

Начнем с результата по индексу BVD. Коэффициент BVD равен -0,0203. И этот коэффициент меньше, чем аналогичный коэффициент в первой гипотезе (-0,0340). Это снижение говорит о том, что негативное влияние неопределенности значительно ослабевает, когда организации инвестируют в невозвратные затраты (инвестиции). Но это влияние не так сильно, как влияние наличия денежных резервов (см. результат за второе полугодие). Интуитивно можно понять, что невозвратные затраты могут смягчить негативное влияние отложенных инвестиционных решений, но только в том случае, когда такие инвестиции создают положительную ценность для организации. Больше же запасы денежных средств могут быть не только использованы в качестве инвестиционных источников в периоды неопределенности, но и могут помочь организации справиться с неожиданными финансовыми обязательствами.

Коэффициент для фиктивной переменной, относящийся к невозвратным инвестициям (затратам), является значимым и отрицательным. Это указывает на то, что невозвратные инвестиции негативно сказываются на совокупной производительности организаций при влиянии неопределенности. Это подтверждает гипотезу 3. Такое негативное влияние можно интерпретировать следующим образом: когда организации сталкиваются с неопределенностью, они затягивают процессы принятия решений, в том числе решения о дальнейших инвестициях в невозвратные затраты. Это замедляет процесс получения прибыли и приводит к низкой производительности организации.

Далее мы исследуем перекрестное влияние неопределенности и невозвратных инвестиций на совокупную производительность факторов производства. В таблице 4 продемонстрирован положительный эффект, который можно интерпретировать следующим образом. Несмотря на то, что растущая неопределенность приводит к замедлению и задержкам в инвестициях, поскольку организации ждут дополнительную информацию о рыночных факторах, эта задержка не оказывает существенного влияния на существующие невозвратные инвестиции, поскольку организация уже выделила средства на проекты. В период неопределенности невозвратные инвестиции, которые уже были осуществлены, приносят положительные выгоды организациям, по сравнению с компаниями, которые такие вложения не осуществили в прошлом и должны ждать дальнейших разрешений неопределенности.

Этот положительный эффект, создаваемый невозвратными инвестициями, доминирует над негативным эффектом неопределенности, вызывая общее положительное влияние на производительность факторов производства организации.

Коэффициент денежных резервов положительный и значимый. Это согласуется с результатами исследования второй гипотезы. Высокий объем денежных средств можно рассматривать как внутренние источники финансирования. Денежные средства позволяют организации делать дальнейшие инвестиции в невозвратные проекты. Коэффициент по краткосрочному долгу отрицательный и существенный, что объясняется вполне логично действием неопределенности.

Далее мы проведем исследование на отраслевом уровне. Мы изучили горнодобывающую промышленность, нефтегазовая промышленность, промышленное производство, оптовую и розничную торговлю, услуги и отрасли прочие.

Из таблицы 5 видно, что индекс неопределенности негативно



Таблица 5 – Отраслевые характеристики: неопределенность и производительность

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)	TPF (5)	TPF (6)
Отрасли	Горнодобывающая промышленность	Нефтегазовая промышленность	Промышленное производство	Оптовая и розничная торговля	Услуги	Прочие отрасли
BVD	-0,1803* (-1,72)	0,5920*** (11,58)	-0,0714*** (-6,61)	-0,1021*** (-4,59)	-0,0812*** (-5, 82)	-1,2439*** (-5,82)
Рост ВВП	-4,8832 (-1,02)	-2,2591** (-2,07)	1,6538*** (5,64)	0,8866 ** (0,81)	0,8532** (2,17)	13,9731*** (5, 34)
RVI	0,0562 (1,23)	-0,0962*** (-7,52)	0,0163*** (5,58)	0,0258** (2,54)	0,0226*** (4,75)	-0,0123 (-3,76)
Constant	0,1719 (0,31)	-2,8183*** (-11,41)	0,3488*** (4,61)	0,5512** (2,29)	0,1143 (2,51)	5,9934*** (6,01)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
Robust Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0679	0,2431	0,0322	0,00016	0,0791	0,176

Примечания: t-статистика: \*P = 0,10, \*\*p=0,05, \*\*\*p=0,01

Положительное влияние неопределенности на производительность нефтегазовых компаний связано с особенностями энергоносителей. Как показал в своих исследованиях Килиана Л. И др. [22] цены на нефть и газ реагируют, в основном, на совокупные шоки глобального и предупредительного спроса. Совокупные шоки глобального спроса — это резкие и масштабные изменения общего уровня спроса на товары и услуги в мировой экономике или крупных экономических регионах. Такие шоки возникают под влиянием фундаментальных экономических проблем, таких как глубокие финансовые кризисы, резкие колебания цен на ключевые товары (например, нефть), масштабные изменения в торговой политике или глобальные события (например, пандемия). Их ключевая особенность — синхронизированное воздействие на множество стран и секторов экономики, что может приводить к одновременному спаду или росту экономической активности в разных частях мира. Предупредительные шоки спроса, в отличие от совокупных, связаны не с текущими экономическими изменениями, а с ожиданиями будущих рисков. Они возникают, когда экономические агенты начинают заранее корректировать свое поведение, пытаясь застраховаться от возможных потрясений. Такой тип шоков часто проявляется в форме ажиотажного спроса на определенные товары, массового перетока капитала в «безопасные» активы или резкого сокращения инвестиций из-за опасений нестабильности.

Поэтому, вполне логично, что неопределенность оказывает повышательное давление на цены на нефть и газ. Чтобы удовлетворить спрос, нефтегазовые компании будут увеличивать свою производительность в периоды повышенной неопределенности.

Положительные шоки спроса могут смягчать негативное влияние неопределенности на производительность. Однако, необходимо определить перевешивают ли последствия шоков спроса эффекты неопределенности.

Блум Н. и др. [7,8] в своих исследованиях используют рост продаж в качестве индикаторов шока

спроса и оценивает их влияние на неопределенность на основе следующей регрессии:

$$TPF_{it} = \beta_0 + \beta_1 H_t + \beta_2 \text{Рост продаж}_{it} + \beta_3 H_t * \text{Рост продаж}_{it} + \beta_4 \Delta \text{ВВП}_{t,t-1} + \beta_5 RVI_t + \beta_6 X_{it} + \eta_i + \varepsilon_{it} \quad (4)$$

Коэффициент  $\beta_3$  — это член взаимодействия между ростом продаж и неопределенностью. Знак этого условия взаимодействия может быть как положительным, так и отрицательным. Когда шоки спроса имеют отрицательный характер, то этот коэффициент будет отрицательным при наличии неопределенности, поскольку отрицательные шоки спроса еще больше усугубляют влияние неопределенности на производительность. Однако, когда шоки спроса являются положительными, условие взаимодействия будет иметь положительный эффект только в том случае, если влияние положительных шоков спроса строго доминирует над негативным эффектом неопределенности. Таблица 6 демонстрирует результаты нашего исследования

**Таблица 6** – Эффекты шоков спроса и производительности

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BBD	-0,0423*** (-4,22)			
Рост продаж	-0,0971*** (-3,51)	-0,0282* (-1,82)	-0,0521* (-1,92)	0,0223 (1,3)
BBD*Рост продаж	0,0297*** (4,18)			
BBDNews		-0,0104** (-2,66)		
BBDNews*Рост продаж		0,0181*** (3,59)		
BBDTax			-0,356*** (-4,38)	
BBDTax*Рост продаж			0,0205*** (3,41)	
BBDfs				-0,0113 (-1,48)
BBDfs*Рост продаж				0,0045 (1,01)
Рост ВВП	0,5032* (1,71)	0,8541*** (2,84)	0,7312** (2,04)	0,9566 *** (2,70)
RVI	0,0089*** (3,74)	0,00661*** (2,62)	0,0053*** (2,69)	0,0048** (2,25)
Constant	0,3182*** (7,34)	0,1831*** (7,31)	0,2188*** (8,24)	0,1812*** (4,52)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Clustered Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0667	0,0631	0,0222	0,0206

Примечания: *t*-статистика: \**P* = 0,10, \*\**p*=0,05, \*\*\**p*=0,01

На основе результатов, представленных в таблице 6 уместно сделать два замечания. Во-первых, коэффициенты для BBD, BBDTax и BBDNews являются отрицательными и значимыми, в то время как коэффициенты для BBDs отрицательны и незначимы, что согласуется с результатами, которые мы получили при доказательстве первой гипотезы. Во-вторых, коэффициенты взаимодействия роста продаж и неопределенности являются положительными и значимыми для BBD, BBDTax и BBDNews. Объяснить эти два наблюдения можно следующим образом. Под воздействием шоков спроса, неопределенность влияет отрицательно на производительность, но положительно на денежные резервы. Следовательно, эффекты спроса не полностью компенсируют негативное влияние неопределенности. Под воздействием шоков спроса формируется более высокий уровень производительности, что приводит к увеличению продаж в условиях повышенной неопределенности.

Далее мы изучим влияние неопределенности на производительность в случае, если организации контролируют свою финансовую гибкость. Для этого мы будем под финансовой гибкостью понимать отношение активов текущего периода к разнице между активами текущего периода и общим долгом. Для нашего исследования финансовая гибкость будет служить показателем способности организаций брать на себя дополнительные долги. По предположениям Квайя А. и др. [21], Блума Н. [7], Клаессенса С. [9], дополнительная долговая задолженность может позволить организациям преодолеть негативные последствия неопределенности. Для этого мы введем в уравнение регрессии переменную ФГ (финансовая гибкость) и в ее взаимодействие в переменной неопределенности.

$$TPF_{it} = \beta_0 + \beta_1 H_t + \beta_2 \Phi_{it} + \beta_3 H_t * \Phi_{it} + \beta_4 \Delta BBD_{t,t-1} + \beta_5 RVI_t + \beta_6 X_{it} + \eta_i + \varepsilon_{it} \quad (5)$$

Результаты этого исследования представлены в таблице 7.

**Таблица 7 – Финансовая гибкость, неопределенность и производительность**

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BBD	-0,0923*** (-8,22)			
ФГ	-0,4971*** (-6,51)	-0,3282*** (-1,82)	0,0221 (0,42)	0,0823 (1,53)
BBD*ФГ	0,1297*** (7,18)			
BBDNews		-0,0404** (-7,14)		
BBDNews*ФГ		0,0781*** (8,59)		
BBDTax			-0,352*** (-3,35)	

	TPF (1)	TPF (2)	TPF (3)	TPF (4)
BBDTax*ФГ			0,0065 (0,02)	
BBDfS				-0,0013 (-0,42)
BBDfS*ФГ				-0,0145 (-1,11)
Рост ВВП	0,3132 (1,15)	0,6542** (2,44)	0,5212 (1,04)	0,7566 ** (2,17)
RVI	0,0059*** (2,74)	0,00461* (1,64)	0,0033* (1,69)	0,0028 (1,27)
Constant	0,5182*** (11,34)	0,3821*** (12,31)	0,2688*** (7,34)	0,1612*** (4,02)
Контрольные переменные организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Фиксированные эффекты организации	ДА	ДА	ДА	ДА
Clustered Std. Errors	ДА	ДА	ДА	ДА
R <sup>2</sup>	0,0567	0,0563	0,0262	0,0208

Примечания: *t*-статистика: \* $P = 0,10$ , \*\* $p=0,05$ , \*\*\* $p=0,01$

Как мы видим, коэффициенты для BBD, BBDNews, BBDTax являются значимыми и отрицательными, в то время как коэффициент для BBDfS только отрицательный. Коэффициент взаимодействия между неопределенностью и финансовой гибкостью является положительным и статистически значимым только для BBD и BBDNews. Это свидетельствует о том, что организации с более высокой финансовой гибкостью в некоторой степени способны поглощать негативные последствия неопределенности в отношении конкретной политики, связанной с производительностью. Однако, финансовая гибкость не полностью погашает негативное влияние неопределенности.

### Дискуссия и заключение.

Основные выводы работы подтверждают гипотезы о негативном воздействии неопределенности на совокупную факторную производительность (TFP), однако также демонстрируют, что это влияние может варьироваться в зависимости от внутренних и внешних условий функционирования компаний.

В частности, наличие денежных резервов частично компенсирует негативное влияние неопределенности на совокупную факторную производительность организаций. Это согласуется с теорией финансовой гибкости, согласно которой внутренние источники финансирования позволяют компаниям избежать зависимости от внешнего долгового рынка в периоды нестабильности. Однако, наличие денежных резервов не полностью нейтрализует негативное воздействие неопределенности. Более того, накопление резервов в период неопределенности отрицательно сказывается на производительности. Это объясняется тем, что менеджеры в этих условиях становятся избыточно осторожными, предпочитая накапливать ликвидность вместо инвестирования в производство.

Результаты подтверждают, что компании, осуществившие невозвратные инвестиции (затраты), в меньшей степени подвержены негативному влиянию неопределенности. Это может быть объяснено

тем, что такие инвестиции создают долгосрочные активы, которые продолжают генерировать доход даже в условиях нестабильности. Однако сам по себе факт наличия невозвратных затрат оказывает отрицательное влияние на совокупную факторную производительность (TFP), что может объясняться высокими альтернативными издержками и ограниченной возможностью перераспределения ресурсов в таких условиях.

Анализ, проведенный на отраслевом уровне, выявил различия в реакции компаний на неопределенность. Наиболее интересным результатом является то, что было подтверждено положительное влияние неопределенности на производительность нефтегазовых компаний. Это согласуется с теорией шоков спроса [22,29]. В периоды нестабильности цены на энергоресурсы часто растут, что стимулирует увеличение производства в этом секторе. В то же время в других отраслях (горнодобывающая, промышленность, торговля) неопределенность оказывает ожидаемый негативный эффект.

Финансовая гибкость (способность привлекать заемные средства) также играет смягчающую роль, однако ее эффект не является универсальным и зависит от типа неопределенности (например, он значим для общего индекса BBD и новостного индекса BBDNews, но не для фискального индекса BBDTax).

Наше исследование может быть продолжено по ряду направлений, которые остались не изученными в работе. В частности, мы использовали агрегированные индексы неопределенности, которые могут не учитывать специфику деятельности отдельных организаций. Требуется дополнительное исследование влияния других макроэкономических факторов, например, проводимой монетарной политики. Мы не изучили эндогенную зависимость между неопределенностью, производительностью и финансовыми решениями организации, а это потребует введение инструментальных переменных в уравнения регрессии и дополнительных исследований. Не было изучено влияние неопределенности на инновационную активность компаний.

Полученные нами результаты имеют практическое значение для организаций и государства. Для организаций важным выводом является тот факт, что поддержание достаточного уровня ликвидности и диверсификация инвестиций может смягчить негативные последствия неопределенности. Для государства важно понимание того, что снижение регуляторной неопределенности (особенно в фискальной и налоговой сферах) может способствовать росту инвестиционной активности и совокупной факторной производительности.



## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abel A. B., Eberly J. C., A Unified Model of Investment under Uncertainty // American Economic Review - 1994. - № 84. – pp. 1369 -1384.
2. Abel A. B. Optimal Investment under Uncertainty// American Economic Review – 1983. - № 73. - pp. 228-233.
3. Baker S. R, Bloom N., Davis S. J. Measuring Economic Policy Uncertainty // Quarterly Journal of Economics - 2016 - № 131. – pp.1593 -1633.
4. Bekaert G., Engstrom E. C., Xu N. R. The Time Variation in Risk Appetite anti Uncertainty// Management Science – 2022 - № 68(6). – pp. 3975- 4004.
5. Berger D., Dew-Becker I., Giglio S. Uncertainty Shocks as Second- moment News Shocks // Review of Economic Studies - 2020. - №87. – pp. 40-76.
6. Bernanke B. S. Irreversibility, Uncertainty, and Cyclical Investment //The Quarterly Journal of Economics – 1983. - № 98(1). – pp. 85–106.
7. Bloom N. Uncertainty and the Dynamics of R&D// American Economic Review Papers and Proceedings - 2007 - № 97. – pp. 250 - 255.
8. Bloom N., Floctotto M., Jaimovich N., Saporta I., Terry S. Really Uncertain Business Cycle // Econometrica - 2018 - №86 – pp. 1031 - 1065.
9. Claessens, S., Feijen E., Laeven L. Political Connections and Preferential Access to Finance: The Role of Campaign Contributions // Journal of Financial Economics. - 2008. - № 88. – pp. 554 - 580.
10. Cao M., Shi S. Endogenously Procyclical Liquidity, Capital Reallocation// International Economic Review. – 2022. - №64(1). – pp. 95-128.
11. Duchin R., Ozbas O., Sensoy B. A. Costly External Finance, Corporate Investment, and the Subprime Mortgage Credit Crisis // Journal of Financial Economics – 2010. - № 97.-pp. 418-435.
12. Dwyer D. Technology Locks, Creative Destruction, and Nonconvergence in Productivity Levels// Review of Economic Dynamics. – 1998. - № 1 – pp. 430-473.
13. Economic Policy Uncertainty Index [электронный ресурс] URL: <http://www.policyuncertainty.com/index.html> (дата обращения 01.02.2025)
14. Gulen H., Ion M. Policy Uncertainty and Corporate Investment // Review of Financial Studies - 2016. - № 29 – pp. 524 - 564.
15. Hassan T. A., Hollander S., Van Lent L., Tahoun A. 2019, Firm-level Political Risk: Measurement and Effects // Quarterly Journal of Economics – 2019. - №134, pp. 2135-2202.
16. Hamilton J. D. Why You Should Never Use the Hedrick-Prescott Filter// Review of Economics and Statistics- 2018 - № 100(5). – pp. 297-355.
17. Hodrick R. J., Prescott E. C. Post-war U.S. Business Cycles: An Empirical Investigation //Journal of Money, Credit and Banking – 1997. - № 29.-pp. 1- 16.
18. Jorda O. Estimation and Inference of Impulse Responses by Local Projections//American Economic Review. – 2005 - № 95(1). – pp. 161- 182.
19. Julio B., Yook Y. Political Uncertainty and Corporate Investment Cycles // Journal of Finance. – 2012. № 67. – pp. 45-82
20. Jurado K., Ludvigson S., NG S. 2015, Measuring Uncertainty// American Economic Review - 2015. -№105. – pp. 1177-1216.
21. Khwaja A., Mian A. 2005, Do Lenders Favor Politically Connected Firms? Rent Provision in an Emerging Financial Market// Quarterly Journal of Economics - 2005. - №120. – pp. 1371-1411.
22. Kilian L. Not All Oil Price Shocks are Alike: Disentangling Demand and Supply Shocks in the Crude Oil Market // American Economic Review. - 2009. - № 99. – pp.1053 - 1069.
23. Imrohorglu A., Tuzel S. Firm-Level Productivity, Risk, and Return // Management Science. – 2014 - № 60(8). – pp. 2073 - 2090.
24. Olley G. S., Pakes A. The Dynamics of Productivity in the Telecommunications Equipment Industry

// *Econometrica*. – 1996. - № 64. – pp.1263 - 1297.

25. Phan H. V., Nguyen N. H., Nguyen H. T., Hegde S. Policy Uncertainty and Firm Cash Holdings // *Journal of Business Research*. – 2019. -№ 95. -pp. 71 - 82.

26. Pindyck R. S. Irreversibility, Uncertainty, and Investment // *Journal of Economic Literature* – 1991. - № 29. – pp. 1110- 1148.

27. Pollock D. S. G. Trend Estimation and De-trending via Rational Square-wave Filter// *Journal of Econometrics*. – 2000. - № 99(2). – pp. 317-334.

28. Syverson C. Market Structure and Productivity: A Concrete Example // *Journal of Political Economy* – 2004. - №112. – pp. 1181 - 1222.

29. Tut D., Melanie C. Capital Reallocation and Firm-Level Productivity Under Political Uncertainty [электронный ресурс] URL: [https://mpira.ub.uni-muenchen.de/108528/1/MPRA\\_paper\\_108528.pdf](https://mpira.ub.uni-muenchen.de/108528/1/MPRA_paper_108528.pdf) (дата обращения 06.07.2025)

30. Yasar M., Raciborski R. Production Function Estimation in Stata using Olley and Pakes Method // *Stata Journal* – 2008. - №8.- pp. 221 - 231

# The impact of uncertainty on organizational productivity

## Elkina Olga Sergeevna

Doctor of Economic Sciences, Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: elkina-os@ranepa.ru

## Elkin Stanislav Evghenievich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: elkin-se@ranepa.ru

## Reutova Irina Mikhailovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: reutova-im@ranepa.ru

---

### KEYWORDS

uncertainty, organizational productivity, financial reserves, non-refundable investments, economic uncertainty index, financial flexibility

### ABSTRACT

This study analyzes the impact of uncertainty on the total factor productivity (TFP) of enterprises. Based on the work of Abel, Bernanke, Baker, Bloom, and Davis, we confirm that uncertainty reduces investment activity, delays decision-making, and negatively affects company productivity. The BBD index is used as a key indicator of uncertainty, combining media content, changes in tax legislation and the variance of macroeconomic forecasts. Empirical analysis shows that uncertainty shocks reduce TFP by reducing investment, reallocation of resources, and delays in hiring. At the same time, companies with a high level of cash reserves show less sensitivity to uncertainty, since internal financial reserves mitigate its negative effect. However, even in this case, the residual negative impact remains significant. Alternative uncertainty measures (JLN, HHVLT, BEX) are used to verify the sustainability of the results, which eliminates the bias associated with the business cycle. The main contribution of the study is to prove the statistically and economically significant impact of uncertainty on TFP, as well as to identify cash reserves as a factor partially offsetting this effect. The results are important for corporate strategies and economic policies aimed at reducing the impact of uncertainty on the activities of organizations.

---

# Роль методов оценки качества жизни населения как инструмента государственного регулирования

**Попова Ирина Викторовна** 

доктор социологических наук, доцент,  
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», Ярославль, Россия  
E-mail: pivik@list.ru

**Абрамова Марина Борисовна** 

кандидат химических наук, доцент,  
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», Ярославль, Россия  
E-mail: abramovamb@ystu.ru

**Зорин Алексей Викторович** 

кандидат экономических наук, доцент  
ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», Кострома, Россия  
E-mail: zav104@yandex.ru

---

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

качество жизни, уровень жизни, материальная обеспеченность, горизонт планирования, показатели качества жизни, человеческий капитал, производительность труда

## АННОТАЦИЯ.

Качество жизни населения является важнейшим приоритетом оценки эффективности социально-экономической политики государства. Как экономическая категория представляет собой комплексную характеристику, отражающую не только уровень материального благополучия, но и степень развития экономической сферы. Существующие сегодня методы, хотя имеют большую, научную ценность в теоретическом и практическом направлении в области оценки качества жизни населения, однако во многих методиках недостаточно обоснованы подходы к формированию структурных элементов качества жизни населения, системы индикаторов для проведения его оценки. Качество жизни формируется под воздействием множества факторов, которые можно разделить на экономические, социальные и институциональные. В исследовании качества жизни населения следует выделить дихотомию объективных и субъективных методик его оценки. Исследование качества жизни должно включать в себя изучение как объективных условий и процессов жизнедеятельности, так и субъективного мнения людей. Понятие «качество жизни», в российском научном дискурсе является крайне полисемичными по смысловой интерпретации, его содержательное наполнение носит дискуссионный характер, так же как и способы операционализации через систему показателей и критериев. Целью исследования было подчеркнуть релевантность субъективистского подхода с акцентом на субъектность индивида в ситуации нестабильности экономики и влияния на нее внешних факторов. Эмпирической базой служат данные проводившегося стандартизированного социологического опроса на основе программы и авторского инструментария. Отправной точкой нашего исследования стали количественные показатели качества жизни населения Ярославской области. Основной гипотезой было предположение о том, что современные статистические показатели экономической конъюнктуры, демонстрирующие улучшение качества жизни населения региона, на самом деле не отражают реалии, что создает сложности в вопросах государственного регулирования.

---

JEL codes: A12, A13, A14

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-62-72>

Для цитирования: Попова, И.В. Роль методов оценки качества жизни населения как инструмента государственного регулирования /И.В. Попова, М.Б. Абрамова, А.В. Зорин - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.62-72. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

---

## Введение

Оценка реального социально-экономического состояния общества является важной научно-исследовательской задачей. Повышение качества жизни населения – это один из существенных приоритетов в деятельности государственной власти всех уровней. Качество жизни все чаще признается базовым условием развития человеческого потенциала, являющегося основным фактором экономического развития государства. Как экономическая категория представляет собой комплексную характеристику, отражающую не только уровень материального благополучия, но и степень развития социальной сферы, экологической обстановки, культурной среды. Повышение качества жизни должно являться приоритетным направлением экономической политики государства, поскольку напрямую влияет на эффективность социально-экономического развития общества в целом. С экономической точки зрения, качество жизни выступает как многомерная категория, включающая объективные (измеримые) и субъективные (оценочные) компоненты. Объективные аспекты отражают уровень доходов, доступ к образованию, здравоохранению, жилью, инфраструктуре, а также экологическую ситуацию. Субъективные аспекты связаны с личным восприятием индивидом своего благополучия, удовлетворенности жизнью и социальной справедливостью.

Качество жизни имеет важное значение для экономического развития, так как напрямую влияет на человеческий капитал, производительность труда и социальную стабильность. Высокое качество жизни способствует:

- росту производительности труда. Здоровое, образованное и мотивированное население работает более эффективно, что увеличивает экономический потенциал.
- социальной стабильности: снижение социального неравенства и обеспечение базовых потребностей уменьшают социальные конфликты и способствуют устойчивому развитию;
- привлечению инвестиций: регионы с высоким качеством жизни привлекают квалифицированную рабочую силу и капитал, что стимулирует экономический рост;
- устойчивому развитию: учет экологических факторов в экономической политике обеспечивает долгосрочную жизнеспособность экономических систем.

В то же время, повышение качества жизни требует значительных ресурсов, что создает вызовы для экономической политики. Например, финансирование социальных программ может увеличивать государственный долг, а перераспределение доходов — вызывать сопротивление со стороны элит. Таким образом, эффективная экономическая политика должна находить баланс между краткосрочными экономическими целями и долгосрочными задачами повышения качества жизни.

В течение последних десятилетий представления о качестве жизни претерпели значительные изменения, которые от преимущественно теоретических описаний совершали постепенный переход к расширенному пониманию содержания этой категории, а именно к практическому использованию, для оценки социально-экономического состояния общества и международных сопоставлений. Качество жизни – это совокупность условий, обеспечивающих жизнедеятельность человека, которые могут быть представлены в виде набора факторов, формирующих эти условия. Можно выделить основные свойства качества жизни: качество населения; благосостояние; условия жизни населения; информированность населения; социальная безопасность; качество окружающей среды. Понятие качество жизни возникло не так давно - в 60-х годах XX века. Принято считать, что впервые этот термин появился в книге экономиста Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия» в 1960 г. [8] Начиная со второй половины XX века и вплоть до настоящего времени, качество жизни это одно из широко используемых, но дискутируемых понятий. Понятие «качество жизни» начало активно входить в научное словоупотребление с переходом на стадию постиндустриального развития, когда в качестве главного ресурса экономики и развития социума стали рассматриваться не столько природные богатства и индустриальный потенциал, сколько человеческий капитал, знания и компетенции, а представители среднего класса, насытившись потребительскими товарами, стали выше оценивать социально производимые и социально потребляемые блага – здоровье, образование, безопасность,



экологию – и стремиться к ним. Понятие «качество жизни», в российском научном дискурсе является крайне полисемичными по смысловой интерпретации, его содержательное наполнение носит дискуссионный характер, так же как и способы операционализации через систему показателей и критериев.

Так, например, некоторые ученые считают, что качество жизни человека – это степень удовлетворенности его потребностей. Представители Всероссийского центра изучения уровня жизни (ВЦУЖ) Баженов С. А. и Маликов Н. С. указывают, что «потребности человека рассматриваются как внутренняя причина его жизнедеятельности», а качество жизни определяется как «уровень и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей» [1].

Схожую формулировку определения качества жизни предлагает Матвеева Т. Ф., утверждая, что «неудовлетворенные по различным причинам потребности служат предпосылкой к возникновению различного рода суждений о качестве бытия» [16].

Глушакова О. В. отмечает существование не только прямой, но и обратной зависимости потребностей человека и качества его жизни, утверждая, что «система потребностей отдельно взятого индивида зависит от... условий его жизнедеятельности» [6].

А.В. Мухачева считает, что «Большинство исследователей качества жизни населения отмечают отсутствие общепринятого понимания сущности данного понятия и подходов к его определению, а также то, что именно междисциплинарный характер категории «качество жизни» обуславливает возникновение существенных проблем при его интерпретации: представители различных наук тяготеют к сужению сфер общественной и индивидуальной жизни, охватываемых данным понятием, ограничиваясь лишь теми, что лежат в пространстве отдельной науки. Это неминуемо приводит к «однобокости» в понимании сущности качества жизни. В вопросе качества жизни сталкиваются такие науки, как социология (изучает общественный характер качества жизни), психология (специализируется на анализе «ощущаемого качества жизни» и его компонентов), экономика (пытается выявить значимые объективные экономические предпосылки для повышения качества жизни), политика (анализирует институциональные основы и механизмы управления качеством жизни населения определенной территории), философия (пытается интерпретировать качество жизни в рамках онтогенеза и коллективных форм бытия), медицина (занимается изучением качества жизни пациентов с различными заболеваниями)» [17]

Все исследователи сходятся в том, что наиболее близким по смыслу, синонимичным качеству жизни человека является удовлетворенность человека жизнью – как степень соответствия действительных параметров и условий жизни ожиданиям человека. Качество жизни имеет в своей основе определенный уровень материального благосостояния, развития экономики, науки, культуры, находящий отражение в понятии уровня жизни, это степень удовлетворения потребностей с достижением определенного личностно-психологического состояния. в качество жизни населения включаются материальные и нематериальные аспекты, понятие «качество жизни» более полное и масштабное, это совокупность социально-экономических категорий. Они показывают развитие физических, духовных, социальных потребностей, а также удовлетворенность ими. Эта категория является важной частью характеристики социально-экономической системы.

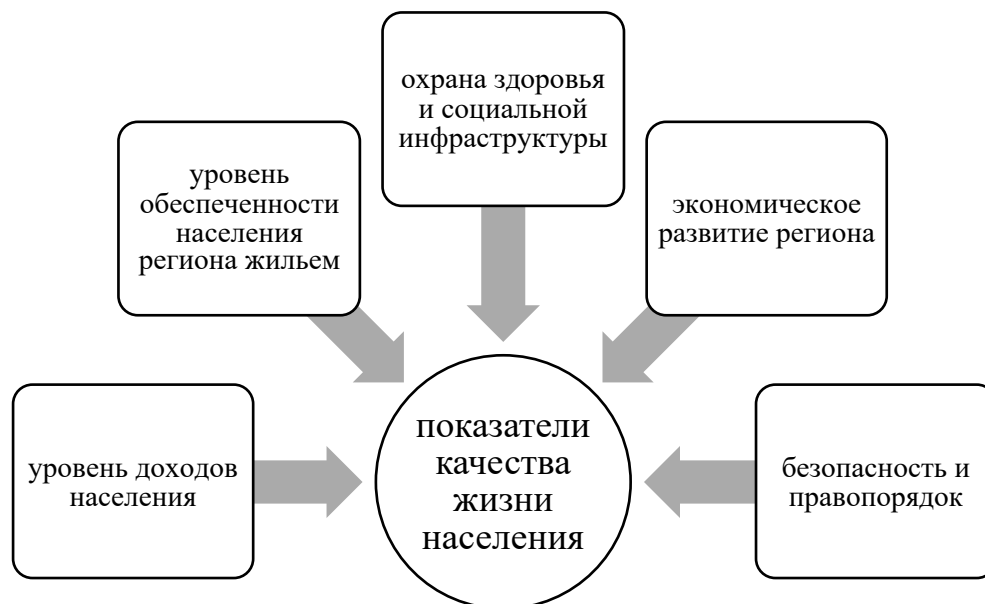
Сегодня российскими учеными разработано множество вариантов оценки качества жизни по различным параметрам: И.А. Гундаров [23], В.Н. Крутько [10], Д.С. Львов [13] Лысенков С.П. [12], Остапенко Е.А [18], Шуმიлина Е.В. [22], Глухов А.П. [5], Беляева Л.А. [2], Благовестова Т.Е. [3], Зубрилин Ю.В. [9], Лига М.Б., Щеткина И.А. [11], Мазепина О.Ю. [14], Маликов Н.С. [15], Филюков И.А. [21], Щеткина И.А. [24].

## Методы

Система показателей качества жизни включает в себя большое количество параметров: ожидаемая продолжительность жизни (в годах); естественное воспроизводство населения (разница между числом родившихся и умерших); неудовлетворенность жизнью (характеризуется количеством

самоубийств на 100 тыс. жителей); агрессивность общества (характеризуется количеством убийств на 100 тыс. жителей); неустойчивость семейных отношений (количество разводов на 1000 браков); благосостояние; доступность и качество образования; доступность медицинской помощи и состояние здоровья; доступность жилья и качество жилищных условий; состояние социальной среды.

Сгруппированные по направлениям исследований показатели качества жизни населения представлены на рисунке 1.



**Рисунок 1** – Показатели качества жизни населения

Из представленной схемы, можно сделать вывод, что оценка качества жизни должна осуществляться на основе следующих принципов:

- всесторонней оценки. Конечным результатом исследования качества жизни должна стать оценка сложившейся ситуации во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом;

- комплексности. Исследование качества жизни должно включать в себя изучение как объективных условий и процессов жизнедеятельности, так и субъективного мнения людей;

- универсальности. При оценке качества жизни любого объекта исследования необходимо использовать универсальный набор объективных и субъективных показателей;

- учета специфики объекта исследования. Необходимо дифференциально подходить к изучению качества жизни каждого конкретного объекта исследования, выделять специфические черты, характерные только для него.

Качество жизни формируется под воздействием множества факторов, которые можно разделить на экономические, социальные и институциональные:

- экономические факторы: уровень экономического развития, структура экономики, производительность труда, уровень безработицы и инфляции. Экономический рост создает ресурсы для инвестиций в социальную сферу, но его качество (инклюзивность, устойчивость) определяет, насколько он способствует повышению качества жизни;

- социальные факторы: демографическая структура, уровень неравенства, социальная мобильность. Высокий уровень социального неравенства может подрывать качество жизни даже при высоких экономических показателях;

- институциональные факторы: качество государственного управления, уровень коррупции, эффективность правовой системы. Институты, обеспечивающие прозрачность и справедливость, создают условия для равного доступа к ресурсам и возможностям;

- технологические факторы: инновации в здравоохранении, образовании, транспорте и экологии

могут существенно повысить качество жизни. Например, развитие телемедицины расширяет доступ к медицинским услугам в удаленных регионах;

- глобальные и региональные факторы: глобализация, миграция, изменение климата и международное сотрудничество влияют на качество жизни через экономические, экологические и социальные каналы.

В исследовании качества жизни населения можно выделить дихотомию объективных и субъективных методик оценки качества жизни населения. К объективным относят такие как:

«Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)», «Индекс человеческого развития (ИЧР)»: оценивает продолжительность жизни, уровень образования и доход на душу населения. Этот индекс, разработанный ООН, является одним из наиболее признанных инструментов.

«Индекс счастья (World Happiness Report): учитывает субъективное восприятие благополучия, социальную поддержку, свободу выбора и другие факторы.

«Индекс качества жизни (Quality of Life Index): включает показатели покупательной способности, безопасности, здравоохранения, стоимости жизни и экологии.

«Многомерный индекс бедности (MPI): оценивает депривацию в здравоохранении, образовании и уровне жизни.

Эти индексы позволяют сравнивать качество жизни между странами и регионами, однако их ограничение заключается в том, что они не всегда учитывают культурные и субъективные особенности восприятия благополучия. Однако, дать правильную оценку уровня и качества жизни по данным официальных источников невозможно. Одна из причин слабой изученности уровня жизни муниципальных образований – значительные проблемы в информационном обеспечении такого исследования, что весьма существенно ограничивает возможности объективного анализа.

Субъективные методики основываются на интерпретации понятия «качество жизни» как степени удовлетворенности человека своей жизнью, выражающейся в уровне и степени реализации его потребностей. В данной статье представлены результаты исследования субъективного восприятия населением качества своей жизни. Субъективистский подход к оценке качества жизни условно предполагает описание качества жизни «как функции и результата жизнедеятельности социального субъекта, который определяется реализуемым потенциалом человека в существующих условиях» [15].

Методика комплексной оценки качества жизни населения в регионах России учитывает основные направления предстоящей трансформации отечественной экономики и социальной сферы, нацеленной на создание реальных предпосылок стабильного посткризисного социально-экономического развития страны, обеспечения устойчивости ее экономического роста и на этой основе - значительного подъема уровня и качества жизни населения российских регионов.

### **Полученные результаты**

Необходимость подчеркнуть релевантность субъективистского подхода с акцентом на субъектность индивида в ситуации нестабильности экономики и влиянии на нее внешних факторов, а также важность контекста процессов санкционных воздействий делает актуальным проведение исследования качества жизни населения г. Ярославля. Эмпирической базой служат данные проводившегося стандартизированного социологического опроса на основе программы и авторского инструментария. Отправной точкой нашего исследования стали количественные показатели качества жизни населения Ярославской области. Основной гипотезой было предположение о том, что современные статистические показатели экономической конъюнктуры, демонстрирующие улучшение качества жизни населения региона, на самом деле не отражают реалии.

Охватить все показатели в одном исследовании практически невозможно. Поэтому мы остановились на тех, которые требуют управления со стороны государственной власти с целью повышения качества жизни населения.

К таким показателям мы отнесли:

- материальную обеспеченность;

- динамику качества жизни по выбранным показателям;
- горизонт планирования;

Важнейшим условием развития человеческого потенциала является эффективная социальная политика, призванная создать необходимые условия, обеспечивающие достойную жизнь, удовлетворенность самих людей качеством жизни, веру в защиту государственными органами прав и интересов граждан.

Для оценки удовлетворенности качеством жизни самих людей был проведен опрос, через гугл-форму, различных категорий граждан, проживающих в г. Ярославле. В выборку вошли: 77,3% женщин и 22,7% мужчин. По возрасту: 51,7% до 30 лет; 23,4% от 31 до 40 лет; 15,4% от 41 до 50 лет; 7,0% от 51 до 60 лет; 2,5% старше 60 лет. По уровню образования: 70,1% с высшим образованием; 22,4% среднее специальное; 7,5% законченная средняя школа. Семейное положение: 42,3% состоят в первом браке; 28,9% не замужем\не женаты; 8,5% разведены; 8,0% состоят в повторном браке, после развода; 10,4% состоят в гражданском браке; 2,0% вдова\вдовец. Жилищные условия: 56,4% в приватизированной квартире; 13,5% в частном доме; 19,0% снимают жилье; 6,5% в государственной квартире; 4,5% в коммунальной квартире. По занятости: 64,5% работают; 19,0% работают и учатся; 5,0% учатся; 4,0% на пенсии и работают; 7,5% не работают и не учатся. По сфере занятости: 23,9% органы власти, административные органы; 19,8% торговля, услуги; 14,2% образование, медицина, культура; 11,2% промышленность; 5,1% частное предпринимательство; 6,1% транспорт, перевозки; 19,7% другое. Все эти социально-демографические характеристики связаны с оценкой качества жизни людей.

Наиболее важным показателем, влияющим на качество жизни населения является уровень материального благосостояния. Поэтому в нашем исследовании этому был отведен блок вопросов, позволяющий получить оценку с разных ракурсов.

Прежде всего, необходимо выделить различные по уровню группы и определить их удельный вес. Для этого к вопросу: «Как бы Вы оценили, в целом, уровень материального благосостояния Вашей семьи?» были сформулированы следующие варианты ответов:

Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования (холодильник, телевизор) однако, затруднительно приобретать действительно дорогие вещи (квартиру, машину, дачу) – 45,6%;

Денег хватает на продукты и одежду, но проблемой является покупка вещей длительного пользования – 42,6%;

На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения – 6,9%;

Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие покупки – 3,4%.

В данном случае следует отметить, что среди опрошенных 83,5% работающие.

Следующим, уточняющим вопросом был: «На данный момент, как Вы оцениваете обеспеченность себя или своей семьи самым необходимым?»

Ответы разделились на два варианта:

Самым необходимым мы обеспечены, но не больше – 55,4%

Самым необходимым мы обеспечены, даже больше – 42,2%

Для выявления связи качества жизни с факторами внешней среды в исследовании задавался вопрос, позволяющий отследить динамику изменения материального положения: «За последний год как изменилось материальное положение Вашей семьи?»

Немного улучшилось – 36,9%

Значительно улучшилось – 13,8%

Осталось без изменений – 32,0%

Немного ухудшилось – 15,8%

Значительно ухудшилось – 1,5%

Получили, что у половины опрошенных оно улучшилось, у третьей части осталось без изменений и у каждого шестого ухудшилось.

Качество питания является косвенным показателем качества жизни семьи. Поэтому логично



было спросить: «Что определяет ваше решение при покупке продуктов питания?»

Качество продукта, цена не имеет значения, на питание нам хватает – 61,1%

Их цена, покупаю то, на что хватает денег – 38,9%

Характеристику материального положения можно дополнить результатом, полученным по вопросу «Как изменилась ваша жизнь по следующим характеристикам?»

**Таблица 1** – Изменение жизни опрошенных по варианту «ничего не изменилось»:

Показатель	Ничего не изменилось
Вы стали питаться	51,9%
Ваши возможности купить одежду, обувь стали	33,4%
Ваши возможности для заработков стали	36,8%
Ваши жилищные условия стали	63,1%
Ваши перспективы в жизни стали	43,6%
Ваши возможности организовать свой отдых стали	34,9%
Ваши возможности организовать отдых своих детей стали	60,1%
Ваши возможности покупать вещи длительного пользования (бытовая техника)	39,8%

Обобщая полученные по данному блоку вопросов результаты мы можем дать описание состояния материального благосостояния населения г. Ярославля:

- 42,6 % денег хватает на продукты и одежду, но проблемой является покупка вещей длительного пользования;

- 55,7 % самым необходимым обеспечены, но не больше;

- у 32,0% материальное положение за последний год осталось без изменений и у 15,8% немного ухудшилось;

- для 61,1% решение при покупке продуктов питания определяет

их цена, они покупают то, на что хватает денег.

Таким образом, обобщающий вывод по материальному благосостоянию населения можно сформулировать следующим образом:

От 40 до 60% населения в разной степени испытывают трудности с материальным обеспечением своей семьи.

Следующим показателем качества жизни населения мы выбрали горизонт планирования. Это тот показатель, который позволяет выявить оценку населением уровня экономической стабильности в государстве. В экономической теории принято считать, что, чем длиннее горизонт планирования, тем стабильнее экономическая ситуация, тем выше уровень материальной обеспеченности. Гипотезой исследования было предположение, что горизонт планирования населения г. Ярославля не превышает одного года. Для проверки данной гипотезы задавались два вопроса: «Насколько вас беспокоит невозможность обеспечить себя (семью) самым необходимым через год?» и «По Вашим личным прогнозам, через год Вы (Ваша семья) в материальном плане будет жить лучше или хуже, чем сейчас?»

Получены следующие результаты вопроса «Насколько вас беспокоит невозможность обеспечить себя (семью) самым необходимым через год?»:

Не могу планировать что будет через год - 29,6%

Очень беспокоит - 30,5%

Немного беспокоит - 29,6%

Совсем не беспокоит - 10,3%



Получены следующие результаты вопроса: По Вашим личным прогнозам, через год Вы (Ваша семья) в материальном плане будет жить лучше или хуже, чем сейчас?»

- Станет значительно лучше - 14,8%
- Станет несколько лучше - 27,1%
- Останется таким же как и сейчас - 24,1%
- Станет несколько хуже - 9,4%
- Станет значительно хуже - 3,4%
- Затруднились ответить - 21,2%

Таким образом, гипотеза нашла свое подтверждение: каждый третий не может планировать, что будет через год и 21,2% затруднились в прогнозе своего материального положения через год. Такой горизонт планирования указывает на высокий уровень нестабильности экономической ситуации.

### **Заключение**

Повышение качества жизни населения выступает как стратегическая цель управления, для достижения которой используются различные подходы, механизмы, методы и средства, ресурсы публичного управления – методы стратегического планирования, государственные и муниципальные программы, полномочия и компетенции органов власти, средства информационного обеспечения и т.д. Перечень таких механизмов в настоящее время уже достаточно обширен, возможности их использования регламентируются в разной степени нормативными правовыми актами на всех уровнях публичного управления – федеральном, региональном, местном.

Для обеспечения экономического роста требуется повышение роли научных исследований и разработок, превращение научного потенциала в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста. Исходя из цели нашего исследования, которая заключалась в том, чтобы подчеркнуть релевантность субъективистского подхода с акцентом на субъектность индивида в ситуации нестабильности экономики и влиянии на нее внешних факторов, обращаем внимание на тот факт, что некоторые ученые в определении качества жизни через уровень удовлетворения потребностей делают акцент на объективной или субъективной оценке. По мере развития методов исследования данного направления большинство признают двойственность в определениях качества жизни, предполагающую одновременное существование обоих аспектов. Исходя из требования его определения через удовлетворение потребностей и выявленную двойственность оценки (наличие объективного и субъективного аспектов), можно предложить обобщенную интерпретацию качества жизни – комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающих степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни. Качество жизни – степень развития и полнота удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей, проявляющаяся как в различных формах деятельности, так и в самом жизнеощущении. Таким образом, в широком смысле качество жизни можно интерпретировать как комплексную оценку степени удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека, определяемую объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни. Незатихающие исследовательские споры о сущности качества жизни и различных подходах к его определению, делают задачу эмпирического исследования качества жизни актуальной. только создание междисциплинарного направления способствовало бы созданию единой дефиниционной концепции этой многогранной научной категории.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженов, С. А. Качество жизни населения: теория и практика / С. А. Баженов, Н. С. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 10
2. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–36.
3. Благовестова Т.Е., Налетова Н.Ю. Качество жизни населения региона: методика оценки // Псковский регионологический журнал. 2014. № 20.
4. Генкин Б.М., Десятко Д.Н., Екимова Е.Н. Теория и методика сравнительной оценки качества жизни населения страны. //Уровень жизни населения регионов России. – 2016. - № 4. – с. 31-42.
5. Глухов А.П., Булатова Т.А. Качество жизни: региональный аспект социокультурной составляющей модернизации // Философские науки. 2017. № 3. С. 86–101.
6. Глушакова, О.В. Эволюция методологии и теории качества жизни в концепциях зарубежных и отечественных научных школ / О. В. Глушкова // Вестник кузбасского государственного технического университета. — 2019. — № 3. — С. 141-147.
7. Головин А.А. Критический анализ методов измерения и мониторинга качества жизни населения. //Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т.9 №4. – с.30-42.
8. Гэлбрейт, Джон Кеннет. Общество изобилия / Джон Кеннет Гэлбрейт [перевод с английского; науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов]. — М.: Олимп– Бизнес, 2018. — 404 с. (Серия ИНИР им. С. Ю. Витте «Современная экономическая мысль»)
9. Зубрилин Ю.В. Стратегия повышения качества жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2003. № 5.
10. Крутько В.Н., Деминов М.М., Брико Н.И., Митрохин О.В., Чичуа Д.Т. Проблемы управления здоровьем и качеством жизни. Национальное здравоохранение. 2021. 2(2) с. 55-63
11. Лига М.Б., Щеткина И.А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. – Новосибирск: Наука, 2011.
12. Лысенков С.П., Ожева Р.Ш, Шарипов Р.Г. «Критерии качества жизни в оценке уровня здоровья // Фундаментальные исследования. 2011. № 9-3.С.435-438;URL: <https://fundamentalresearch.ru/ru/article/view?id=28528> (дата обращения: 01.07.2025).
13. Львов Д.С., Гневко В.А., Рахчин В.Е. Качество жизни – критерий роста национальной экономики и ее региональных подсистем. СПб: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2007.320с.
14. Мазепина О.Ю. Проблемы определения и измерения уровня качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 6 (74). С. 84–86
15. Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. – М.: Наука, 2002. <https://studfile.net/preview/3995452/page:139/> (дата обращения 02.07. 2025)
16. Матвеева, Т. А. Методическая система использования информационных и коммуникационных технологий в становлении профессиональной компетентности студентов технического вуза / Т. А. Матвеева // Вестник оренбургского государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 19-25.
17. Мухачёва, А. В. Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению / А. В. Мухачёва // Вестник кемеровского государственного университета. — 2018. — № 4-1. — С. 303-307.
18. Остапенко Е.А. Методология оценки качества жизни населения региона. //Вопросы региональной экономики. – 2021. - № 1. – с. 107-114.
19. Погодина Т.В. Формирование системы мотивации населения к повышению качества жизни в современных условиях. //Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2023. – Том 33. – Вып. 1. – с. 67-74.

20. Теске Г.П., Радиловская Т.Ю. Теоретико-методологический анализ методов исследования качества жизни населения в условиях глобальной цифровизации. //Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2020. - №4. – с. 278-285.
21. Филюков И.А. Социологические аспекты определения и оценки категории «качество жизни» // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 21 (121) (Серия «Социально-гуманитарные науки. Вып. 11). С. 99–102.
22. Шумилина Е.В., Костина А.А., Смолянец М.С. Индикаторы качества жизни населения. // Наука и мир. – 2021. - №1. – с. 26-30
23. Щепетова С.Е., Гундаров И.А. (2018). Качество жизни как фокус социально-экономической кибернетики // Системный анализ в экономике – 2018: сборник трудов V Международной научно-практической конференции – биеннале (21–23 ноября 2018) / под общ. ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. – М.: Прометей. С. 364
24. Щеткина И.А. Качество жизни как показатель социального развития региона // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. №4 (51).

# The role of methods for assessing the quality of life of the population as an instrument of state regulation

## Irina Viktorovna Popova

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,  
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia,  
E-mail: pivik@list.ru

## Marina Borisovna Abramova

Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,  
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia,  
E-mail: abramovamb@ystu.ru

## Zorin Alexey Viktorovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,  
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation,  
E-mail: zav104@yandex.ru

---

### KEYWORDS.

quality of life, standard of living, material security, planning horizon, quality of life indicators, human capital, labor productivity

### ABSTRACT.

The quality of life of the population is the most important priority for assessing the effectiveness of the state's socio-economic policy. As an economic category, it is a complex characteristic that reflects not only the level of material well-being, but also the degree of development of the economic sphere. Although the existing methods have great scientific value in the theoretical and practical direction in the field of assessing the quality of life of the population, many methods do not sufficiently substantiate approaches to the formation of structural elements of the quality of life of the population, a system of indicators for its assessment. The quality of life is formed under the influence of many factors, which can be divided into economic, social and institutional. In the study of the quality of life of the population, it is necessary to distinguish the dichotomy of objective and subjective methods of its assessment. The study of the quality of life should include the study of both objective conditions and processes of life, and the subjective opinion of people. The concept of «quality of life» in Russian scientific discourse is extremely polysemic in terms of semantic interpretation, its content is debatable, as well as the ways of operationalization through a system of indicators and criteria. The purpose of the study was to emphasize the relevance of the subjectivist approach with an emphasis on the subjectivity of an individual in a situation of economic instability and the influence of external factors on it. The empirical base is the data of a standardized sociological survey based on the program and the author's tools. The starting point of our study was the quantitative indicators of the quality of life of the population of the Yaroslavl region. The main hypothesis was the assumption that modern statistical indicators of the economic situation, demonstrating an improvement in the quality of life of the region's population, do not actually reflect reality, which creates difficulties in matters of state regulation

---

# Использование междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин

Ковальчук Марина Александровна 

доктор педагогических наук, профессор,  
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.  
E-mail: kovalchukma@ystu.ru

Губина Галина Геннадьевна 

кандидат педагогических наук, преподаватель  
ГПОУ ЯО СПО Ярославский колледж управления и профессиональных технологий, г. Ярославль, Российская Федерация  
E-mail: gubinag@list.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интерактивные  
упражнения, системно-  
деятельностный  
подход, навыки,  
профессиональный  
иностраный язык

## АННОТАЦИЯ

Обзорная статья посвящена доказательству эффективности применения междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин в вузе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокой и расширенной интеграции дисциплин из разных областей науки. Качественное междисциплинарное обучение способствует интегрированию студентами концепций, теорий, методов и средств обучения, углубляет понимание сложных тем, развивает способности обучающихся, готовит их к решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплинарной перспективы. Наше обращение к междисциплинарному подходу в области изучения экономики обусловлено ведущей ролью экономических дисциплин в функционировании и развитии общества, производства, науки и технологий, необходимостью взаимодействия экономических дисциплин с такими дисциплинами как математика, биология, экология, психология, социология, право, история, формирования специалистов, способных к интегрированию концепций, теорий, методов и средств обучения, углубленному пониманию сложных тем, способных к формулировке и решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплины. Цель статьи – исследование эффективности применения междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин. Задачи статьи: изучить сущность и доказать преимущество использования междисциплинарного подхода, осуществить анализ существующих методик и примеров внедрения междисциплинарного подхода в изучение экономических дисциплин.

Методологическое исследование включает в себя изучение научной литературы и эмпирических данных, сравнение, анализ, использование интерактивных форм работы: метод кейсов, групповые и исследовательские проекты при интегрировании экономики с другими дисциплинами. Авторы раскрывают сущность и преимущества использования междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин, методы работы, практическое использование междисциплинарного подхода. Результаты исследования могут быть применены в профессиональном образовании при изучении экономических дисциплин. Перспективы дальнейшего исследования включают в себя интеграцию экономических дисциплин с новыми дисциплинами на всех этапах обучения в вузе, расширение междисциплинарных программ, внедрение новых средств обучения.

JEL codes: E02; E22; E44; F21

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-73-89>

Для цитирования: Ковальчук, М.А. Использование междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин / М.А. Ковальчук, Г.Г. Губина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.73-89. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.07.2025)



## Введение

Появление и развитие междисциплинарного подхода определено экономическими и социальными причинами, развитием общества. Обучение основам наук в образовании имеет дисциплинарную направленность, под которой подразумевается объективный процесс дифференциации наук, предполагающий появление новых предметных областей, которые необходимо и возможно изучать в теории и применять на практике. Исследование и применение новых предметных областей требует углубленной профессионализации и специализации.

А.Н. Книгин, изучая онтологию появления междисциплинарного подхода, вслед за французским социологом Пьером Феликсом Бурдые [7] для решения проблемы рассматривает концепт интеллектуального поля – общетематического поля духовной, в том числе, познавательной деятельности. Интеллектуальное поле не только социологическое понятие, оно имеет экзистенциальный смысл, обозначает конкретные интеллектуальные интересы, образы мышления, традиции, парадигмы экзистенциально связанных с этим полем людей, определяет язык общения, отделяющий его от других полей. В противоположность дифференциации наук возникают процессы интеграции, определяющие новые дисциплинарные деления и границы, так как интеллектуальное поле уже существующих дисциплин начинает расширяться за счет включения ближайших интеллектуальных областей. А.Н. Книгин делает вывод, что новое фундаментальное познание – междисциплинарность [1].

Наше обращение к междисциплинарному подходу в области изучения экономики обусловлено ведущей ролью экономических дисциплин в функционировании и развитии общества, производства, науки и технологий, необходимостью взаимодействия экономических дисциплин с такими дисциплинами как математика, биология, экология, психология, социология, история, формирования специалистов, способных к интегрированию концепций, теорий, методов и средств обучения, углубленному пониманию сложных тем, способных к формулировке и решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплины.

Выбор педагогического исследования определен актуальностью выбора междисциплинарного подхода в качестве исследования особенности современной науки и необходимостью повышения качества научной деятельности, синтеза знаний с помощью педагогических теорий [18, с. 115].

Междисциплинарный подход характеризуется высокой глубиной интеграции, при взаимодействии совместными решениями участвующих в процессе обучения сторон, усиленным пониманием проблемы при ознакомлении и использованию новых знаний.

Качественное междисциплинарное обучение (на основе двух или более дисциплин) способствует интегрированию студентами концепций, теорий, методов и средств обучения, углубляет понимание сложных тем, развивает способности обучающихся, готовит их к решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплинарной перспективы.

Цель статьи: исследование эффективности применения междисциплинарного подхода в изучении экономических дисциплин.

Задачи статьи:

- изучить сущность и доказать преимущество использования междисциплинарного подхода в области изучения экономических дисциплин;
- осуществить анализ существующих методик и примеров внедрения междисциплинарного подхода в изучение экономических дисциплин.

Методы исследования: изучение научной литературы и эмпирических данных, сравнение, анализ, использование интерактивных форм работы: метод кейсов, групповые и исследовательские проекты.

## Теоретическая основа междисциплинарного подхода

Вопросы междисциплинарного обучения получили развитие в концепциях российских и

зарубежных ученых. К ним относятся:

- мысли о синтезе точных, естественных и общественных наук и об использовании методов точных и естественных наук в политике, этике, психологии, истории Дж. С. Милля [4, с. 6-7];
- теория системных моделей как междисциплинарных Л. фон Берталанфи [25];
- наука кибернетика и ее влияние на инженерию, информатику, биологию, философию, и затем на антропологию, социологию и образование Н. Винера [9];
- дисциплина синергетика Г. Хакена [24];
- научная дисциплина тектология, всеобщая организационная наука А.А. Богданова [6];
- интеграционный подход к исследованию планеты Земля, переход биосферы в ноосферу И.В. Вернадского [5];
- экономико-математическая модель, концепция синтеза экономики, математики, информатики Л.И. Лопатникова [10];
- экономико-математический словарь Л.И. Лопатникова [14];
- теория междисциплинарного исследования и дисциплинарная организация науки с точки зрения системного подхода Э.М. Мирского [2; 3].

Приведем определения понятия междисциплинарного обучения российских и зарубежных ученых.

Междисциплинарный подход – взаимообусловленная система интеграции знаний, выраженная в исследованиях и преподавании [2].

Междисциплинарное обучение – целенаправленный, основанный на дисциплинах, интегративный процесс, посредством которого обучающиеся приходят к пониманию совокупностей знаний и способов мышления из двух или более дисциплин, или предметных групп и интегрируют их для создания нового понимания [30, с. 13]. Осуществление этого процесса начинается в школе и продолжается в профессиональном образовании.

Междисциплинарный подход следует отличать от мультидисциплинарного и трансдисциплинарного подходов. Проведем сравнительный анализ междисциплинарного, мультидисциплинарного и трансдисциплинарного подходов в таблице.

**Таблица 1** – Сходство и различие междисциплинарного, мультидисциплинарного и трансдисциплинарного подходов

Подход	Сущность	Особенности	Пример
междисциплинарный	комплексное рассмотрение предмета исследования, обеспечение взаимодействия разных дисциплин для решения конкретной проблемы или достижения определенной цели, высокая глубина интеграции, усиленное понимание проблемы	- объединение разных наук вокруг одной общей задачи; -одновременный взгляд на проблему с нескольких точек зрения; - создание условий для взаимного обогащения знаниями и методами; - координирование деятельности экспертов из разных областей	разработка и реализация курса в области экономики, в котором участвуют специалисты из области экономики, математики, экологии, психологии, социологии

Подход	Сущность	Особенности	Пример
мультидисциплинарный	параллельное применение различных наук и дисциплин без глубокого взаимодействия между ними, каждая дисциплина работает автономно над своей частью задачи, не обязательно интегрируя результаты друг друга, обеспечивая решение путем объединения отдельных решений каждой дисциплины	- параллельное использование дисциплин независимо друг от друга; - каждая дисциплина решает свою часть задачи отдельно; - отсутствие глубоких интеграций и совместных действий между специалистами; - результат определен суммой результатов действий специалистов из разных сфер деятельности	при строительстве объекта экономисты рассчитывают бюджет, архитекторы рассчитывают здание, инженеры проектируют технические конструкции, экологи изучают воздействие на окружающую среду
трансдисциплинарный	выход за рамки существующих дисциплин и создание нового знания, с преодолением границ существующих наук, глубокий уровень сотрудничества	- создание новых форматов взаимодействия; - преодоление границ наук; возникновение новых концептуальных моделей; - свободное и эффективное взаимодействие специалистов из разных областей	кибернетика объединяет экономику, биологию, технику, информатику в единую теорию управления различными системами

Междисциплинарное обучение предполагает не только дисциплинарное овладение знаниями и навыками, но и его дополнение приемами междисциплинарной подачи материала для формирования междисциплинарного мышления обучающихся, например, при изучении таких междисциплинарных курсов как «Экономическая социология» [11], «Психоэкономика» [12], «Экологическая экономика» [19], «Экономика природопользования и экологический менеджмент» [20].

Для создания формы междисциплинарности переносят методы одной науки в другую науку, например, в математической экономике осуществляется перенос в экономику математических методов и междисциплинарного математического языка или применяют методы разных наук к исследованию объекта, пример – изучение экономического объекта с разных точек зрения. В первом случае возникает еще одна дисциплина со своим набором методов. Во втором случае используется комплексный подход, не подразумевающий возникновение нового объекта.

В профессиональном образовании при изучении фундаментальных наук, решения научных проблем, междисциплинарный подход основан на взаимосвязи двух и более дисциплин, имеющих общую терминологию, систему исследования, научные разработки, обучение специалистов, например, введение в экономику, экономическая теория, экономическая статистика. При изучении дисциплин предметной организации, таксономических дисциплин, таких как макроэкономика и микроэкономика, эконометрика, междисциплинарный подход способствует расширению области знаний, которые не могут полностью быть исследованы существующими дисциплинами и появляется

новая дисциплина, например, история экономики на основе изучения общей экономики и истории экономических школ [13, с. 116].

При решении задачи посредством междисциплинарного подхода студентам могут быть предоставлены концептуально единые курсы. Во время изучения разных экономических дисциплин формируется интеллектуальное поле экономики и определенный тип мышления – экономическое мышление.

Междисциплинарный подход обладает рядом преимуществ, включающих в себя:

- комплексное понимание и решение современных проблем и задач, исследование объекта или явления с разных сторон с обеспечением его более глубокого понимания;
- разнообразие научных взглядов разных дисциплин, поиск новых решений и расширение границ познания;
- смешение концепций и методов, инновации и креативность;
- развитие адаптивности и гибкости мышления, улучшение качества работы в сложных и динамичных средах;
- разработка стратегий с учетом множества факторов и интегрирование решений для решения комплексных проблем;
- формирование и улучшение навыков командной работы, коммуникации и сотрудничества;
- развитие навыков критического мышления: анализ информации, формулирование выводов, оценка сценариев;
- ускорение научного прогресса, создание условий для появления новых направлений в исследованиях;
- ответ на требования рынка труда;
- повышение мотивации и интереса обучающихся;
- развитие карьеры на основе более глубокого знания и навыков из разных областей и высокого уровня адаптации;
- учет этического аспекта между научными открытиями и их последствиями.

Важную роль в изучении областей науки играют дискурсы. Под языком науки понимают не только профессиональную лексику и термины, но и способы представления знаний и мысли. Одной из трудностей применения принципа междисциплинарности является различие языковых дискурсов, свойственных определенному интеллектуальному полю. Проблема заключается в необходимости изучения и использования дискурса не одного, а нескольких языков или создания междисциплинарного дискурса для двух или более языков. Основой для такого языка могут стать общенаучные понятия и методы.

Например, при изучении экономических дисциплин междисциплинарный дискурс включает в себя не только языковой дискурс экономики, но и математики: общенаучные понятия и методы, профессиональную лексику и термины, язык символов, математических формул и операций, формы графического представления материала, а также все дискурсы, используемые в других дисциплинах. Работа по интегрированию языковых дискурсов осуществляется специалистами из разных научных областей.

Междисциплинарное обучение подразумевает использование и интеграцию методов и аналитических рамок из более чем одной академической дисциплины для изучения концепции, метода, проблемы, темы, вопроса. Экономисты обычно изучают вопросы, которые также изучаются в других дисциплинах, но с другими аналитическими рамками и методологиями, например, используют методы математики, экологии, психологии, социологии, принимая во внимание аспекты этих научных областей для разработки более точных моделей, наиболее полной постановке и решению проблемных вопросов с привлечением математических концепций.

К междисциплинарным связям в экономике относится ее связь с рядом дисциплин:

- правом – правовая основа регулирования экономических отношений;

- историей – анализ истории экономических систем прошлого;
- психологией – бихевиористская экономика – психологические аспекты принятия решений;
- социологией – социальные факторы, оказывающие влияние на экономику, например, разные целевые аудитории потребителей;
- математикой – применение математического моделирования в анализе экономических процессов;
- экологией – экологический менеджмент, экологические проблемы, влияющие на экономику.

При этом важную роль играют междисциплинарные связи, которые определяют согласованность учебных программ, их теоретическое и практическое содержание, определяемое целями и задачами экономических курсов [15; 17; 28]. По времени внедрения они могут быть разделены на параллельные, предшествующие, перспективные, повторяющиеся и следующие; по знаниям и навыкам – логические, практические, семиотические, теоретические, философские [13, с. 117].

Работа по внедрению междисциплинарного подхода в вузе осуществляется поэтапно. На первом этапе может осуществляться изучение общих тем экономических дисциплин, определяющих возможность анализа проблем и методов исследования науки и учебных дисциплин. На втором этапе внедрение междисциплинарного подхода реализуется не только на лекционных, но и на семинарах и практических занятиях для решения практических задач с использованием современных образовательных технологий. На третьем этапе для углубленного изучения дисциплин используются курсы по выбору или факультативы. Преподаватели разных дисциплин могут создавать совместные образовательные программы и проекты, способствующие глубокому и расширенному уровню овладения материалом студентами и стимулирующие научную деятельность обучающихся.

Приведем примеры использования междисциплинарного подхода для изучения экономических тем.

Пример 1. Изучение теорий производства с использованием диаграмм и анализом биологических процессов.

Перед поступлением в университет студенты обладают базовыми знаниями в области математических и научных концепций. При этом могут быть использованы разные способы работы. Первый способ – использование диаграммы ввод → процесс → вывод. Эта диаграмма может применяться для моделирования явлений в разных дисциплинах, например, в изучении концепции производства в экономике, определяемой как процесс преобразования входов – факторов производства в производство и затем в выходы – товары и услуги.

1. Преподаватель вводит понятие производства с использованием диаграммы.
2. Обучающиеся приводят свои примеры ввода-вывода из уже имеющейся базы знаний из других дисциплин и связывают их с диаграммой концепции производства. Например, в биологии вводом для растений служат солнечный свет, вода, углекислый газ; выход – производство питания для растений; в качестве дополнительного продукта растения вырабатывают кислород.
3. Преподаватель и обучающиеся по аналогии делают вывод о том, что производственный экономический процесс также может привести к появлению побочных продуктов; переходят к изучению и обсуждению важных экономических концепций, положительных и отрицательных эффектов.

Пример 2. Исследование темы «Эластичность в экономике» на основе имеющейся базы знаний обучающихся, навыков интегрирования и синтеза информации, выявления закономерностей и связей между изучаемыми дисциплинами и формирования целостного междисциплинарного мышления. При этом используется метод моделирования и осуществляется отработка ситуаций в упражнениях в соответствии с выбранными студентами специальностями.

1. При изучении вопроса о взаимозависимости переменных преподаватель устанавливает связь между экономикой, естествознанием и социальными науками.
2. Обучающиеся активизируют знания таких концепций как скорость изменения, наклон или



градиент.

3. Преподаватель выделяет специфику взаимосвязи переменных в экономике: эластичность учитывает процентные измерения.

4. Преподаватель задает вопрос: «Если независимая переменная изменяется на одну единицу, насколько изменяется зависимая переменная?»

5. Обучающиеся отвечают на вопрос преподавателя, используя изученную ранее формулу  $\Delta y/\Delta x$ .

6. Преподаватель по-новому формулирует вопрос, учитывая специфику эластичности: «Если независимая переменная увеличивается на один процент, то на какой процент изменяется зависимая переменная?»

7. Обучающиеся определяют новую формулу применительно к концепции эластичности:  $(\% \Delta y)/(\% \Delta x)$ .

8. Студенты приводят свои примеры применительно к своим специальностям и новым ситуациям. Например, для производственной экономики может быть интересно узнать, если инвестирование в производство увеличится на один процент, на какой процент увеличится объем выпуска продукции? В этом случае формула, которую следует поощрять студентов выводить, будет выглядеть так:  $(\% \text{объем выпуска продукции})/(\% \text{инвестирование в производство})$  [23, с. 4-6].

Пример 3. Изучение темы «Экономический рост» с применением интегрирования экономики и экологии – междисциплинарной области знаний экологической экономики. Представим взаимосвязь изучения и решения вопросов экономики и экологии обучающимися в форме диаграммы кругового потока – обучение экономическому росту с использованием модели или диаграммы кругового потока.

1. Обобщение принципов роста экономики студентами с применением уже известных знаний: экономика растет в краткосрочной перспективе за счет использования дополнительной рабочей силы, подчиняясь закону убывающей доходности, и в более долгосрочной перспективе за счет добавления большего капитала и технологий. Результаты мыслительной деятельности студентов отображаются с применением модели или диаграммы кругового потока.

2. Преподаватель и обучающиеся совместно определяют дисциплины для реализации междисциплинарного подхода и более глубокого изучения темы, например, выбирают экологию, расширяют стандартную экономическую структуру.

3. Преподаватель представляет и моделирует интеграцию идей относительно экономического роста как экономистов, так и специалистов в области естественнонаучных дисциплин.

– экономика неотделима от мира природы: существуют планетарные границы, которые управляют экономикой и изменяют традиционную экономическую характеристику связи между затратами и ростом выпуска продукции;

– природные ресурсы должны быть включены в качестве вклада в экономический рост и должны одновременно рассматриваться как ограничение процесса, поскольку их нелегко изменить в краткосрочной перспективе;

– производственный процесс создает отходы, которые должны быть ассимилированы обратно в биосферу, и окружающая среда может подвергаться серьезному стрессу из-за этой неэффективности производственного процесса;

– вклад входов в выпуск зависит от уровня и состояния природных ресурсов.

4. Студенты расширяют структуру кругового потока за счет экологических идей, способствующих более глубокому пониманию производства и роста и на основе разработанной ими структуры отвечают на вопросы:

– Насколько может вырасти экономика, если она начнет упираться в планетарные границы?

– Куда уходит загрязнение и как это может повлиять на окружающую среду и производительность других отходов?

– Сколько энергии и какое количество природных ресурсов используется для поддержания экономической системы?

– Каково влияние деградировавшей окружающей среды на экономику и качество жизни [26]?

На основе исследования примеров реализации междисциплинарного подхода в области изучения экономических дисциплин обобщим последовательность работы преподавателя и студентов:

- использование в работе над экономической темой предыдущих знаний и опыта обучающихся;
- выбор дисциплины или дисциплин для применения междисциплинарного подхода в изучении экономики с целью расширенного и углубленного изучения темы, формирования или совершенствования междисциплинарного мышления, объединения концепций, методов или форм коммуникации, решения проблем, создания продуктов, формулировки нового вопроса способами, осуществляемыми с помощью двух или более дисциплин;
- интегрирование мыслей из области экономики и выбранной дисциплины или дисциплин, изучение процессов их взаимодействия влияния друг на друга;
- постановка проблемных вопросов преподавателем, теоретическое и практическое решение проблем студентами;
- внедрение полученных научных выводов в реальную жизнь.

Работа осуществляется с применением цифровых технологий, выдвижением гипотез, моделирования, математических знаков и формул, измерения количественных показателей, анализа, сравнения, графических средств представления материала.

Студенты показывают междисциплинарное понимание определенной темы, если они могут объединить концепции, методы или формы коммуникации из двух или более дисциплин, чтобы объяснить явление, решить проблему, создать продукт или сформулировать новый вопрос способами, которые были бы маловероятны с помощью одного дисциплинарного средства.

Практические аспекты реализации междисциплинарного подхода в экономических дисциплинах

При практической реализации междисциплинарного подхода в изучении экономики могут быть использованы такие методики преподавания как групповые проекты, кейс-метод, исследовательские работы.

Кейс-метод

Применение кейс-метода означает подробное изучение конкретной ситуации, которая связана с решением экономической проблемы или задачи. Студенты изучают теорию и примеры метода кейсов, затем преподаватель предоставляет обучающимся подробное описание реального или гипотетического случая, или случаев в области экономики. Обучающиеся анализируют ситуацию, выявляют проблему и предлагают оптимальное решение, определяют гипотезу, вопросы исследования, способы их анализа, критерии релевантности данных и валидности.

Качество метода кейсов определяется конструктивной, внутренней, внешней валидностью и точностью. Кей-метод может включать в себя как количественные, так и качественные данные по одной ситуации или более полное исследование по нескольким ситуациям. Важную роль играют компоненты, составляющие исследование такие как имеющиеся гипотезы, вопросы исследования, единица или единицы анализа, логика, которая связывает собранные данные с гипотезами и критериями, используемыми для интерпретации полученных в процессе исследования результатов.

Ключевой частью метода кейсов является не только разработка теории исследования, но и процесс реализации исследования. Для окончательного определения гипотезы исследования, ее связи с информацией студенты могут использовать метод сопоставления с образцом – заранее описывают образцы информации для нескольких гипотез, прогнозируют практическую реализацию полученных результатов. затем осуществляют отбор и сопоставление полученных данных [29].

Рассмотрим пример реализации дисциплинарного подхода с использованием метода кейсов: международная экономика, транспорт, экономические связи, социология.

Исследование осуществлено ведущей компанией в области глобального прогнозирования и качественного анализа в экономике – Оксфордской экономикой (Oxford Economics) [8].

Тема исследования: «Анализ и стратегии возможностей кадрового потенциала в дорожной отрасли Австралии и Новой Зеландии»

Осуществление комплексного анализа кадрового потенциала для дорожной отрасли Австралии и Новой Зеландии, выявление основных угроз возможностям использования рабочей силы в дорожном секторе Австралии и Новой Зеландии и разработка стратегий по решению этих проблем.

Описание проблемной ситуации

Ассоциация транспортных агентств Австралии и Новой Зеландии, «Австралийские дороги» (Austroads) сталкивается с растущим дефицитом кадров в отрасли дорожной инфраструктуры. Растущие требования к организациям-членам ассоциации в сочетании с проблемами рынка труда и технологическими достижениями потребовали проведения комплексного анализа возможностей использования рабочей силы. В декабре 2022 года ассоциация «Австралийские дороги» привлекла ведущую компанию «Оксфордская экономика», Австралия (Oxford Economics Australia) [16] для проведения этого анализа, сосредоточившись на будущих требованиях к развитию инфраструктуры, эксплуатации и обслуживанию дорог в Австралии и Новой Зеландии. Целью исследования было выявление основных угроз возможностям рабочей силы в дорожном секторе и разработка стратегий по решению этих проблем.

Метод исследования и решение проблемы

Анализ включал в себя всесторонний обзор литературы, количественный анализ рабочей силы, отраслевые опросы и консультации. Исследование выявило основные угрозы для возможностей использования рабочей силы в дорожном секторе, наметило потенциальные решения этих проблем и показало, что инфраструктурная отрасль сталкивается с проблемами из-за таких факторов, как старение рабочей силы, сужение сегментов рынка труда и введение ограничений для квалифицированных рабочих-мигрантов.

В отчете рекомендованы стратегии, включающие в себя увеличение числа рабочих мест за счет повышения уровня образования работников, привлечения в отрасль женщин, квалифицированных рабочих-мигрантов и повышения производительности труда.

Ожидается, что выводы и рекомендации этого исследования помогут транспортным агентствам работать совместно с образовательными учреждениями и другими заинтересованными сторонами для обеспечения выявления и удовлетворения потребностей в стратегическом планировании рабочей силы. Проект также представил интерактивную панель инструментов, содержащую ключевые результаты количественного анализа наряду с анализом профессиональных навыков рабочих. Эти данные обновлялись дважды в год в 2024 году и будут обновляться дважды в год в 2025 году, чтобы помочь заинтересованным сторонам отслеживать тенденции и развитие навыков в дорожном секторе.

Проблемы использования рабочей силы в инфраструктурной отрасли усугубились глобальной пандемией, факторами со стороны предложения и растущим спросом на рабочую силу в дорожной отрасли. В свете этих усугубляющих факторов целостный проект ассоциации «Австралийские дороги» также осуществил оценку недостатков в формировании рабочих навыков, с которой столкнутся транспортные агентства Австралии и Новой Зеландии в течение следующего десятилетия, и представил способы решения проблемы.

По итогам исследования, проведенного компанией «Оксфордская экономика» Австралия, ассоциация «Австралийские дороги» выпустила доклад «Анализ возможностей дорог Австралии и Новой Зеландии 2022-2023»

Анализ дает оценку навыков и возможностей, необходимых агентствам-членам ассоциации «Австралийские дороги» для продолжения выполнения своих задач по обслуживанию проекта, выявляет потенциальные и возникающие пробелы в возможностях рабочей силы и предоставляет

агентствам и связанным с ними заинтересованным сторонам потенциальные решения для устранения этих пробелов посредством будущих инициатив по развитию, национальному обучению и повышению потенциала.

Так как ожидается, что инвестиции в инфраструктуру строительства и обслуживания дорог продолжатся по всей Австралии и достигнут пика в Новой Зеландии в течение следующих нескольких лет, идеи и решения, содержащиеся в анализе возможностей дорог Австралии и Новой Зеландии дают ясную картину реалий отрасли, а также четкий план того, как устранить эти пробелы в навыках и возможностях рабочей силы.

### **Вывод**

Осуществленный в исследовании анализ выявил основные проблемы, с которыми сталкиваются организации-члены ассоциации «Австралийские дороги». Кроме того, консультации с заинтересованными сторонами обобщили ряд рекомендаций, которые помогут преодолеть проблемы в дорожной отрасли; дополнительная панель анализа сформированности навыков рабочих позволит сектору отслеживать дальнейшее развитие профессиональных навыков квалифицированных рабочих.

#### **Групповые проекты**

Формирование навыков групповой работы является одним из условий качественного обучения студентов экономических специальностей, так как способствует активизации обучения и углубленному изучению экономики, пониманию и реализации теории и практики студентами, улучшению качества обучения, в том числе, большого числа студентов. Групповая работа способствует осуществлению программы получения степени по экономике и стимулирует в процессе изучения экономики формирование ряда переносимых навыков, которые будут иметь ценность при трудоустройстве и навыков для конструктивного использования полученных знаний в различных условиях; побуждает обучающихся применять экономику к ряду проблем в различных контекстах.

Важную роль в групповой работе играет мотивация, особенно при долговременном участии студентов в работе группы. Первоначальная мотивация обеспечивает реалистичное восприятие обучающимися различных результатов их деятельности и стандартов вместе с описанием общих оценок. Внешняя мотивация формируется внешними стимулами. Для стимулирования внешней мотивации преподаватель обеспечивает заметное участие каждого студента в выполнении заданий, оценивает его вклад в работу группы и поощряет высокий уровень активности обучающихся в сотрудничестве с другими студентами при выполнении групповых заданий. Внутренняя мотивация может включать в себя этические ценности, уважение к другим обучающимся при работе в команде, желание успешно социализироваться в обществе, создать свою форму идентичности, произвести впечатление на других людей, демонстрируя свои навыки.

При организации работы с группой для преподавателя возможны отдельные или комбинированные варианты работы: непосредственное участие в работе группы, показ связей и объяснение концепций, предоставление инициативного пространства группе, обеспечение стимулов для развития.

В соответствии с поставленной целью преподаватель и обучающиеся используют разные виды заданий:

- дизъюнктивные задания выполняет один, часто самый знающий человек;
- конъюнктивные задания – в выполнение этих заданий каждый участник группы вносит свой вклад;
- аддитивные задания – участники группы вносят дополнительные данные к результату;
- дискреционные задания – участники группы получают свободу выбора в объединении своих усилий [27].

Приведем примеры таких заданий. Упражнение на подсчет треугольников в диаграмме с одной стороны, дизъюнктивное задание, так как может быть выполнено одним человеком, а с другой –



конъюнктивное, так как для его выполнения может выбран любой человек в команде.

К категории дополнительных заданий относится совместное письмо по теме курса, например, тема «Почему Великобритания не перешла на евровалюту?». В зависимости от числа участников в группе вводится число подкомпонентов. Например, пять участников работают над пятью подкомпонентами: совместимость и устойчивость бизнес-циклов, гибкость решения проблем, влияние на долгосрочные инвестиции, сферу финансовых услуг, рост, стабильность и занятость. Каждый студент в течение десяти минут пишет материал по теме своего подкомпонента, затем его письменный вариант последовательно передается другим обучающимся для внесения изменений, дополнений, комментариев и предложений. После составления сценариев всеми участниками группы один из студентов добровольно или по жребию анализирует и обобщает материал, представляя полученные обобщенные результаты работы всем обучающимся группы.

В качестве дискреционного задания может использоваться «метод мозаики». У каждой группы есть свой фрагмент экономических данных. Для анализа проблемы им необходимо понять информацию, имеющуюся у других групп. Например, группу можно попросить оценить связанные с экономическим курсом развития страны макроэкономические прогнозы. Группа предоставляет отдельные экономические показатели для таких элементов, как инфляция, безработица и денежная масса, но участникам группы потребуется анализ данных других групп прежде, чем они смогут делать уверенные экономические прогнозы или предложения. Упражнение включает в себя анализ собственного набора групповых данных для получения выводов, обсуждение и представление своих выводов с другими группами, анализ или критику выводов других групп [21].

Исследовательские работы студентов в области экономики

Отличительными свойствами экономических работ являются четкость и ясность изложения, часто математическое рассуждение с привлечением формул, доказательств.

В начале написания исследовательской работы студент выбирает и конкретизирует тему исследования, изучает имеющуюся по теме академическую и эмпирическую литературу, формулирует гипотезу и исследовательские вопросы, выбирает методы исследования, составляет план работы, отбирает материалы из реального мира, анализирует полученные данные, пишет первый вариант работы, осуществляет переосмысление, редактирование и публикацию окончательного варианта исследовательской работы.

Изучим исследовательскую работу в области экономики с использованием междисциплинарного подхода выполненную студентом университета по теме «Экономическое влияние президентских выборов в США: сравнительный анализ».

Дисциплины: экономика, социальные науки, бизнес

Экспертиза: экономическая история, международная экономика, математика, управление человеческими ресурсами, государственное управление, цифровое право собственности

Цель исследования: понимание влияния президентских выборов на экономику США в глобальном и локальном масштабе с использованием исторических данных и прогнозирования.

Содержание работы включает в себя введение, исторический анализ влияния президентских выборов на экономику, результаты исследований, заключение, выводы, список литературы.

Результаты сравнительного анализа:

– повышение риска инвестиций в годы президентских выборов: перед выборами 2020 года среднесуточное колебание индекса S&P 500 составляло около 1,2%, а в годы без выборов дневное колебание составляло около 0,8%;

– влияние на фондовый рынок, изменение реакции разных видов акций: по данным bloomberg.org в 2020 году акции технологических компаний перед выборами выросли на 15%; акции технологических компаний упали;

– жилищная политика и недвижимость: при увеличении доступного жилья застройщики проявляют меньшую активность; дополнительное регулирование более благоприятно для



застройщиков недвижимости и инвесторов;

– изменение степени доверия потребителей и инвесторов: по причине предстоящих выборов и ковида индекс потребительских настроений (ССИ) в феврале 2020 года снизился до 132,6, затем в апреле, в начале ковида, упал до 85,7;

– волатильность на рынке недвижимости вследствие возможного изменения нормативной и фискальной политики;

– корректирование инвесторами своих портфелей.

### **Заключение и выводы**

Президентские выборы в США, проводимые каждые четыре года, оказывают глубокое влияние на внутреннюю и международную экономику. Неопределенность, связанная с этими выборами, создает значительную волатильность на различных инвестиционных рынках, поскольку потребители и инвесторы сталкиваются с потенциальными последствиями новой или продолжающейся президентской политики. Исторические тенденции, такие как наблюдавшиеся во время выборов 2020 года, подчеркивают всеобъемлющее влияние этих выборов на экономическое поведение и результаты. В годы выборов рынки, особенно на рынке акций и недвижимости, как правило, испытывают повышенные колебания. Эта волатильность обусловлена неопределенностью, связанной с потенциальной экономической политикой кандидатов в президенты. Инвесторы, опасаясь возможных изменений в налогообложении, торговле и регулировании, часто корректируют свои портфели в ожидании результатов выборов.

Политики президентов влияют на доверие инвесторов и имеют долгосрочные последствия для экономики в целом, влияя на все от поведения потребителей до международных торговых отношений. Анализ, представленный в исследовательской работе, показывает, что доверие потребителей играет решающую роль в годы выборов. Например, данные Индекса доверия потребителей за 2020 год показывают, как внешние факторы, такие как ковид и предстоящие выборы могут значительно снизить оптимизм потребителей, что приведет к сокращению расходов и инвестиций, которые являются важнейшими факторами экономического роста.

В исследовании также подчеркивается важность понимания более широкого экономического контекста, в котором проходят выборы. Исторические прецеденты, такие как финансовые стратегии, использованные во время прошлых выборов, дают ценную информацию о том, как текущие и будущие выборы могут влиять на экономику. Изучая прошлые данные и тенденции, это исследование предлагает подробное понимание того, как президентские выборы формируют экономическую политику и ее результаты [22].

### **Выводы**

– Появление и развитие междисциплинарного подхода обусловлено социальными и экономическими причинами и играет важную роль в формировании конкурентноспособных специалистов в области экономики.

– Онтология появления междисциплинарного подхода связана с концептом интеллектуального поля и дискурсом.

– Междисциплинарное обучение – интегративный процесс, посредством которого обучающиеся приходят к пониманию совокупностей знаний и способов мышления из двух или более дисциплин, или предметных групп и интегрируют их для создания нового понимания.

– Для создания формы междисциплинарности осуществляют перенос методов одной науки в другую науку – появляется новая дисциплина со своим набором методов или применяют методы разных наук к исследованию объекта – для всестороннего изучения объекта с точки зрения интеграции разных дисциплин используется комплексный подход.

– Экономические дисциплины глубоко взаимодействуют с такими дисциплинами как математика, биология, экология, социология, право, история и экономисты обычно изучают

вопросы, которые также изучаются в других дисциплинах, но с другими аналитическими рамками и методологиями, используют методы других дисциплин, принимая во внимание аспекты этих научных областей для разработки более точных моделей, наиболее полной постановке и решению проблемных вопросов с привлечением математических концепций.

– Важную роль играют междисциплинарные связи, которые определяют согласованность учебных программ, определяемых целями и задачами экономических курсов.

– Работа по реализации междисциплинарного подхода в области экономики осуществляется с применением цифровых технологий, выдвижением гипотез, моделирования, математических знаков и формул, измерения количественных показателей, анализа, сравнения, графических средств представления материала.

– При изучении экономики с применением междисциплинарного подхода используются такие методы преподавания как кейс-метод, групповые и исследовательские проекты.

– Студенты показывают междисциплинарное овладение определенной экономической темой, если они могут объединить концепции, методы или формы коммуникации из двух или более дисциплин, чтобы объяснить явление, решить проблему, создать продукт или сформулировать новый вопрос способами, которые были бы маловероятны с помощью одного дисциплинарного средства.

### **Заключение**

Развитие современного общества предполагает не только углубленную дифференциацию дисциплин, но и их интеграцию, так как часто исследование концепта, явления, объекта должно быть комплексным, а не односторонним. Качественное междисциплинарное обучение на основе двух или более дисциплин, обладая рядом преимуществ, способствует интегрированию студентами концепций, теорий, методов и средств обучения, углубляет понимание сложных тем, развивает способности обучающихся, готовит их к решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплинарной перспективы.

При ведущей роли экономических дисциплин в функционировании и развитии общества, производства, науки и технологий, необходимым условием является их взаимодействие с другими дисциплинами такими как математика, биология, экология, психология, социология, право, история с целью формирования специалистов, способных к интегрированию концепций, теорий, методов и средств обучения, углубленному пониманию сложных тем, способных к формулировке и решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплины.

Важную роль в развитии междисциплинарного подхода играют концепции интеллектуального поля и дискурса. При изучении экономических дисциплин междисциплинарный дискурс обязательно включает в себя языковой дискурс экономики и математики.

Качественное междисциплинарное образование способствует интегрированию студентами концепций, теорий, методов и средств обучения, готовит их к решению проблем, созданию продуктов способами, которые выходят за рамки отдельной дисциплинарной перспективы.

Междисциплинарный подход отличается глубиной интеграции с другими дисциплинами. В профессиональном образовании при изучении фундаментальных экономических дисциплин междисциплинарный подход основан на взаимосвязи этих дисциплин и способствует решению научных проблем. При изучении таксономических дисциплин междисциплинарный подход стимулирует расширение области знаний, которые не могут быть изучены существующими дисциплинами и способствует появлению новых дисциплин.

Теоретические основы междисциплинарного подхода включают в себя мысли о синтезе точных, естественных и общественных наук и об использовании методов точных и естественных наук в политике, этике, психологии, истории Дж. С. Милля, теорию системных моделей как междисциплинарных Л. фон Берталанфи, появление науки кибернетики и ее влияние на инженерию, информатику, биологию, философию, и затем на антропологию, социологию и образование Н.

Винера, синергетику Г. Хакена, тектологию А.А. Богданова, интеграционный подход к исследованию планеты Земля, переход биосферы в ноосферу И.В. Вернадского, экономико-математическую модель, концепцию синтеза экономики, математики, информатики и экономико-математический словарь Л.И. Лопатникова, теорию междисциплинарного исследования и дисциплинарной организации науки с точки зрения системного подхода Э.М. Мирского.

Создание формы междисциплинарности осуществляется разными способами: переносом методов из одной науки в другую, например, в математическую экономику переносят методы и дискурс из экономики и математики, или осуществляют комплексный подход – применяют методы разных наук к изучаемому экономическому объекту.

Работа по внедрению междисциплинарного подхода в вузе осуществляется поэтапно: изучение общих тем экономических дисциплин, определяющих возможность анализа проблем и методов исследования науки и учебных дисциплин, затем внедрение междисциплинарного подхода реализуется не только на лекционных, но и на семинарах и практических занятиях для решения практических задач с использованием современных образовательных технологий, для углубленного изучения дисциплин используются курсы по выбору или факультативы. Для реализации междисциплинарного подхода преподаватели разных дисциплин могут создавать совместные образовательные программы и проекты, симулирующие учебную и научную деятельность студентов.

На основе исследования примеров реализации междисциплинарного подхода в области изучения экономических дисциплин обобщим последовательность работы преподавателя и студентов с применением цифровых технологий, выдвижением гипотез, моделирования, математических знаков и формул, измерения количественных показателей, анализа, сравнения, графических средств представления материала:

- использование в работе над новой экономической темой предыдущих знаний и опыта обучающихся;

- выбор дисциплины или дисциплин для применения междисциплинарного подхода в изучении экономики с целью расширенного и углубленного изучения темы, формирования или совершенствования междисциплинарного мышления, объединения концепций, методов или форм коммуникации, решения проблем, создания продуктов, формулировки нового вопроса способами, осуществляемыми с помощью двух или более дисциплин;

- интегрирование мыслей из области экономики и выбранной дисциплины или дисциплин, изучение процессов их взаимодействия влияния друг на друга;

- постановка проблемных вопросов преподавателем, теоретическое и практическое решение проблем студентами;

- внедрение полученных научных выводов в реальную жизнь.

Практическая реализация междисциплинарного подхода включает в себя метод кейсов, групповые и исследовательские проекты.

Перспективы дальнейшего развития:

- интеграция экономических дисциплин с новыми дисциплинами на всех этапах обучения в вузе;

- расширение междисциплинарных программ;

- внедрение новых средств обучения.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книгин, Н.А. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология - 2008. - № 3 (4). - С. 14-20.
2. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский // - Москва : Наука, 1980. - 304 с.
3. Мирский Э.М., Петров М.К. Междисциплинарные исследования в структуре научно-технического прогресса // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Сб. научных трудов. Вып. V. - Л., 1973. - С. 141-145.
4. Субботин, А.Л. Джон Стюарт Милль об индукции [Текст] / А.Л. Субботин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. - М.: ИФ РАН, 2012. - 76 с. ; 17 см. - Библиогр.: с. 75. - 500 экз. - ISBN 978-5-9540-0211-9.
5. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. М.: Наука, 1989. 261 с. - URL: <https://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/vernadsky.pdf> (дата обращения 27.04.2025).
6. Богданов, А. А. Всеобщая организационная наука (тектология) : [В 3-х ч.] / А. Богданов. Ч. 1 / 20 см. — Л.; М. : Книга, 1925-1929, 1925. - 300 с. - URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_000715556/](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000715556/) (дата обращения 27.04.2025).
7. Бурдьё, Пьер. 2004 [2003]. Наука науки и рефлексивность. Кембридж, Великобритания: Polity. - С. 129. - URL: <https://books.google.ru/books?id=ZvsN0SyhiDAC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 19.04.2025)
8. Большая Российская энциклопедия - URL: <https://bigenc.ru/c/oxford-economics-84856b> (дата обращения 30.04.2025).
9. Винер Н. Перспективы нейрокибернетики. / Н. Винер. - Философские вопросы биологии и биокибернетики: Сб. пер. Вып. 3. - М., 1970. С. 104-122. - URL: [https://grachev62.narod.ru/wiener/perspectives\\_in\\_neurocybernetics.html](https://grachev62.narod.ru/wiener/perspectives_in_neurocybernetics.html) (дата обращения 27.04.2025).
10. Давыдов Ю., Лопатников Л. (1965), Экономисты и математики за круглым столом. М.: «Экономика». - 1965, 207 с. - URL: <https://www.livelib.ru/book/1000945655-ekonomisty-i-matematiki-za-kruglym-stolom-leonid-lopaticnikov> (дата обращения 27.04.2025).
11. Зарубина, Н. Н. Экономическая социология : учебник и практикум для вузов / Н. Н. Зарубина. — 3-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 378 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00974-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/560333> (дата обращения: 05.05.2025).
12. Конюхов Н.И., Архипова О.Н., Конюхова Е.Н. Психоэкономика.- Изд-во: ДеЛи плюс, 2014. - С. 39 - URL: <https://www.ozon.ru/product/psihoeconomika-arhipova-o-n-konyuhov-nikolaj-ignatevich-elektronnaya-kniga-912886334/> (дата обращения 02.05.2025).
13. Крепс Т.В. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. №1. С. 115-120. - URL: <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2019-1-115-120> (дата обращения 01.05.2025).
14. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь. М.: Наука, 1987. - 512 с. - URL: <https://www.livelib.ru/book/1000293290-ekonomikomatematicheskij-slovar-l-i-lopaticnikov> (дата обращения 29.04.2025).
15. Образовательные программы бакалавриата. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет экономических наук. Образовательная программа «Экономический анализ». Программа дисциплины «Введение в экономику» 2024 и 2025 учебного года. - URL: <https://www.hse.ru/ba/ea/courses/927216542.html> (дата обращения 20.04.2025).
16. «Оксфордская экономика», Австралия (Oxford Economics Australia) - URL: <https://www.oxfordeconomics.com.au/> (дата обращения 01.05.2025).
17. Рабочая программа дисциплины «Управленческая экономика». Магистратура, 38.04.02 направление «Менеджмент». МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа управления и инноваций,



2019. – 26 с. [https://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/program\\_common\\_files/1.6\\_upravlencheskaya\\_ekonomika\\_1.pdf](https://hsmi.msu.ru/sites/hsmi.msu.ru/files/program_common_files/1.6_upravlencheskaya_ekonomika_1.pdf) дата обращения 20.04.2025

18. Снопкова, Е. И. Актуальность междисциплинарного подхода в педагогических исследованиях: научное обоснование / Е. И. Снопкова // *Интеграция образования*. – 2015. – Т. 19, № 1. – С. 111–117. DOI: 10.15507/Inted.078.019.201501.111. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-mezhdistsiplinarnogo-podhoda-v-pedagogicheskikh-issledovaniyah-nauchnoe-obosnovanie> (дата обращения 30.04.2025).

19. Экологическая экономика : учебник / А. В. Шаркова, Х. А. Аль, Л. Г. Ахметшина [и др.]. – Москва : Дашков и К, 2023. – 254 с. – ISBN 978-5-394-05832-5. – Текст : электронный // Изд-во Лань [сайт]. – URL: <https://e.lanbook.com/book/392429?category=19840> (дата обращения 04.05.2025).

20. Экономика природопользования и экологический менеджмент : учебник для вузов / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Г. Б. Малышков, А. В. Хорошавин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 411 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19874-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/557270> (дата обращения: 05.05.2025).

21. Bartlett, R. (1998) 'Making cooperative learning work in economics classes', in W. Becker and M. Watts (eds), *Teaching Economics to Undergraduates: Alternatives to Chalk and Talk*, Edward Elgar, Cheltenham, pp. 18-29. – URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=946550> (дата обращения 03.05.2025).

22. Economic Impact of United States Presidential Election Years: A Comparative Analysis. – URL: [https://dpl6hyzg28thp.cloudfront.net/media/Shaan\\_Research\\_Paper\\_\\_s4YPYfj.pdf](https://dpl6hyzg28thp.cloudfront.net/media/Shaan_Research_Paper__s4YPYfj.pdf) (дата обращения 04.05.2025).

23. Gbadamosi Tolulope Victoria. Economics Pre-service Teacher's Knowledge and Practices of Reflective Teaching as Predictors of Teaching Skills in Ibadan. Research Gate. pp. 9. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/365770287\\_Economics\\_Pre-Service\\_Teachers'\\_Knowledge\\_and\\_Practices\\_of\\_Reflective\\_Teaching\\_as\\_Predictors\\_of\\_Teaching\\_Skills\\_in\\_Ibadan](https://www.researchgate.net/publication/365770287_Economics_Pre-Service_Teachers'_Knowledge_and_Practices_of_Reflective_Teaching_as_Predictors_of_Teaching_Skills_in_Ibadan) (дата обращения 21.04.2025)

24. Hermann Haken. Synergetics. Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, 1978, pp. 405. – URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2018/07/Khaken-Sinergetika.pdf> (дата обращения 27.04.2025).

25. Ludwig von Bertalanffy. General System Theory. George Braziller, Inc., New York, 1968. – URL: [http://www.titoktan.hu/\\_raktar/images/Bertalanffy-GeneralSystemTheory.pdf](http://www.titoktan.hu/_raktar/images/Bertalanffy-GeneralSystemTheory.pdf) (дата обращения 26.04.2025).

26. Pedagogy in Action. The SERC Portal for educators. URL: <https://serc.carleton.edu/sp/library/interdisciplinary/what.html> (дата обращения 24.04.2025)

27. Rob Watkins. Handbook. – URL: <https://economicsnetwork.ac.uk/handbook/groupwork> (дата обращения 02.05.2025).

28. Samuel Enajero. Interdisciplinary Approach to Teaching Managerial Economics. University of Michigan-Dearborn, pp. 42. URL: [https://www.researchgate.net/publication/228258000\\_Interdisciplinary\\_Approach\\_to\\_Teaching\\_Managerial\\_Economics](https://www.researchgate.net/publication/228258000_Interdisciplinary_Approach_to_Teaching_Managerial_Economics) (дата обращения 21.04.2025).

29. Teiu, Codrin-Marius and Juravle, Daniel. A practical approach on making use of case study research in economics. MPRA Paper No. 37204, 2012, pp.13. – URL: [https://mpra.ub.uni-muenchen.de/37204/1/A\\_PRACTICAL\\_APPROACH\\_ON\\_MAKING\\_USE\\_OF\\_CASE\\_STUDY\\_RESEARCH\\_IN\\_ECONOMICS.pdf](https://mpra.ub.uni-muenchen.de/37204/1/A_PRACTICAL_APPROACH_ON_MAKING_USE_OF_CASE_STUDY_RESEARCH_IN_ECONOMICS.pdf) (дата обращения 29.04.2025).

30. Verónica Boix-Mansilla. MYP guide to interdisciplinary teaching and learning. Harvard Graduate School of Education, 2010, pp. 132. – URL: <https://balimyp.wordpress.com/wp-content/uploads/2010/05/myp-guide-to-interdisciplinary-teaching.pdf> (дата обращения 29.04.2025).



# Using an interdisciplinary approach in the study of economic disciplines

**Marina Aleksandrovna Kovalchuk**

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: kovalchukma@ystu.ru

**Galina Gennadyevna Gubina**

Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer

Yaroslavl College of Management and Professional Technologies, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: gubinag@list.ru

---

## KEYWORDS

integration of disciplines,  
intellectual field,  
research work, discourse,  
interdisciplinary approach,  
case method, problem  
solving

## ABSTRACT

The review article is devoted to proving the effectiveness of the interdisciplinary approach in studying economic disciplines at a university. The relevance of the study is due to the need for deep and expanded integration of disciplines from different fields of science. High-quality interdisciplinary education promotes the integration of concepts, theories, methods and means of teaching by students, deepens understanding of complex topics, develops the abilities of students, prepares them to solve problems, create products in ways that go beyond a separate disciplinary perspective. Our appeal to the interdisciplinary approach in the field of studying economics is due to the leading role of economic disciplines in the functioning and development of society, production, science and technology, the need for interaction of economic disciplines with such disciplines as mathematics, biology, ecology, psychology, sociology, law, history, the formation of specialists capable of integrating concepts, theories, methods and means of teaching, an in-depth understanding of complex topics, capable of formulating and solving problems, creating products in ways that go beyond a separate discipline. The purpose of the article is to study the effectiveness of using an interdisciplinary approach in studying economic disciplines. The objectives of the article: to study the essence and prove the advantage of using an interdisciplinary approach, to analyze existing methods and examples of implementing an interdisciplinary approach in studying economic disciplines. The methodological study includes the study of scientific literature and empirical data, comparison, analysis, use of interactive forms of work: case method, group and research projects when integrating economics with other disciplines. The authors reveal the essence and advantages of using an interdisciplinary approach in studying economic disciplines, work methods, practical use of an interdisciplinary approach. The results of the study can be applied in professional education when studying economic disciplines. Prospects for further research include the integration of economic disciplines with new disciplines at all stages of training at the university, the expansion of interdisciplinary programs, the introduction of new teaching aids.

---

# Эволюция моделей сетевого производства европейского автомобилестроения в конце XX – начале XXI вв

Васильченко Александр Дмитриевич 

Младший научный сотрудник

Институт Европы РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: vasilchenko@instituteofeurope.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

производственные сети,  
автомобилестроение,  
Европа, сетевая модель,  
электромобили,  
«ядро-периферия»,  
промежуточная продукция

## АННОТАЦИЯ.

В работе представлены результаты исследования моделей европейских производственных сетей в секторе автомобилестроения в период конца XX – начала XXI вв. Под моделью в работе понимается устойчивая конфигурация взаимоотношений фирм-лидеров и поставщиков производственных сетей, характеризующаяся специфической технологией производства автомобилей, уникальной организационно-сетевой структурой, а также устоявшейся пространственной конфигурацией производственных мощностей, центров управления и компетенций. Методология исследования базировалась на качественно-количественном анализе расположения предприятий, потоков готовой и промежуточной продукции, прямых иностранных инвестиций, а также инновационной активности фирм. В результате исследования были выявлены три уникальные модели сетевой архитектуры: традиционная («ядро-периферия»), консолидирующая («кластерно-сетевая») и трансформационная («эко-сетевая»). Первая модель относится к концу XX в.; для нее характерны зависимый характер взаимосвязей между предприятиями технологически продвинутой Западной и сравнительно отстававшей Восточной Европой. Вторая модель имела место в начале XXI в. и отличалась процессами объединения простых узлов и готовые модули и крупные платформы, ко-локации поставщиков и сборочных заводов, а также формированием мегапоставщиков как особого класса сетевых агентов. Наконец, третья модель разворачивается на современном этапе и характеризуется реконфигурацией технологии производства готовых автомобилей, расположением поставщиков и организационной структуры сети в условиях перехода к выпуску электромобилей и активного внедрения цифровых технологий. В частности, наблюдается сокращение числа компонентов в конечном изделии, соответствующее уменьшению протяженности производственной цепочки и формирование отдельных «пульсирующих» точек роста на карте автомобилестроения Европы. Результаты проведенного исследования представляют значимость для определения актуальных стратегий развития сектора автомобилестроения на пространстве евразийской интеграции.

JEL codes: F15; F17; L62

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-90-108>

Для цитирования: Васильченко, А.Д. Эволюция моделей сетевого производства европейского автомобилестроения в конце XX – начале XXI вв. / А.Д. Васильченко - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.90-108. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Европейское автомобилестроение на протяжении многих десятилетий является одним из ведущих глобальных центров индустрии. Крупные компании региона (такие как Volkswagen AG, Renault A.S., Stellantis) занимают лидирующие позиции в рейтинге транснациональных компаний ЮНКТАД. На долю Европы в 2023 г. приходилось порядка 16% мирового производства и 50% мирового экспорта готовых автомобилей [38]. В самой же Европе индустрия автомобилестроения обеспечивает 11% ВВП и 9% совокупной занятости стран региона. Странами-лидерами производства

автомобилей на европейском пространстве по состоянию на 2023 г. являлись Германия (4,1 млн штук), Испания (2,5 млн штук), а также Франция (1,5 млн штук). При этом аналогичный объем выпуска готовых изделий сектора в совокупности создают страны Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) [10]. Наконец, автомобилестроение для указанных стран является одним из приоритетных промышленных секторов с точки зрения финансирования исследований и разработок. К примеру, в Германии доля автомобилестроения в общих расходах на НИОКР промышленности в 2023 г. составила 42%; для стран ЦВЕ показатель колебался в интервале 20-30%, а в Румынии и вовсе достиг рекордных 77% [35].

На современном этапе европейские автомобилестроительные сети сталкиваются с усилением конкурентного давления со стороны новых игроков глобальной индустрии, прежде всего Китая. Наблюдается активная экспансия китайских автоконцернов в сегмент электромобилей Европы в форме экспорта готовой и промежуточной продукции, а также прямых иностранных инвестиций в строительство новых сборочных заводов, а также развитие существующих мощностей производства электродвигателей и аккумуляторов [3]. Помимо этого, наблюдается растущее отставание европейских автогигантов в развитии технологии «подключенных» автомобилей, а также промышленных роботов [37]. Между тем, стоит отметить, что Европа переживает далеко не первый кризис, затрагивающий реальный сектор экономики. Только за последние двадцать лет регион преодолел последствия Мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., Европейского долгового кризиса 2010-2015 гг., Кризиса Еврозоны и Brexit 2016-2020 гг., Кризиса пандемии COVID-19 2020-2022 гг., а также Энергетического кризиса и инфляционного шока 2022-2025 гг. Невзирая на все потрясения, европейскому автомобилестроению по-прежнему удастся сохранять широкое присутствие на мировом рынке. Следовательно, во внутренней природе сетевого автомобилестроения Европы имеются внутренние механизмы настройки и саморегуляции, проявляющиеся в поэтапной адаптации производственных сетей к меняющимся условиям внешней среды.

В настоящем исследовании раскрыта эволюция моделей производственных сетей автомобилестроения Европы в конце XX — начале XXI веков и вплоть до настоящего времени. Целью исследования являлась выявление специфики различных моделей сетей и последовательность их смены в рамках технологического, организационного и географического измерений; проверена гипотеза о том, что на различных этапах зрелости сетей автомобилестроения Европы преобладала та или иная уникальная сетевая архитектура. Выдвинуто предположение, что изменение сетевой архитектуры и переход от предыдущей модели к последующей был обусловлен накоплением «критической массы» объективных сдвигов: в организации производственного процесса, в конкурентном положении отдельных стран в европейском автомобилестроении, а также в структуре и направленности внутренних и внешних сетевых связей.

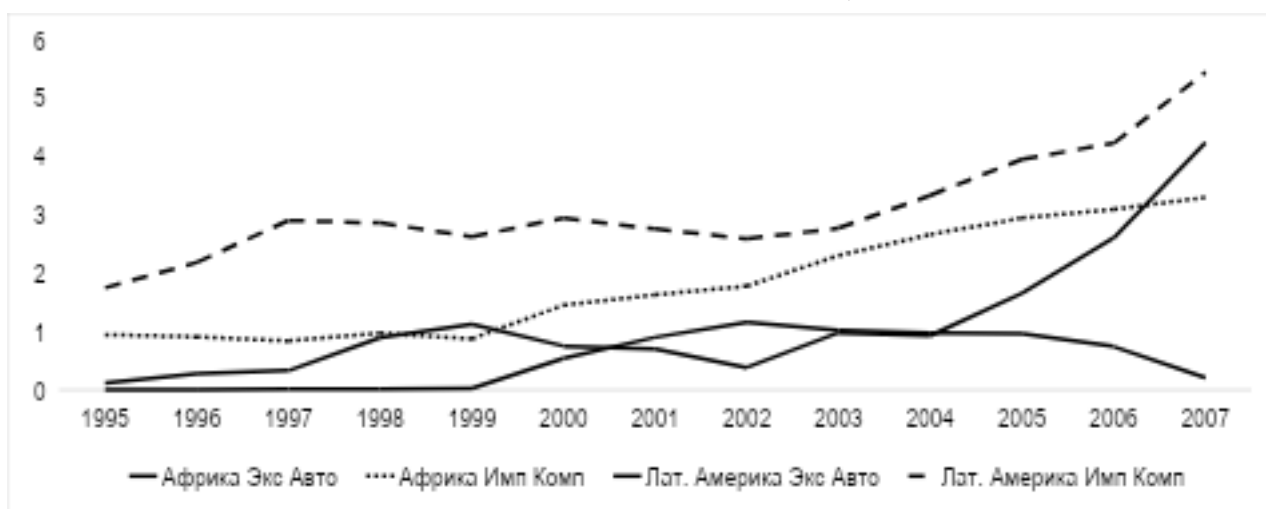
### **«Традиционная» модель «ядро-периферия» производственных сетей автомобилестроения Европы конца XX в.**

Сетевое производство автомобилей в Европе в конце XX в. отличалось широким разнообразием модификаций узлов и компонентов готовых изделий. Различные модели авто производились на специфичных платформах. Крупные автоконцерны в этот период исповедовали технологию производства, основанную на массовом выпуске, вследствие чего к началу XXI в. в европейском сетевом автомобилестроении остро встала проблема избыточных мощностей. Это повышало общий уровень конкуренции в индустрии Европы, которая также стимулировалась ростом производства и продаж автомобилей за пределами Европы, Северной Америки и Японии: в период 1990-1997 гг. производство в третьих по отношению к «большой тройке» странах опережало последние в 3 раза, продажи – в 17 раз [39].

К последним декадам XX в. в европейском автомобилестроении завершился переход к «тойотистской» модели, основанной на вертикально-интегрированной производственной цепочке. Предшествующая «фордистская» цепочка была сравнительно длинной, поскольку в рамках единой

коммерческой структуры автоконцерны контролировали все ее стадии, начиная с поставок сырья и заканчивая дистрибуцией. Новая же модель строилась на принципе децентрализации и контроле фирм-лидеров только «ключевых компетенций» [19]. Так, европейские автоконцерны стали делегировать поставщикам первого уровня контроль качества и дизайн, а также, отказавшись от собственных разработок, стали получать критические элементы электроники от сторонних фирм. В результате производственная цепочка стала короче, произошел массовый переход к политике аутсорсинга [1]. Начался последовательный отказ от производственной модели промышленного кондоминиума в пользу модулярного консорциума [33].

Насыщение европейского рынка автомобилей, а также стремление национальных правительств стран третьих регионов локализовать производство импортируемых европейских авто ускорили строительство сборочных заводов автоконцернов Европы в Азии, Латинской Америке и Африке [36]. Первоначально европейские поставщики отправляли за рубеж узлы и компоненты, а сами автоконцерны обратно импортировали готовые автомобили (рисунок 1).



**Рисунок 1** – Торговля комплектующими и готовыми автомобилями между Европой и регионами мира (млрд долл. США)

Источник: составлено автором по данным UN Comtrade. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 28.11.2024).

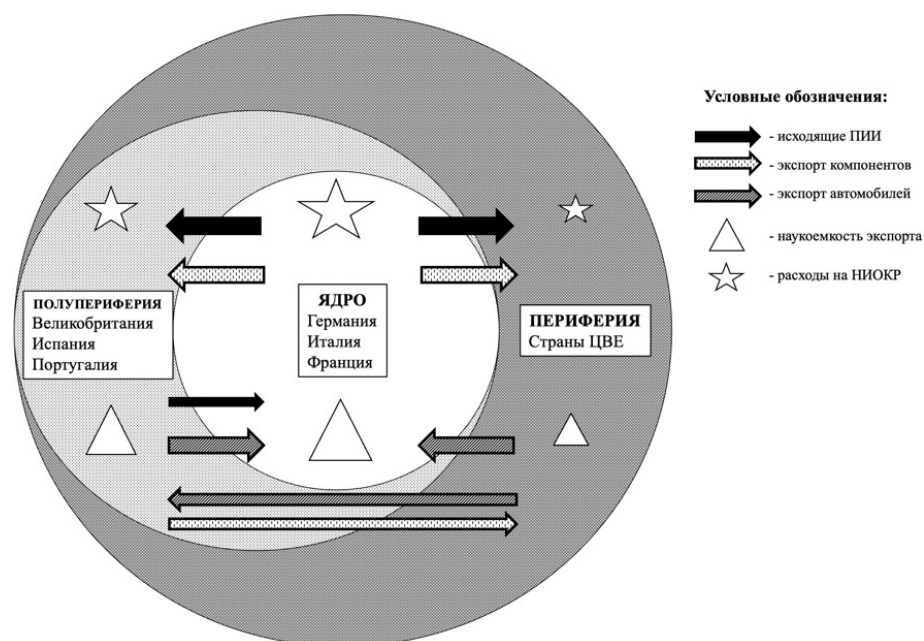
В самой же Европе в результате интеграции стран ЦВЕ в единый европейский рынок в географии производственных сетей автомобилестроения стала отличима модель «ядро-периферия» (рисунок 2). В рамках модели производственные сети автомобилестроения Европы включали в себя страны ядра – Германия, Италия и Франция, полупериферии – Великобритания, Испания и Португалия, а также периферии – страны ЦВЕ. В странах «ядра» локализованы наиболее наукоемкие и высокодоходные операции автомобилестроения; эти страны являются нетто-донорами ПИИ в соседние страны Европы, которым они также поставляют промежуточные продукты и из которых впоследствии импортируют готовые автомобили. В странах периферии, напротив, размещены менее наукоемкие и низкодоходные операции; данные страны выступают в роли нетто-реципиентов ПИИ стран «ядра», импортируя оттуда узлы и компоненты и поставляя обратно готовую продукцию. Страны «полупериферии» занимают промежуточное положение в этой системе.

Первичная интеграция стран ЦВЕ в автомобилестроительные сети Европы сформировала систему «зависимых» взаимосвязей между ядром и периферией. Так, в Словакии местные сборочные заводы, контролируемые крупными автоконцернами, оказались в низкой степени интегрированы в национальную экономику; между иностранными филиалами и отечественными фирмами страны не сложились прочные связи. В подобной ситуации переток знаний и технологий в Словакию был крайне ограничен, что мешало стране повышать сложность экспортируемой продукции автомобилестроения.

Традиционная модель сетевого строительства автомобилестроения Европы базировалась на



существенных контрастах отдельных географий производственных сетей. Технология производства, в целом, соответствовала способам производства с середины XX в. Контроль основных компетенций фирмами-лидерами и аутсорсинг прочих функций находились на начальной стадии развития.



Прим. Толщина линий / размер фигур соответствуют относительной величине показателей.

**Рисунок 2** – Модель «ядро-периферия» европейских производственных сетей автомобилестроения на рубеже XX-XXI вв.

Источник: составлено автором с использованием [28].

### Консолидирующая «кластерно-сетевая» модель производственных сетей автомобилестроения Европы начала XXI в.

На рубеже двух столетий европейские производственные сети автомобилестроения претерпели качественную, «консолидирующую» трансформацию. Наблюдалось объединение промежуточных продуктов в крупные готовые блоки, частных поставщиков – в единые структуры, а также сравнительно отдельно стоящих заводов – в производственные и проектные агломерации.

Технологическая консолидация, прежде всего, предполагала переход от отдельных узлов и компонентов на модули, а затем и на универсальные модульные платформы. К модулям относят крупные единые блоки автомобиля, такие как приборная панель, трансмиссия и т.п. За период 1993-2000 гг. доля промежуточных поставок европейским автоконцернам, приходящаяся на модули, возросла с 22 до 43% [19]. Именно переход к модульной системе производства послужил драйвером формирования «древовидной» структуры производственной сети автомобилестроения Европы, в которой поставщики первого уровня, производящие сами модули, получают их детали от поставщиков второго уровня, те – от третьего уровня и т.д. Поставщики более высокого уровня управляют поставщиками уровня ниже, что также способствует децентрализации цепочки стоимости.

Если прежде сборочные заводы европейских автоконцернов искали поставщиков десятков отдельных компонентов для их собственной сборки в модули (например, сидения), то с начала XXI в. они подбирают тех поставщиков, которые способны самостоятельно проектировать и производить готовые модули. Крупные европейские автоконцерны часто меняют состав поставщиков, стимулируя последних к повышению качества продукции [5]. Следовательно, фирмы-лидеры еще активнее, чем ранее, стали прибегать к политике аутсорсинга [39].

Устойчивой конфигурацией соединения модулей автомобиля друг с другом стали платформы, характерные для ряда изделий, выпускаемых концерном. Так, получив контроль над чешской Skoda



в 1990-х гг., Volkswagen наладил выпуск собственных моделей авто на единых платформах. На этом фоне в Чехию пришли традиционные поставщики Volkswagen, при этом ряд местных партнеров Skoda оказались не востребованы в части предлагаемой продукции.

Продолжением процесса технологической консолидации стал переход от большого числа частных платформ к малому числу единых платформ (таблица Г). Причиной стала потребность в сокращении издержек европейских автоконцернов в условиях усиления конкуренции. В результате в производственных сетях произошло усиление эффектов экономии от масштаба и экономии от охвата [22]: фирмы-лидеры стали специализироваться на ограниченном наборе платформ, повышая продуктивную дифференциацию в части дизайна кузова автомобилей [1].

**Таблица 1** – Показатели использования платформ и кузовов европейском автомобилестроении

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Δ, %
Число платформ автоконцернов Европы	60	60	57	56	53	49	43	43	46	-23,3
Число уникальных видов кузова	88	137	139	148	157	159	167	175	179	103,4
Среднее число уникальных видов кузова на одну платформу	1,5	2,3	2,4	2,6	3,0	3,2	3,8	4,0	3,9	160,0
Средний объем производства на одну платформу (тыс.)	190	166	178	191	218	244	285	283	269	41,6
Средний объем производства на один уникальный вид кузова (тыс.)	129	73	73	72	74	75	73	70	69	-46,5

Источник: составлено автором на основе [31].

Благодаря внедрению европейскими автоконцернами универсальных платформ повысилась гибкость производственной сети, т.к. производство авто стало свободно переноситься с одного завода на другой [23].

Вставка. С технической точки зрения, универсальные модульные платформы построены по единой масштабируемой модели, что позволяет вносить изменения в структурные конфигурации автомобилей (например, колесная база и ширина колеи). Благодаря данной технологии автоконцерны получили возможность производить не только модели в рамках одного сегмента, как в случае с классическими платформами, но и модели разных сегментов (разных габаритов).

Показательными примерами универсальных платформ в европейских сетях автомобилестроения являются Volkswagen MQB и PSA EMP2. Первая платформа была запущена в 2012 г., придя на смену платформам PQ25, PQ35 и PQ46. Сегодня платформа MQB применяется в производстве автомобилей марок Volkswagen, Audi, Seat и Skoda; в нем участвуют 14 заводов, годовой объем производства превышает 4 млн изделий. Платформа PSA EMP2 была внедрена в производство в 2013 г. вместо предшествующих PF2 и PF3. В работе на новой платформе задействованы 6 заводов PSA, выпуская половину всех автомобилей группы – порядка 2 млн изделий в год.

Вставка – кейс завода Volkswagen в Наварре (Испания) [30]. Внедрение единой платформы

концерна MQB в 2012 г. привело к росту конкуренции как между цепочками поставок заводов Volkswagen, так и в пределах этих цепочек. Несмотря на то, что система отношений завода в Наварре с ключевыми поставщиками существенно не изменилась, последние получили большую технологическую и организационную свободу маневра. К примеру, оригинальный поставщик компонентов рулевого управления Volkswagen компания TRW получила шанс сэкономить на рабочей силе, переведя данное производство в Польшу; при этом, на предыдущих мощностях, расположенных в парке поставщиков сборочного завода, TRW начала выпуск компонентов для других автоконцернов. В то же время, для обслуживающих партнеров завода в Наварре, как логистические компании и фирмы предварительной сборки модулей, пространство маневра сократилось; число их конкурентов резко возросло, что привело к снижению рыночной силы прежних компаний. За период 2012-2019 гг. число ключевых поставщиков компонентов завода Volkswagen в Наварре сократилось на 30%, тогда как число обслуживающих фирм возросло с 3 до 6. Переход на единые платформы сделал возможным производство различных моделей бренда на заводе в Наварре, благодаря чему повысилась сложность локальной цепочки создания стоимости, возросла интенсивность горизонтальных связей между фирмами, а строго иерархическая структура производственных отношений приобрела черты сетевой модели.

В условиях возросших требований к поставляемой продукции в европейских автомобилестроительных сетях наблюдается возникновение мегапоставщиков [12] как нового класса агентов производственных сетей, образовавшихся как в результате расширения спектра и масштаба деятельности традиционных поставщиков, так и за счет горизонтальных слияний и поглощений. Выпуская крупные модули готовых автомобилей, европейские мегапоставщики выступают в качестве фирм-лидеров для поставщиков более низких уровней и координируют потоки промежуточных продуктов (т.н. «конвейеры закупок»). Мегапоставщики могут обслуживать несколько сетей автомобилестроения, модерлируемых различными европейскими концернами. В результате мегапоставщики укрепляют свое сетевое положение и стремятся улучшить позиции в стоимостной цепочке, что вступает в конфликт с интересами основных фирм-лидеров, которые пытаются сохранить за собой наиболее прибыльные функции [14].

В отдельных случаях крупные поставщики размещают свое производство непосредственно в помещениях сборочного завода. Первыми заводами европейских автоконцернов такого типа были завод Mercedes Smart во Франции и Volkswagen в Бразилии. На последнем поставщики компонентов даже участвовали в сборке автомобиля на конвейере, тогда как сам Volkswagen принимал автомобиль уже на последних стадиях производства [8].

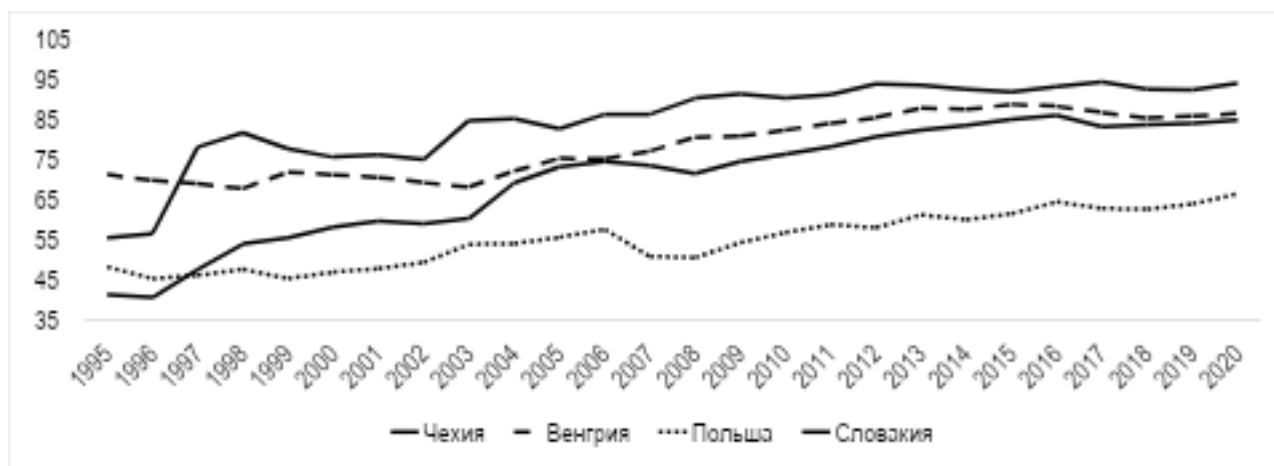
Организационная трансформация автомобилестроительных сетей Европы начала XXI в. нашла выражение не только в консолидации поставщиков, но и в консолидации самих автоконцернов. Ряд СИП между компаниями Porsche и Volkswagen, Fiat, Chrysler и PSA привел к концентрации рыночной власти в производственных сетях европейского автомобилестроения в руках небольшого числа крупных фирм.

Реконфигурация географического измерения европейских автомобилестроительных сетей в рамках консолидирующей модели происходила в двух направлениях – ребалансировка сетевых отношений в модели «ядро-периферия» и усиление процессов ко-локации сборочных заводов, поставщиков и центров экспертизы и НИОКР.

С начала XXI в. в экспорте стран ядра автомобилестроения Европы усилился компонент Азии и Северной Америки, что свидетельствует о снижении опоры данных стран на европейскую производственную и техническую базу. При этом, Азия и Латинская Америка в 2000-е гг. перестала быть сборочной базой европейских концернов для последующего экспорта в Европу; это проявляется в снижении доли реэкспорта ранее импортированных промежуточных продуктов указанных регионов.

Стоит отметить, что в странах периферии Европы, кроме Польши, доля реэкспорта ранее

импортированных узлов и компонентов превысила уровень 80%, указывая на усиление зависимых связей (рисунок 3). Вследствие масштабных входящих ПИИ в сектор автомобилестроения экономика Вишеградских стран приобрела ярко выраженный крен в сторону автомобильной промышленности [2]. В целом, в начале XXI в. имело место закрепление модели «ядро-периферия» в автомобилестроении Европы [269]; усилился «пространственно-временной сдвиг» [6], т.е. смещение низкодоходных операций в новые географии при одновременном переходе прежних локаций в более доходные сегменты цепочки стоимости [13].



**Рисунок 3** – Доля реэкспорта ранее импортированных промежуточных продуктов автомобилестроения по странам «периферии» Европы, %

Источник: составлено по данным OECD Data Explorer. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html> (дата обращения: 27.02.2025).

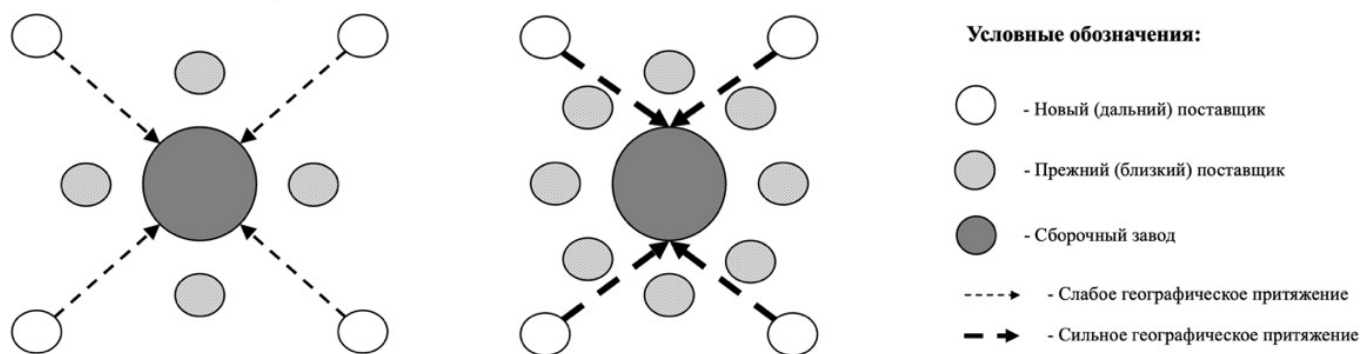
Между тем, за последние десятилетия Польша демонстрирует повышение сетевых позиций в результате промышленной модернизации [9]. Сегодня это единственная страна в ЦВЕ, где национальные фирмы автомобилестроения превосходят по занятости и добавленной стоимости зарубежные филиалы. Польша активно внедряет технологии автоматизации и робототехники, в страну переводятся также и отдельные непроизводственные функции зарубежных фирм-лидеров. В числе факторов укрепления сетевых позиций Польши можно выделить следующие: расширение местного рынка сбыта, высокая эффективность крупных заводов, улучшение деловой среды (активное развитие технической инфраструктуры, ускоренный рост сектора производственных услуг, а также повышение качества регуляторного механизма (институты поддержки, кластерные организации, центры компетенций и т.д.).

Тенденция ко-локации автомобилестроения Европы в XXI в. нашла выражение в нескольких процессах:

1. Перевод производства ключевых поставщиков близко к сборочным заводам;
2. Формирование сетевых кластеров, включающих центры НИОКР;
3. Макро-агломерация заводов автомобилестроения.

В географии европейских автомобилестроительных сетей отчетливо проявились центростремительные силы [14]: вблизи инертно стоящих сборочных заводов стали размещать свои мощности мобильные поставщики первого уровня, на большем удалении – поставщики второго уровня и т.д. Эта тенденция также проявилась и в странах периферии [32]. Повсеместное распространение получили парки поставщиков [24]. Ко-локация поставщиков мотивируется, в том числе, соображениями доступа к единой транспортной инфраструктуре и нахождения вблизи прочих поставщиков компонентов [20]. Можно предположить, что последний тезис отражает «сетевой эффект» увеличения силы притяжения новых поставщиков к сборочным заводам с ростом числа уже переместившихся поставщиков (рисунок 4). В то же время, центростремительные силы сдерживаются соображениями глобального характера оперирования крупных поставщиков,

поставляющих продукцию нескольким автоконцернам [11].

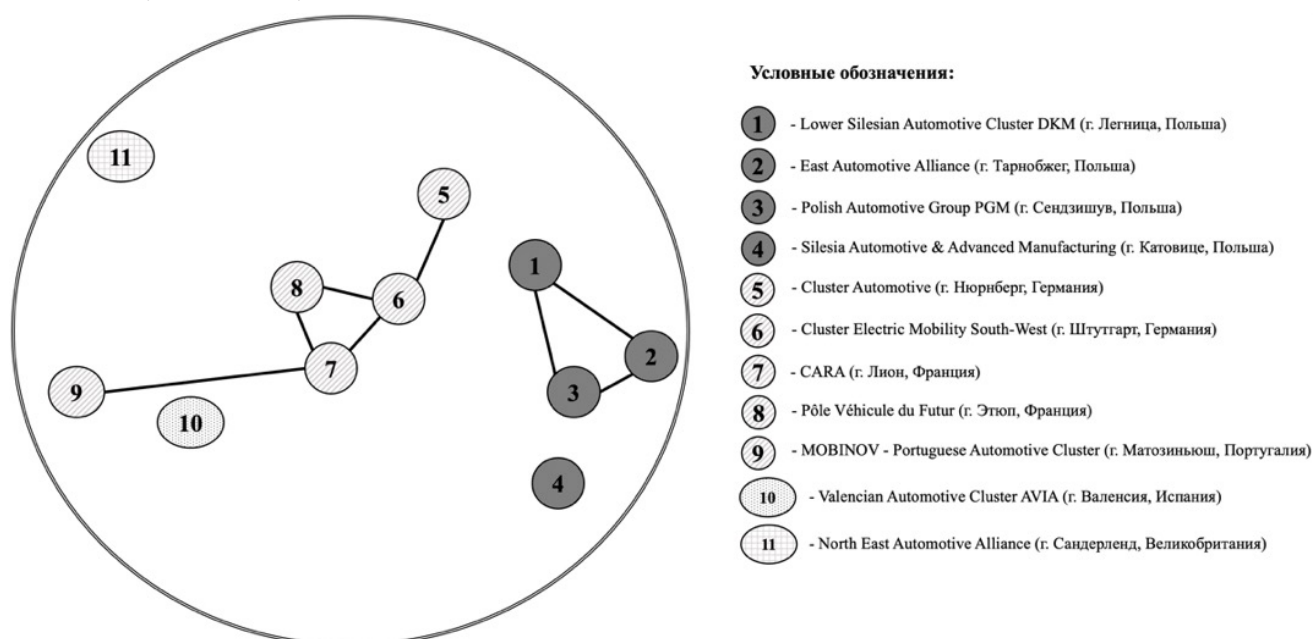


**Рисунок 4** – «Сетевой эффект» ко-локации крупных поставщиков и сборочных заводов в автомобилестроении Европы

Источник: составлено автором.

Феноменом развития производственных сетей автомобилестроения Европы стали сетевые кластеры, объединяющие фирмы-производители, исследовательские центры и университеты в пределах отрасли некоторого региона. Целью образования сетевых кластеров является обмен опытом и передовыми компетенциями, междисциплинарное взаимодействие и повышение конкурентоспособности фирм. Показательным примером является Cluster Automotive, головной офис которого расположен в г. Нюрнберг, Германия. Большинство участников кластера расположены в Баварии и, в особенности, в административных границах г. Мюнхен. В числе фирм-производителей можно выделить G-ТЕКТ Deutschland GmbH (трансмиссия, инжиниринг) и Movo Autodatas Technology GmbH (автомобильное ПО), центров НИОКР и университетов – Мюнхенская высшая школа прикладных наук.

Сетевые кластеры европейского автомобилестроения сотрудничают друг с другом, а также участвуют в единой Европейской сети автомобилестроительных кластеров. Как представлено на рис. 5, сегодня в этой сети имеются два сетевых подмножества – три кластера из Польши и пять кластеров из Германии, Франции и Португалии. Активное межкластерное взаимодействие в Польше также свидетельствует в пользу прогресса страны в европейском автомобилестроении.

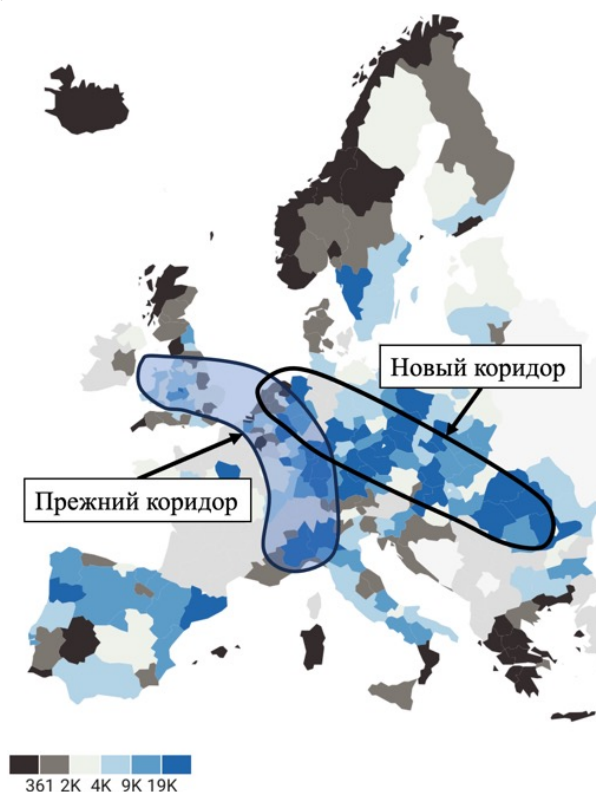


**Рисунок 5** – Взаимодействие сетевых кластеров в рамках Европейской сети автомобилестроительных кластеров

Источник: составлено автором по данным ECCP. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/> (дата обращения: 15.03.2025).



Очередным проявлением процесса ко-локации в автомобилестроительных сетях Европы начала XX в. является продолжающаяся макрорегиональная агломерация заводов индустрии. До начала XXI в. основная промышленная база региона располагалась на территории примерно в 1300 км длины и 400 км ширины, которая получила название «голубой банан» [25] (англ. – «blue banana»). В условиях «пространственно-временного сдвига» на восток Европы тенденция подобной агломерации продолжилась, однако новый «коридор» существенно сместился на Юго-Восток (рисунок 6). В него, тем не менее, не попадают Испания, Италия и Франция; вероятно, не включенность этих стран в единое производственное пространство также объясняет стагнацию добавленной стоимости национального автомобилестроения. Устойчивый рост этого показателя в Германии, в том числе, связывается с «эффектом страны происхождения» или доверием конечных и промежуточных потребителей качеству продукции, произведенной в Германии [16,21] .



**Рисунок 6** – Занятость в секторе автомобилестроения по регионам NUTS2 Европы (2019 г., тыс.)

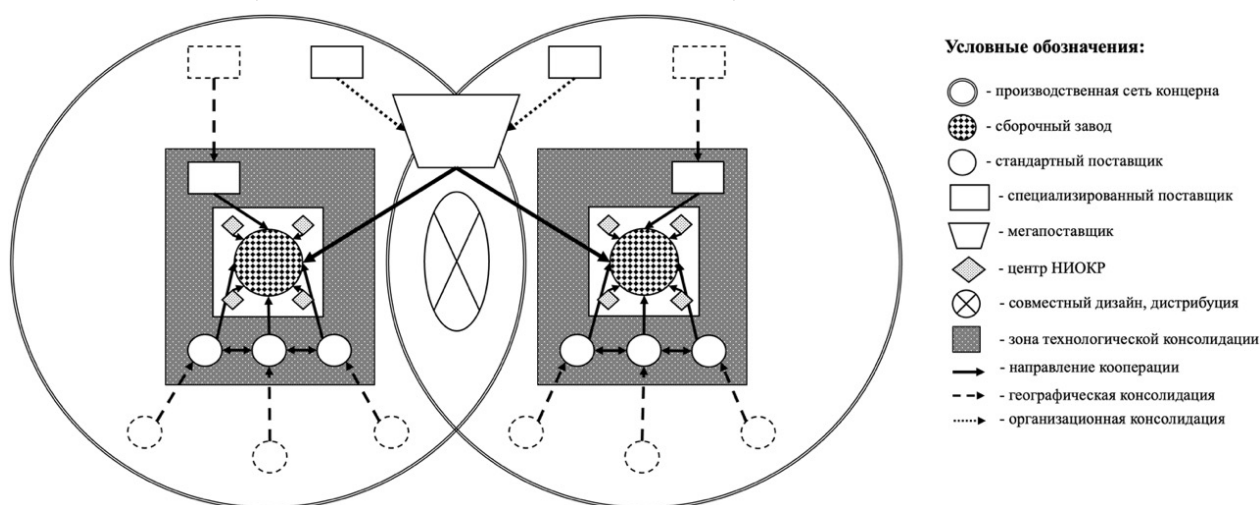
Источник: составлено автором по данным Eurostat. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sbs\\_r\\_nuts06\\_r2\\_custom\\_12211337/default/map?lang=en](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sbs_r_nuts06_r2_custom_12211337/default/map?lang=en). (дата обращения: 20.01.2025).

Таким образом, европейское автомобилестроение претерпело череду консолидаций, охвативших технологическое, организационное и географическое измерения производственных сетей (рисунок 7). В результате в автомобилестроении Европы усилился разрыв между крупными и рядовыми поставщиками, а также локациями с высокой и низкой плотностью размещения мощностей. С точки зрения потенциала развития сетевой структуры такая тенденция, вероятно, имеет больше издержек, чем выгод.

Ключевыми характеристиками данного этапа эволюции сетевых моделей являются внедрение универсальных модулярных платформ, возникновение мегапоставщиков, активизация СИП крупных автоконцернов, распространение парков поставщиков и сетевых кластеров, а также агломерация производственных мощностей автомобилестроения Европы в пределах коридора, простирающегося от Севера Германии до Юга Румынии. Прежде европейские автоконцерны решали проблему роста конкуренции за счет внедрения производственных стандартов и эксплуатации различий в стоимости рабочей силы в Европе. На текущем же этапе эта задача решалась посредством



многомерной консолидации. При этом, отличительной чертой этапа можно считать одновременный рост децентрализации управления цепочкой стоимости и укрепления сетевых позиций поставщиков.



**Рисунок 7** – Технологическая, организационная и географическая консолидация в европейских производственных сетях автомобилестроения начала XXI в.

Источник: составлено автором.

### **Трансформационная «эко-сетевая» модель производственных сетей автомобилестроения Европы третьей декады XXI в.**

В последние годы европейские производственные сети автомобилестроения претерпевают, вероятно, самую крупную за последние десятилетия трансформацию в результате стремительного роста сегмента электромобилей.

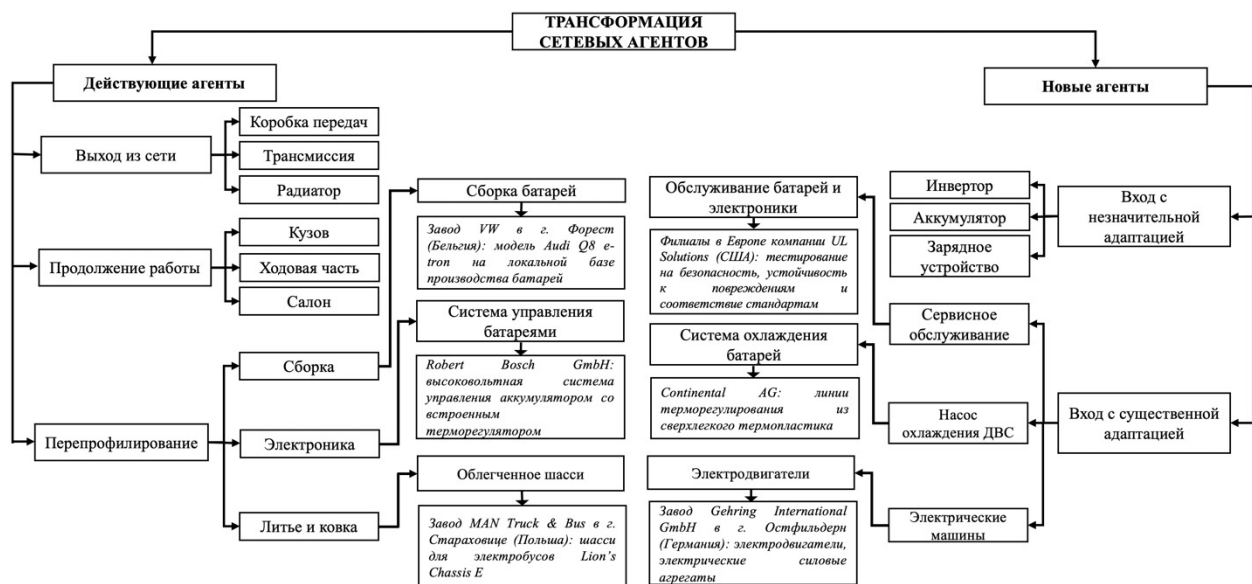
Сегодня производство электромобилей в Европе качественным образом реформирует «консолидирующую» модель сетевого автомобилестроения региона, «пересобирая» архитектуру взаимосвязи фирм и географий. Во-первых, меняется сама технология сборки авто, прежние «корневые» узлы и модули уступают место новым. Во-вторых, реконфигурируется цепочка стоимости автомобилестроения Европы, «ребалансируется» вклад производственных функций в стоимость готового продукта, а также значимость и рыночная власть сетевых агентов. В-третьих, происходит деформация устоявшейся модели «ядро-периферия» в условиях опережающего развития отдельных территорий, ранее не встроенных в автомобилестроение Европы на высоком уровне.

С точки зрения производственной технологии электромобили отличаются от классических автомобилей, прежде всего, устройством двигателя и электрооборудованием. Ключевыми элементами электромобиля (в общем случае) являются электродвигатель, инвертор, специальная трансмиссия, аккумуляторные батареи и зарядное устройство. При этом, в нем отсутствуют коробка передач, традиционная трансмиссия и радиаторы [34]. Технология сборки готового электромобиля, тем не менее, принципиально не отличается от автомобиля с ДВС. Вследствие этого у крупных сборочных заводов появилась возможность гибко перепрофилировать свою деятельность под выпуск электромобилей и сохранить свое положение в производственной сети.

В то же время, изменения в цепочке создания стоимости индустрии выглядят существенными. Благодаря переходу к новой производственной технологии стоимостная цепочка становится короче, т.к. сокращается число этапов производства узлов и модулей [4]. Значимым промежуточным компонентом электромобиля является батарея, изготовление которой базируется на отдельных видах сырья и редкоземельных металлов; прежде всего, речь идет о меди, литии, кобальте и неодиме. Как результат повышения роли сырьевых материалов в производственных сетях возрастает доля добавленной стоимости готовых изделий, приходящаяся на поставщиков сырья и производителей батарей, и снижается – для поставщиков прочих компонентов.

Переход на новую технологию производства ускоряет процессы децентрализации рыночной власти в производственной сети, усиливая позиции новых поставщиков. Так, добавленная стоимость поставщиков оригинального оборудования в производстве электромобилей ограничивается только сборкой, а также изготовлением кузова и шасси. Соответственно, дополнительная добавленная стоимость переходит поставщикам батарей и прочих систем электроники и привода [7]. Кроме того, рост добавленной стоимости отмечается среди поставщиков услуг НИОКР, которые в условиях перехода к электромобилям активизируют исследования в области энергоемких и производительных батарей, способов их переработки и последующего использования, а также создания новых материалов в целях снижения зависимости от редких ресурсов [18].

Реконфигурация производственных сетей автомобилестроения прослеживается в смене ролей поставщиков промежуточных продуктов (рисунок 8), некоторые из которых оказываются невостребованными, тогда как другим удается сохранить свои позиции без изменения предлагаемых продуктов или с их модификацией. Кроме этого, в цепочку встраиваются участники, ранее не имевшие отношение к автомобилестроению.



**Рисунок 8** – Профиль трансформации позиции сетевых агентов производственных сетей автомобилестроения Европы в условиях перехода к выпуску электромобилей

Источник: составлено автором на основе Modular Multi-Energy platforms: for efficient variety of models. (June 13, 2018). Opel | Stellantis Media. <https://www.media.stellantis.com/em-en/opel/press/modular-multi-energy-platforms-for-efficient-variety-of-models> (дата обращения: 02.02.2025).

В условиях роста сегмента электромобилей получила новое развитие концепция модульных платформ, которая стала активно внедряться европейскими автоконцернами в рамках «консолидирующей» модели. К примеру, концерн PSA в 2017 г. начал эксплуатацию новой платформы CMP (Common Modular Platform), рассчитанную на выпуск всех автомобилей класса А и В автоконцерна. Платформа CMP имеет модификацию e-CMP для производства электромобилей. Таким образом, современные модулярные платформы европейских автопроизводителей становятся еще более универсальными.

За период 2019-2023 гг. их доля в общем экспорте автомобилей ЕС возросла с 3 до 17%. Однако в последние два года Китай показал опережающий рост экспорта электромобилей, превысив в 2023 г. уровень Евросоюза. Помимо этого, европейские производственные сети уступают производственным мощностям КНР в производстве комплектующих (таблица 3). Китайский экспорт батарей превышает уровень Евросоюза в 8 раз, трансформаторов – в 2,5 раза. ЕС имеет существенный дефицит в торговле батарейными аккумуляторами – 20,0 млрд долл. США; в то же время, в торговле электромобилями Евросоюза имеется профицит в 10,1 млрд долл. США. Следовательно, европейские производственные

сети, в целом, сумели перестроиться на выпуск электромобилей, но сильно зависят от импорта критических узлов и компонентов.

Товар	Страна (регион)	Экспорт					Тренд экспорт	Торговый баланс					Тренд т. баланс
		2019	2020	2021	2022	2023		2019	2020	2021	2022	2023	
Батареи	ЕС-27	1,4	2,9	5,2	6,3	8,1		-5,3	-4,8	-6,3	-16,3	-20,0	
	Китай	13,0	15,9	28,3	50,9	65,0		9,3	12,4	24,5	47,9	62,6	
	США	1,5	1,7	1,6	1,9	3,3		-2,2	-3,2	-6,7	-12,0	-15,5	
Транс-ры	ЕС-27	7,6	8,8	9,8	10,6	13,7		-1,1	-0,6	-2,8	-7,1	-5,7	
	Китай	18,4	21,1	27,4	34,3	33,5		11,3	14,1	19,4	26,9	26,1	
	США	4,2	3,9	4,5	5,1	5,9		-6,0	-7,0	-8,8	-11,0	-12,1	
Электр-ли	ЕС-27	3,8	9,3	14,4	23,7	31,8		-0,9	0,7	1,0	10,4	10,1	
	Китай	0,4	1,6	8,6	20,1	34,1		-2,0	0,6	7,8	18,6	31,9	
	США	7,9	6,1	4,6	5,8	7,3		6,3	4,3	-0,7	-4,9	-11,7	

**Рисунок 2** – Стоимостной объем экспорта и торговый баланс электромобилей, трансформаторов и батарей Евросоюза, Китая и США (2019-2023 гг., млрд долл. США)

Источник: составлено автором по данным UN Comtrade. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения: 28.11.2024).

Важным следствием ускоренного развития европейского производства электромобилей стала реконфигурация системы отношений стран и регионов Европы в модели «ядро-периферия». В частности, наблюдается ребалансировка сетевых позиций стран ядра, полупериферии и периферии, а также включение в эти группы стран, ранее не участвовавших в европейском автомобилестроении.

В последние годы в Европе наблюдаются существенный приток иностранных ПИИ в производство электромобилей и комплектующих в Венгрию и Польшу, запуск новых крупных мощностей по выпуску батарейных аккумуляторов в Финляндии, а также открытие центров оказания цифровых услуг автомобилестроения в Португалии. Несмотря на появление новых «точек роста» в указанных странах, их, за исключением Финляндии, по-прежнему можно отнести к периферии по причине существенной зависимости от внерегиональных инвесторов в принятии решений.

Такие страны, как Италия и Франция, сегодня отстают в производственном потенциале и емкости местного рынка от Германии и Бельгии; таким образом, первые две страны смещаются в сторону полупериферии, а вторые две – закрепляются в статусе ядра [15]. Ускоренный переход Германии к производству электромобилей прослеживается и в действиях базирующихся в стране зарубежных концернов. Компания Ford в феврале 2024 г. объявила о сокращении 2750 рабочих мест на заводе в г. Саарлуи к ноябрю 2025 г. в связи с переходом заводов Ford в Германии исключительно на выпуск электромобилей.

Между тем, традиционные ключевые поставщики автомобилестроения Германии сегодня переживают острый кризис. Негативный эффект кризиса пандемии COVID-19 мотивировал компанию Continental AG к проведению с 2020 г. реструктуризации в форме сокращения 13000 рабочих мест в стране к 2025 г. Сокращение производства «классических» автомобилей также стало одной из причин решения компании ZF Friedrichshafen AG о ликвидации 12000 рабочих мест к 2030 г.

Реконфигурация модели «ядро-периферия» автомобилестроительных сетей Европы происходит нелинейно. С одной стороны, в производственной системе возникают новые крупные игроки, происходит модернизация промышленного потенциала ряда стран ЦВЕ и Юга Европы. С другой стороны, отмечается усиление зависимости периферийных экономик от внешних инвесторов, а также резкое ослабление сетевых позиций традиционных поставщиков и сборочных заводов стран ядра.

Таким образом, трансформационная модель производственных сетей автомобилестроения Европы проявляется в качественном изменении структуры цепочки стоимости, роли и места

поставщиков и сборочных заводов, а также ребалансировке отношений стран в модели «ядро-периферия».

### Общее и особенное в сетевых моделях автомобилестроения Европы на рубеже XX-XXI вв.

В эволюции моделей сетевой структуры автомобилестроения Европы конца XX – начала XXI вв. можно выделить три основные модели (традиционная, консолидирующая, трансформационная), каждая из которых имеет свои отличительные технологические, организационные и географические аспекты, при том что все три модели имеют ряд общих черт (таблица 2).

**Таблица 2** – Сравнительный анализ моделей производственных сетей автомобилестроения Европы на рубеже XX-XXI вв.

Параметр	Общее	Особенное		
		Трад. модель	Консол. модель	Трансф. модель
<b>Технологическое измерение</b>				
Технология производства	Распределенное производство комплектующих и сборка	Поддетальная, поузловая	Модульная / платформенная	Платформенная
Технологический принцип масштабирования производства	Увеличение выпуска автомобилей концернами происходит по схожим принципам обращения с промежуточными продуктами	Спецификация (уточнение принципов соединения узлов)	Унификация (единые принципы производства модулей и платформ)	Упрощение (сокращение числа промежуточных продуктов и стадий сборки)
Стандартизация компонентов	Промежуточные продукты соответствуют единым стандартам	Средняя	Высокая	Высокая
<b>Организационное измерение</b>				
Структура производственной сети	Устойчивая сетевая конфигурация отношений фирм-лидеров и поставщиков	Хаб и спицы	Древовидная	Децентрализованная
Протяженность цепочки стоимости	Цепочка стоимости охватывает несколько производственных стадий	Большая	Средняя	Малая
Горизонтальные связи между поставщиками	Поставщики одного и разных уровней взаимодействуют друг с другом, обмениваются технологиями и ресурсами	Слабые	Сильные	Сильные

Параметр	Общее	Особенное		
		Трад. модель	Консол. модель	Трансф. модель
Ключевые агенты сети	В производственной сети существуют агенты, имеющие ресурс реконфигурации сети	Сборочные заводы	Сборочные заводы, мегапоставщики	Сборочные заводы, производители батарей
Конкуренция между поставщиками	Фирмы-лидеры выбирают наиболее достойных поставщиков	Высокая	Средняя	Низкая
Роль поставщиков	Поставщики выполняют специфические функции, которые фирма-лидер передала на аутсорсинг и / или офшоринг	Производство компонентов	Производство компонентов, управление цепочкой стоимости	Производство компонентов, проектирование готового изделия
Роль сборочных заводов	Сборочные заводы находятся в центре производственной сети	Сборка нескольких модификаций	Сборка многих модификаций	Сборка, производство батарей
<b>Географическое измерение</b>				
Модель взаимосвязи стран и регионов	Страны и регионы устойчиво отличаются друг от друга в наборе функций автомобилестроения и их наукоемкости	Ядро-периферия	Ядро-периферия	Модифицированная ядро-периферия
Ко-локация поставщиков и сборочных заводов	Сборочные заводы и их ключевые поставщики стремятся к географическому сближению	Средняя	Высокая	Высокая + моно-локация
Основные потоки ПИИ с прочими регионами	Производственные сети Европы активно используют внерегиональную базу	Исходящие в страны Лат. Америки и Азии	Равномерные взаимные с крупными регионами	Входящие из стран Азии

Источник: составлено автором.

Стоит отметить, что актуальная – трансформационная – модель находится в развитии, в последующие годы ее черты могут претерпеть изменения. Тем не менее, скорость и масштаб изменений уже сегодня кардинально меняют принципы сетевого устройства европейского автомобилестроения, сформировавшиеся на предшествующих стадиях эволюции.

### Заключение

В настоящей статье проанализирована эволюция моделей сетевого производства европейского автомобилестроения. Определено, что каждая модель характеризуется преобладающей технологией производства, базовыми принципами взаимосвязей фирм-лидеров с поставщиками, а также отличимой структурой пространственного распределения сетевых агентов. Были специфицированы три основные модели производственных сетей автомобилестроения в Европе: (1) традиционная



модель «ядро-периферия» конца XX в., (2) консолидирующая «кластерно-сетевая» модель начала XXI в., (3) трансформационная «эко-сетевая» модель текущего этапа.

В результате сравнительного анализа были выявлены общие и особенные черты сетевых моделей в разрезе технологического, организационного и географического измерений. При этом фокус исследования был направлен на третью – трансформационную модель текущего этапа; определены ее главные детерминанты: платформенная технология как доминирующий принцип производства автомобилей, децентрализованная структура сети, сокращение протяженности стоимостной цепочки, размывание границ между сетевым «ядром» и «периферией».

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгина, Н.А., Возмилова, С.С. (2015). Особенности глобальных цепочек стоимости в автомобильной промышленности // Вестник РУДН, серия Экономика. №2. С. 36-48.
2. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально- Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 84 с.
3. Гомулина А.А., Горшков И.А. Особенности деятельности китайских производителей электромобилей в ЕС: механизмы, барьеры, перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. No 5. С. 73–84. DOI: 10.15211/vestnikieran520247384
4. Кондратьев, В., Попов, В., Кедрова, Г. (2020). Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей // Мировая экономика и международные отношения. №3. С. 68-79.
5. Устюжанин, В. Л. (2020). Сетевые структуры в автомобилестроении // Бизнес. Образование. Право. № 4 (53). С. 191–197. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.445.
6. Харви, Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 576 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2369-8 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2257-8 (e-book).
7. Autocar Professional. (March 16, 2018). Electric two-wheelers to be movers & shakers. Autocar Professional. <https://www.autocarpro.in/feature/electric-wheelers-movers-shakers-28564>
8. Collins, Robert, Kimberly Bechler and Silvio Pires. 1997. «Outsourcing in the Automotive Industry: From JIT to Modular Consortia.» *European Management Journal* 15, p. 498-508.
9. Dománski, B. et al. (2024). The Evolution of European Manufacturing Industries. The Dynamics of Core-Periphery Relationships. Taylor & Francis. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003430117>
10. European Automobile Manufacturers' Association | Official Website. URL: <https://www.acea.auto/#> (дата обращения: 19.05.2025).
11. Frigant, V., & Lung, Y. (2002). Geographical proximity and supplying relationships in modular production. *International Journal of Urban and Regional Research*, 26(4), 742–755. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00415>
12. Frigant, V., & Zumpe, M. (2017). Regionalisation or Globalisation of Automotive Production Networks? Lessons from Import Patterns of Four European Countries. *Growth and Change*, 48(4), 661–681. <https://doi.org/10.1111/grow.12207>
13. Gáspár, T., & Sass, M. (2023). 'Space-time dents' in global value chains – The Hungarian case. *Society and Economy*, 45(3), 173–185. <https://doi.org/10.1556/204.2023.00020>
14. Gerócs, T., & Pinkasz, A. (2019). Relocation, standardization and vertical specialization: Core-periphery relations in the European automotive value chain. *Society and Economy*, 41(2), 171–192. <https://doi.org/10.1556/204.2019.001>
15. Gracia, M., Paz, M. J., & Rísquez, M. (2024). Analysis of the transition to Electric Vehicles in Europe from a Core-Periphery approach. *Structural Change and Economic Dynamics*, 69, 652–663. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.03.010>
16. Hilman, H., & Hanaysha, J. (2015). The Impact of Country of Origin on Relationship Quality: Empirical Evidence from Automotive Industry. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n2p165>
17. *International Journal of Automotive Technology and Management* 1.1, 92–107.
18. Jagani, S., Marsillac, E., & Hong, P. (2024). The Electric Vehicle Supply Chain ecosystem: Changing roles of automotive suppliers. *Sustainability*, 16(4), 1570. <https://doi.org/10.3390/su16041570>
19. Jürgens, Ulrich (2003) : Characteristics of the European automotive system: is there a distinctive European approach?, Discussion papers // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Arbeitsgruppe: Wissen, Produktionssysteme und Arbeit, Forschungsschwerpunkt: Organisationen und Wissen, No. SP III 2003-301, <http://hdl.handle.net/10419/49646>

20. Klier, Thomas; McMillen, Dan (2013) : Agglomeration in the European automobile supplier industry, Working Paper, No. 2013-15, Federal Reserve Bank of Chicago, Chicago, IL
21. Krugman, P. (1991) «Increasing returns and economic geography», *Journal of Political Economy*, Volume 99, Issue 3, Pages 483-499. (online)
22. Lampón, J., Cabanelas, P., Frigant, V. (2017). The new automobile modular platforms: from the product architecture to the manufacturing network approach. MPRA Paper No. 79160. URL: [https://mpra.uni-muenchen.de/79160/1/MPRA\\_paper\\_79160.pdf](https://mpra.uni-muenchen.de/79160/1/MPRA_paper_79160.pdf)
23. Lampón, J., Cabanelas, P., González Benito, L. (2015). The Impact of Implementation of a Modular Platform Strategy in Automobile Manufacturing Networks. GEN Working Paper B 2015 – 2. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-impact-of-implementation-of-a-modular-platform-Lampón-Cabanelas/2a51072b653215a79ce51e17ce4c4cd101c3326a>
24. Larsson, A. (2002) Learning or Logistics? The Development and Regional Significance of Automotive Supplier-Parks in Western Europe. *International Journal of Urban and Regional Research*, 26(4): 767-784.
25. Lung, Y., & Gerpisa. (2004). The Challenges of the European Automotive Industry at the Beginning of the 21st Century. Summary of the main findings of the CoCKEAS project. *Cahiers Du GRES (2002-2009)*. <https://ideas.repec.org/p/grs/wpegrs/2004-08.html>
26. Maravall-Rodríguez, C., Küffel, A. C. A Comparative View of Motor Vehicle Production in France. *Economic Brief 040*. European Commission, December 2018. ISSN 2443-8030 (online).
27. Maravall-Rodríguez, C., Küffel, A. C. A Comparative View of Motor Vehicle Production in France. *Economic Brief 040*. European Commission, December 2018. ISSN 2443-8030 (online).
28. Pavlínek, P. (2018) Global Production Networks, Foreign Direct Investment, and Supplier Linkages in the Integrated Peripheries of the Automotive Industry, *Economic Geography*, 94:2, 141-165, DOI: 10.1080/00130095.2017.1393313
29. Pavlínek, P. (2019). Restructuring and internationalization of the European automotive industry. *Journal of Economic Geography*. <https://doi.org/10.1093/jeg/lby070>
30. Paz, M. J., & Gálvez, M. E. R. (2020). Effects of modular platforms on suppliers companies: evidence from Volkswagen Polo manufacturing in Navarra (Spain). *Journal of Manufacturing Technology Management*, 32(2), 337–355. <https://doi.org/10.1108/jmtm-02-2020-0057>
31. Pil, F., Holweg, M. (2004). Linking Product Variety to Order-Fulfillment Strategies // *Interfaces*. No 5. pp. 394-403.
32. Rusnák, J., Ďurček, P., Takáč, M., & Óvári, K. (2022). Spatial patterns and time-accessibility of supplier network of the automotive industry in Slovakia. *Geographia Polonica*, 95(2), 181–200. <https://doi.org/10.7163/gpol.0232>
33. Salerno, M. (2001) The characteristics and the role of modularity in the automotive business.
34. Sarode, R., Eadke, A. (2020). Electric Vehicle (Construction and Working Principle). *International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET)*. No 7(10). URL: <https://www.irjet.net/archives/V7/i10/IRJET-V7I1023.pdf>
35. Science, Technology, and Innovation | Eurostat Official Website. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/science-technology-innovation> (дата обращения: 30.04.2025).
36. Sturgeon, T. et al. (2008). Value chains, networks and clusters: reframing the global automotive industry // *Journal of Economic Geography*. No 8. pp. 297-321.
37. The crisis facing the EU's automobile industry | Epthinktank | European Parliament. URL: <https://epthinktank.eu/2024/10/03/the-crisis-facing-the-eus-automotive-industry/> (дата обращения: 11.05.2025).
38. UNCTADStat Data Centre | Official Website. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 20.05.2025).
39. UNIDO (2003). The Global Automotive Industry Global Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. URL: [https://www.unido.org/sites/default/files/2009-12/Global\\_](https://www.unido.org/sites/default/files/2009-12/Global_)

automotive\_industry\_value\_chain\_0.pdf

# The evolution of network production models of the European automotive industry in the late XX – early XXI centuries

**Vasilchenko Alexander Dmitrievich**

Junior Researcher

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: vasilchenko@instituteofeurope.ru

---

## KEYWORDS.

production networks,  
automotive industry, Europe,  
network model, electric  
vehicles, core-periphery,  
intermediate products

## ABSTRACT.

The paper presents the results of a study of models of European production networks in the automotive sector in the late XX – early XXI centuries. The model in the work is understood as a stable configuration of relationships between leading firms and suppliers of production networks, characterized by a specific technology for the production of automobiles, a unique organizational and network structure, as well as a well-established spatial configuration of production facilities, control centers and competencies. The research methodology was based on a qualitative and quantitative analysis of the location of enterprises, flows of finished and intermediate products, foreign direct investment, as well as the innovative activity of firms. As a result of the research, three unique models of network architecture were identified: traditional («core-periphery»), consolidating («cluster-network») and transformational («eco-network»). The first model dates back to the end of the 20th century. It is characterized by the dependent nature of the relationships between the enterprises of technologically advanced Western and comparatively lagging Eastern Europe. The second model took place at the beginning of the 21st century. It was characterized by the processes of combining simple nodes and ready-made modules and large platforms, the location of suppliers and assembly plants, as well as the formation of mega-suppliers as a special class of network agents. Finally, the third model is being deployed at the present stage and is characterized by the reconfiguration of the production technology of finished cars, the location of suppliers and the organizational structure of the network in the context of the transition to the production of electric vehicles and the active introduction of digital technologies. In particular, there is a reduction in the number of components in the final product, a corresponding decrease in the length of the production chain and the formation of separate «pulsating» growth points on the map of the European automotive industry. The results of the conducted research are important for determining relevant strategies for the development of the automotive sector in the Eurasian integration space.

---



# Состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом

Меджидов Заур Уруджалиевич 

Кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной и отраслевой экономики

Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация

E-mail: zaur-medzhidov@mail.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

строительный комплекс, состав, структура, строительный рынок, строительная отрасль

## АННОТАЦИЯ

Актуальность выбранной темы исследования. В современных условиях российские строительные компании сталкиваются с рядом специфических проблем, связанных с недостатком современного оборудования, низкой доступностью кредитных ресурсов, сложностями в получении разрешительной документации и дефицитом квалифицированных кадров. Однако российский строительный комплекс обладает значительным потенциалом роста благодаря масштабному жилищному строительству, развитию транспортной инфраструктуры и реализации государственных программ модернизации ЖКХ. По сравнению с западными странами российские компании менее интегрированы глобально, но активно развиваются и адаптируются к новым условиям рынка, осваивая новые технологии и расширяя географию своей деятельности. Цель статьи – исследовать составные элементы и структуру рынка строительного комплекса Российской Федерации и зарубежных стран. Методология исследования базируется на основе применения методов эмпирического исследования (сравнение, анализ), а также теоретического исследования (систематизация, обобщение, аналогия, синтез). К результатам исследования следует отнести глубокую систематизацию сведений о составных элементах и структуре рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом. Рынок строительного комплекса представляет собой сложную систему взаимосвязанных участников, обеспечивающую строительство объектов недвижимости различного назначения. В рамках настоящего исследования рассмотрены состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и зарубежных стран отдельно. Зарубежный рынок отличается высокой степенью интеграции и зрелостью. Структура рынка аналогична российскому рынку, однако существуют значительные различия в степени развития отдельных элементов. Выводы. Российский рынок имеет ярко выраженную государственную составляющую и высокую концентрацию собственности, тогда как зарубежные рынки отличаются свободой конкуренции и разнообразием форм участия. Уровень технологического прогресса в российских компаниях ниже, что связано с недостаточными инвестициями в модернизацию и низкую мотивацию малого бизнеса. За границей наблюдается значительный вклад международных компаний и широкий спектр финансовых инструментов, поддерживающих инвестиции в строительство. Эти факторы определяют различие подходов к управлению проектами, качеству строительства и перспективам дальнейшего развития строительного комплекса

JEL codes: R11, R12, R53, H54

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-109-119>

Для цитирования: Меджидов, З.У. Состав и структура рынка строительного комплекса Российской Федерации и за рубежом / З.У. Меджидов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.109-119. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Строительная отрасль играет фундаментальную, системообразующую роль в экономике любого государства, представляя собой мощный двигатель прогресса и развития. Её влияние пронизывает все сферы жизнедеятельности, создавая неразрывную связь со всеми остальными отраслями экономики. Практически невозможно представить функционирование какой-либо индустрии без активного участия строительного сектора. Это особенно актуально в контексте капитального строительства, представляющего собой процесс создания новых и модернизации существующих основных фондов, как производственного, так и непроизводственного назначения [1].

Капитальное строительство – это не просто возведение зданий и сооружений. Это комплексный процесс, включающий в себя проектирование, инженерные изыскания, разработку детальной проектно-сметной документации, необходимой для последующего выполнения строительных, монтажных и пусконаладочных работ. В этот многоэтапный цикл также входят специальные работы, связанные с обеспечением качества и безопасности объектов. Все эти этапы требуют участия высококвалифицированных специалистов различных профилей: от архитекторов и инженеров-проектировщиков до строителей, монтажников, наладчиков оборудования и специалистов по управлению проектами.

Строительная отрасль выступает в качестве катализатора развития всех остальных отраслей, обеспечивая их необходимыми производственными мощностями и инфраструктурой. Она запускает механизм воспроизводства основных фондов, реализуемый через инвестиции в новые объекты и модернизацию существующих. Это позволяет компаниям наращивать объемы производства, повышать эффективность работы, расширять рынки сбыта и, в конечном счете, способствовать экономическому росту страны.

Развитие транспортной инфраструктуры, строительство новых энергетических объектов, создание жилых комплексов и социальной инфраструктуры – все это неотъемлемые составляющие процесса развития, осуществляемого при непосредственном участии строительной отрасли. Без эффективного функционирования строительной индустрии невозможно представить себе развитие здравоохранения, образования, сферы услуг и многих других отраслей [2]. Она является ключевым звеном, обеспечивающим не только экономическое, но и социальное развитие страны, создавая рабочие места, повышая качество жизни населения и обеспечивая устойчивость национальной экономики в целом. Поэтому государственное регулирование и поддержка строительной отрасли являются стратегически важными факторами для обеспечения стабильного и долгосрочного экономического роста. Исходя из этого в рамках настоящего исследования необходимо рассмотреть составные элементы и структуру рынка строительного комплекса Российской Федерации в современных условиях.

Цель статьи. Исследовать составные элементы и структуру рынка строительного комплекса Российской Федерации и зарубежных стран.

Обзор литературы. Существенный вклад в исследование подходов к формированию системы управления строительным комплексом внесли такие ученые, как: А.Н. Асаул, Л. Г. Дикман, А.А. Мороз, В. Г. Севка, Я. А. Рекитар и другие [3-7]. Однако, несмотря на множество научных публикаций, недостаточно системно рассмотрены вопросы анализа подходов к формированию системы управления строительным комплексом РФ и зарубежными странами.

Методы исследования. Методология базируется на основе применения методов эмпирического исследования (сравнение, анализ), а также теоретического исследования (систематизация, обобщение, аналогия, синтез).

## Результаты

Строительная отрасль производит два основных вида продукции. Во-первых, это готовые объекты: здания, сооружения, предприятия и объекты социальной инфраструктуры, полностью

достроенные, оборудованные и готовые к эксплуатации. Их приемка осуществляется в соответствии с установленными правилами. Во-вторых, к продукции строительного комплекса относятся также промежуточные результаты работ, представляющие собой относительно самостоятельные этапы в создании конечного продукта. Сюда входят различные виды работ и услуг, такие как строительномонтажные работы, проектно-изыскательские работы, транспортные услуги и другие. Хотя эти работы не являются законченными объектами, они являются важной частью строительного процесса и, следовательно, также считаются продукцией строительной отрасли. Таким образом, продукция строительного комплекса включает как готовые объекты, предназначенные для непосредственного использования, так и отдельные виды работ и услуг, необходимые для создания этих объектов [8].

В составе строительного комплекса можно выделить следующих участников (см. рисунок 1).



**Рисунок 1** – Типовой состав участников строительного комплекса

Источник: составлено автором

Строительный процесс – это сложный и многоступенчатый механизм, включающий в себя три основных этапа: подготовительный, непосредственно строительный и реализация строительной продукции, сдача готовых объектов в эксплуатацию. Каждый из этих этапов представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, требующих тщательного планирования, профессионального исполнения и строгого контроля на каждом шаге (см. рисунок 2).

В рамках подготовительного этапа закладывается фундамент для успешного завершения всего проекта. Этот этап можно разделить на три ключевые составляющие: технико-экономическое обоснование, проектирование и инженерно-техническую подготовку строительной площадки [9].

Технико-экономическое обоснование (ТЭО) – важнейший этап. Здесь проводятся всесторонние исследования, направленные на определение целесообразности строительства объекта. Анализируются рыночные потребности, оцениваются возможные риски и перспективы проекта, сравниваются различные варианты реализации, проводится глубокий анализ затрат и ожидаемой

прибыли. Результатом ТЭО является достоверное заключение о экономической эффективности строительства, без которого дальнейшие действия не имеют смысла. Это позволяет избежать ненужных финансовых вложений и снизить риск неудачи проекта.

#### Подготовительный этап

ТЭО

Проектирование

Инженерно-техническая подготовка площадки

### Строительный этап

Соответствие с проектной документацией

Контроль за затратами

Контроль качества строительства

### Этап ввода объекта в эксплуатацию

Приемка объекта заказчиком

Испытание инженерных систем

#### Рисунок 2 – Основные этапы организации строительного процесса

*Источник: составлено автором*

Следующим этапом является проектирование. На этом этапе определяется конкретный вид будущего объекта, разрабатываются все необходимые чертежи и схемы, учитываются все строительные нормы и правила, определяется необходимое количество строительных материалов и определяется сметная стоимость строительства. Проектирование – это творческий и одновременно точный процесс, требующий высокого профессионализма и опыта специалистов. Здесь разрабатываются не только архитектурные решения, но и инженерные системы – водоснабжение, отопление, вентиляция, электроснабжение, а также строительные технологии, обеспечивающие эффективность и безопасность строительных работ. На этом этапе важно учесть все нюансы и детали, чтобы избежать дорогих переделок в будущем [10].

Инженерно-техническая подготовка строительной площадки – заключительная часть подготовительного этапа. Она включает в себя комплекс работ по подготовке территории к строительству. Это вынос в натуру геодезической основы, разметка строительной площадки, проведение исследовательских работ, устройство временных подъездных дорог и коммуникаций, организация строительной площадки и обеспечение ее инфраструктурой. Все эти работы необходимы для обеспечения безопасности и эффективности строительных работ на последующих этапах.

Второй этап – строительство. На этом этапе все проектные решения претворяются в жизнь. Строительные работы выполняются в строгом соответствии с проектной документацией и с учетом всех технологических процессов. На этом этапе важно строго соблюдать технологию и обеспечивать контроль качества на каждом этапе строительства. В это время формируются материально-вещественные элементы здания, происходят все необходимые процессы для создания конструкций здания. Все это сопровождается контролем за затратами и соблюдением сметной стоимости.

Заключительный этап – ввод объекта в эксплуатацию. После завершения всех строительных

работ проводится приемка объекта заказчиком. Выполняется проверка соответствия объекта проектной документации, проверяется качество выполненных работ, а также проводится комплексное испытание всех инженерных систем. Только после успешного прохождения всех этих процедур объект может быть введен в эксплуатацию и передан заказчику. Это завершающий и крайне важный этап, поскольку от его качественного выполнения зависит дальнейшая безопасная и эффективная эксплуатация объекта. Только после этого заказчик получает готовый объект в виде основных фондов, готовый к использованию [11].

Строительство, как важная и сложная отрасль материального производства, обладает рядом уникальных характеристик, которые отличают его от других промышленных секторов. Эти особенности обусловлены множеством факторов, включая природу конечной продукции, специфические условия труда, а также используемые технологии, методы управления и систему материально-технического обеспечения. Рассмотрим более подробно основные отличительные черты строительной отрасли.

Во-первых, стоит отметить, что продукция строительной сферы, такие как здания и сооружения, обладает недвижимым характером и территориальной закреплённостью. Это означает, что готовые объекты остаются на месте и не могут быть перемещены, в то время как средства производства, включая рабочую силу и строительные машины, постоянно перемещаются с одного объекта на другой. Такой подход требует высокой мобильности и гибкости в организации труда [12].

Во-вторых, строительство характеризуется высокой капиталоемкостью и материалоемкостью. Процесс создания строительной продукции требует значительных финансовых вложений и использования большого количества различных материалов. Кроме того, строительные объекты имеют длительный цикл производства и эксплуатации, что также влияет на экономику проекта и его рентабельность.

В-третьих, разнообразие типов сооружаемых объектов. В строительстве могут возводиться различные конструкции: от промышленных зданий и жилых комплексов до социальных объектов, транспортной инфраструктуры, сельскохозяйственных сооружений, водных объектов и магистральных трубопроводов. Это разнообразие требует от специалистов широких знаний и навыков в различных областях.

Четвертая важная характеристика — это зависимость строительного процесса от природно-климатических условий и местных факторов. Например, низкие температуры могут значительно усложнить технологические процессы и организацию работ, а также увеличить затраты на строительство. В таких случаях проектировщики должны учитывать климатические условия, которые могут влиять на толщину стен и других конструктивных элементов зданий.

Пятый аспект касается большого числа участников, вовлеченных в процесс производства конечной строительной продукции. В строительстве объектов одновременно работают генподрядчики и субподрядчики, что создает сложную организационную структуру и требует высокой степени координации и взаимодействия между всеми участниками. Таким образом, строительство как отрасль имеет свои уникальные особенности, которые требуют от специалистов глубоких знаний, навыков и способности адаптироваться к меняющимся условиям. Эти характеристики делают строительство одной из самых динамичных и интересных сфер деятельности, где каждый проект представляет собой уникальную задачу, требующую комплексного подхода и тщательного планирования [13].

С момента перехода России к рыночным экономическим отношениям, строительная отрасль претерпела серьезные изменения, в первую очередь, в связи с процессом приватизации государственной собственности.

Строительный рынок представляет собой открытую экономическую систему, функционирующую в условиях товарно-денежного обмена и стремящуюся к реализации собственных экономических целей.

Структура строительного рынка включает в себя ряд ключевых компонентов:



- Участники рынка: инвесторы, девелоперы, строительные компании, генеральные подрядчики, проектные институты и бюро, изыскатели (инженерные изыскания в строительстве), операторы управления недвижимостью (риэлторы), научно-технические организации, производители стройматериалов, изделий и конструкций, предприятия, специализирующиеся на строительной и дорожной технике, поставщики технологического и энергетического оборудования, а также население.

- Объекты рыночных отношений: строительные объекты, строительная техника, транспорт, энергетическое и технологическое оборудование, а также сырье, компоненты, структуры, финансовые ресурсы, трудовые ресурсы и данные.

- Рыночная инфраструктура: для эффективной работы рынку необходима информационная сеть, обеспечивающая его поддержку.

- Рыночный механизм: движущей силой рыночного механизма является баланс между спросом и предложением.

- Государственное управление, регулирование и саморегулирование рынка: государство определяет и координирует организационные взаимосвязи субъектов строительного рынка и его инфраструктуры посредством налогообложения, дотаций, антимонопольных мер, амортизационных отчислений и других инструментов.

Основными составляющими строительного комплекса в РФ, как правило, являются:

- инвесторы, заказчики (государство, предприниматели, кредиторы, покупатели готовой продукции и т.п.);

- проектировщики (разработчики документации);

- производители и поставщики основных ресурсов производства (материальных, технических, технологических и т.п.);

- строительно-монтажные организации;

- научно-технологические организации и учебные заведения;

- транспортные организации.

Экономический анализ и прогнозирование строительного комплекса требуют глубокого понимания всех его составляющих и их взаимодействия. Ниже нами систематизирован состав строительного комплекса РФ (см. таблицу 1).

**Таблица 1** – Составные элементы строительного комплекса Российской Федерации

Участники	Основные функции	Организационные формы
Инвесторы, заказчики	Финансирование и кредитование инвестиций в основной капитал	Федеральные и местные органы исполнительной власти Коммерческие предприятия Физические лица Финансовые институты Страховые компании, обеспечивающие страхование строительно-монтажных рисков Пенсионные фонды и инвестиционные компании, инвестирующие средства в строительство жилья и коммерческой недвижимости
Регулирующие органы и контролирующие инстанции	Контроль и регулирование строительной деятельности	Федеральная служба государственной статистики (Росстат) Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ Региональные министерства строительства

Участники	Основные функции	Организационные формы
		Органы местного самоуправления, выдающие разрешения на строительство и ввод объектов в эксплуатацию
Проектировщики	Разработка архитектурной, строительной, технологической и сметной документации	Архитектурные и конструкторские бюро Проектно-изыскательские и опытно-конструкторские организации
Производители и поставщики основных ресурсов производства	Производство строительных материалов, изделий и конструкций, строительных машин и механизмов, технологического, энергетического и другого оборудования	Органы материально-технического снабжения (заводы, предприятия)
Строительно-монтажные организации	Производство строительно-монтажных работ Сдача в эксплуатацию строительной продукции	Общества с ограниченной ответственностью Акционерные общества Государственные предприятия
Научно-технологические организации и учебные заведения	Разработка и внедрение научно-технических новшеств и инноваций Подготовка специализированных кадров	Научно-исследовательские институты Строительные ВУЗы, техникумы, колледжи, профессиональные училища, учебные комбинаты

Важнейшими элементами этой системы являются инвесторы. Инвесторы могут принимать различные формы: они могут быть кредиторами, которые предоставляют финансовые ресурсы для реализации проектов, заказчиками, заинтересованными в получении конечного продукта, или покупателями, которые приобретают готовые строительные объекты.

Следующей важной группой участников строительного комплекса являются проектировщики. Эти специалисты занимаются разработкой архитектурной, строительной и технологической документации, а также составлением смет. Их работа включает в себя создание чертежей, планов и спецификаций, которые являются основой для последующего строительства.

Не менее значимой частью строительного комплекса являются производители и поставщики основных ресурсов, необходимых для строительства. Это могут быть как материальные ресурсы, такие как бетон, кирпич и сталь, так и технические и технологические ресурсы, которые обеспечивают выполнение строительных работ.

Строительно-монтажные организации занимают центральное место в этом процессе, так как именно они осуществляют преобразование инвестиционных средств в реальные объекты. Эти организации объединяют в себе деятельность инвесторов, заказчиков, проектировщиков и поставщиков, обеспечивая координацию всех этапов строительства.

Кроме того, в строительном комплексе активно действуют научно-технологические организации и учебные учреждения, которые занимаются разработкой научно-технических новшеств и инноваций, подготовкой специализированных кадров. Их основная задача заключается в том, чтобы внедрить новые технологии и методы в процесс создания основного капитала, что может значительно повысить эффективность и снизить затраты на строительство.

Транспортные организации и логистические фирмы также являются важными участниками

строительного комплекса. Они обеспечивают эффективное перемещение ресурсов, материалов и готовых объектов, а также организуют доставку товаров и услуг до конечных потребителей.

Таким образом, строительный комплекс представляет собой сложную и взаимосвязанную систему, в которой каждый элемент выполняет свою уникальную функцию, обеспечивая успешное выполнение строительных проектов и создание необходимой инфраструктуры.

Зарубежные строительные компании демонстрируют существенные отличия от своих отечественных аналогов, проявляющиеся не только в масштабах проектов и применяемых технологиях, но и в принципах организационно-управленческой структуры.

В зарубежных странах нет унифицированной системы управления строительной отраслью. Например, в США роль главного регулятора на государственном уровне выполняет Министерство жилищного строительства и городского развития (Department of Housing and Urban Development, HUD). Это ведомство координирует строительство государственных объектов, финансируемых из бюджета, а также участвует в регулировании рынка частного жилищного строительства, включая кредитование индивидуальных застройщиков. HUD разрабатывает строительные нормы и стандарты, контролирует качество строительства, предоставляет финансовую помощь и другие виды поддержки строительной отрасли. Однако, в США, как и в других западных странах, большая часть строительных работ выполняется частными компаниями, которые действуют в рамках рыночной экономики, придерживаясь собственных методик и систем управления.

В Японии функции за контролем и надзором в сфере строительства возложены на Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма (Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism). Для японского строительного сектора типична строгая предопределенность рынка и высокая специализация. Это привело к выраженной производственно-технологической ориентации структуры японских строительных компаний. Первостепенное значение придается четкой организации всех этапов строительного процесса, соблюдению графика поставок с максимальной точностью. Благодаря этому, сроки возведения объектов в Японии сокращены на 25-30% по сравнению с Западной Европой и США. Особое внимание уделяется качеству проектной документации, где затраты могут достигать 20-25% от общей стоимости проекта.

Наряду с анализом американской и японской модели управления строительным комплексом, важно изучить опыт развития строительной отрасли Китая. В КНР государственное управление и регулирование в строительстве осуществляет Министерство жилищного строительства и развития городских и сельских территорий (Ministry of Housing and Urban-Rural Development). В его компетенцию входит разработка нормативных актов, долгосрочных стратегий развития в сфере градостроительства и сельского строительства, консультации по вопросам геологических изысканий, геодезии и проектирования, а также управление городским хозяйством и контроль за его функционированием. Министерство также отвечает за общее управление строительными работами в стране, нормализацию строительного рынка и организацию строительных тендеров.

Принимая во внимание опыт США и КНР, представляет интерес изучение опыта развития строительного комплекса члена Европейского Союза - Германии. В сфере государственного регулирования ключевую роль выполняет Федеральное министерство жилья, городского развития и строительства Германии. Специфика строительной деятельности в Германии обусловлена особенностями административно-территориального устройства страны. Германия - федеративное государство, состоящее из 16 земель, обладающих частичным суверенитетом. Каждая земля имеет свою конституцию и право издавать законы по определенным вопросам. В строительной сфере земельные правительства, через специальные строительные отделы, осуществляют контроль за планированием и застройкой территорий, а также обеспечивают высокое качество проектирования и строительства.

Таким образом, успех зарубежных строительных компаний обеспечивается не только государственным регулированием, но и эффективной внутренней организацией и управлением. Это

ключевое условие, которое стоит изучить и применить для повышения эффективности отечественных строительных компаний.

### **Выводы**

Строительная отрасль играет колоссальную роль в экономике любой страны. Она является фундаментом развития, обеспечивая необходимые здания и инфраструктуру для всех остальных сфер деятельности и удовлетворяя социальные потребности граждан. Основная задача строительного комплекса – создание и обновление материальных активов страны. Это достигается посредством строительства новых объектов, реконструкции и модернизации существующих, их ремонта и реставрации.

Строительство – одна из важнейших отраслей реального сектора экономики, определяющая решение множества экономических, социальных и технологических вопросов как в глобальном масштабе, так и в рамках отдельной страны. В сущности, развитие строительной отрасли напрямую влияет на уровень жизни населения и общее экономическое благополучие.

Проведенное исследование позволяет определить специфические тенденции строительного комплекса РФ и за рубежом. В частности для России характерно:

- Адаптация к экономическим санкциям путём импортозамещения и локализации производства.
  - Повышение внимания к экологической устойчивости проектов, хотя темпы отставания от европейских аналогов сохраняются.
  - Постепенное расширение использования цифровых решений и автоматизация процессов строительства.
  - Наличие большого количества низкоквалифицированной рабочей силы, приводящее к проблемам производительности и качества.
- Зарубежным странам:
- Быстрое внедрение инноваций и переход к зелёному строительству (энергосбережение, возобновляемые ресурсы).
  - Динамичное развитие индустриальных методов строительства и сборного домостроения.
  - Интеграция интеллектуальных технологий в управление объектами недвижимости и мониторинг строительством.
  - Эффективное взаимодействие государства и бизнеса посредством гибких законодательных рамок и прозрачных процедур закупок.

Таким образом, российский рынок пока сохраняет свою замкнутость и ограничения, характерные для развивающихся экономик, тогда как международный рынок отличается открытостью, высокой конкурентоспособностью и использованием передовых практик и технологий.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шабанов Р.Н., Пастухов С.П., Сафонюк Я.А., Закарян И.Р., Михеев Г.В. Анализ состояния строительного комплекса Краснодарского края и пути повышения эффективности его деятельности // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 2. С. 56.
2. Беляев М.К., Полин Р.Н. Эффективное ценообразование – основа получения максимального объема реализации строительной продукции с минимальной потерей маржинальности // В сборнике: Наука и образование: архитектура, градостроительство и строительство. материалы Международной конференции, посвященной 80-летию строительного образования и 40-летию архитектурного образования Волгоградской области. 2010. С. 126-127.
3. Асаул А.Н., Чжан Х. Факторы развития строительной отрасли Китая // Научное обозрение. Экономические науки. 2021. № 3. С. 5-9.
4. Дикман Л. Г. Организация, планирование и управление строительным производством: Учебник для строительных вузов и факультетов. М.: Высшая школа. 1982. – 480 с.
5. Мороз А. А., Самойлов С. А. Регулирование строительной деятельности в США и Великобритании // Актуальные проблемы строительного комплекса. 2008. № 1. С. 45–50.
6. Севка В. Г., Гракова М. А. Механизм использования инноваций для воспроизводства экономического потенциала жилищного строительства и повышение жилищной обеспеченности // Экономика строительства и городского хозяйства. 2013. Том 9. № 3. С. 161-174.
7. Рекитар Я.А., Сидорова Н.А., Ромашина М.Н. и др. Тенденции развития строительства в ведущих капиталистических странах Факторы эффективности, проблемы и противоречия. М. : Наука, 1981. - 335 с.
8. Agafonova M.S., Chugunov A.V., Bautina E.V., Shalnev O.G. Instruments and methods of state regulation of the fuel and energy complex // E3S web of conferences. XXII International scientific conference energy management of municipal facilities and sustainable energy technologies. 2021. P. 10009.
9. Астафьев С.А., Коротич М.В. Формирование методического подхода к разработке стратегии управления градостроительной деятельностью малых городов Забайкальского края // Вестник МГСУ. 2018. Т. 13. № 7 (118). С. 790-804.
10. Михеев Г.В., Скрипкина И.А., Софьяников О.Д., Варич Э.С., Экикянц А.В. Методологические аспекты управления малоэтажным индивидуальным жилищным строительством // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 6. С. 77.
11. Geraskin Y.M., Gorodiskiy K.V. Current trends in import substitution of construction materials and equipment in the Russian Federation // Real Estate: Economics, Management. 2025. № 1. С. 54-58.
12. Тиратурян А.Н., Воробьев А.В., Ян Ч. Сценарии эксплуатационной стадии жизненного цикла автомобильных дорог в условиях действующего нормативного регулирования // Вестник МГСУ. 2025. Т. 20. № 3. С. 429-439.
13. Грабовый К.П., Янковский А.В. Современные методы управления процессами реконструкции сложившейся жилой застройки //



# Composition and structure of the construction market in the Russian Federation and abroad

**Medzhidov Zaur Urudzhalievich**

Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Department of Regional and Sectoral Economics,  
Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,  
Makhachkala, Russian Federation  
E-mail: zaur-medzhidov@mail.ru

---

## KEYWORDS

1

---

## ABSTRACT

Relevance of the chosen research topic. In modern conditions, Russian construction companies face a number of specific problems associated with a lack of modern equipment, low availability of credit resources, difficulties in obtaining permits and a shortage of qualified personnel. However, the Russian construction complex has significant growth potential due to large-scale housing construction, development of transport infrastructure and implementation of state programs for the modernization of housing and communal services. Compared to Western countries, Russian companies are less integrated globally, but are actively developing and adapting to new market conditions, mastering new technologies and expanding the geography of their activities. The purpose of the article is to study the components and structure of the construction market of the Russian Federation and foreign countries. The research methodology is based on the application of empirical research methods (comparison, analysis), as well as theoretical research (systematization, generalization, analogy, synthesis). The results of the study include a deep systematization of information on the components and structure of the construction market of the Russian Federation and abroad. The construction market is a complex system of interconnected participants that ensures the construction of real estate for various purposes. This study considers the composition and structure of the construction market of the Russian Federation and foreign countries separately. The foreign market is highly integrated and mature. The market structure is similar to the Russian market, but there are significant differences in the degree of development of individual elements. Conclusions. The Russian market has a pronounced state component and high concentration of ownership, while foreign markets are characterized by freedom of competition and a variety of forms of participation. The level of technological progress in Russian companies is lower, which is due to insufficient investment in modernization and low motivation of small businesses. There is a significant contribution of international companies and a wide range of financial instruments supporting investments in construction abroad. These factors determine the difference in approaches to project management, construction quality and prospects for further development of the construction complex.

---

# Анализ взаимосвязи занятости, производительности труда, экспорта и ВНД Республики Казахстан

**Ашимова Жанна Рахимовна**

кандидат экономических наук, ассистент-профессор,  
Алматинский технологический университет, г. Алматы, Республика Казахстан  
E-mail: zhanna\_15@bk.ru

**Абитов Жанай Зулкарнаинович**

Магистрант,  
Kcell, г. Алматы, Республика Казахстан  
E-mail: abitovpro@gmail.com

**Абитова Диана Зулкарнаиновна**

программист,  
Amazon, Восточный Пало-Альто, Калифорния, США  
E-mail: abitova97@mail.ru

**Уристебек Амина Мухтаровна**

Магистрант, начальник отдела экспортных продаж  
ТОО Dolce, г. Алматы, Республика Казахстан  
E-mail: abitova97@mail.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

валовый национальный доход ВНД, производительность труда, занятость, экспорт, Казахстан, корреляция, экономический рост

## АННОТАЦИЯ.

В статье рассматривается взаимосвязь между макроэкономическими показателями. В частности, между валовым национальным доходом (ВНД), занятостью, производительностью труда и экспортной активностью Республики Казахстан за период 2000–2024 годов. Актуальность исследования объясняется необходимостью выявления факторов, влияющих на экономический рост РК в условиях трансформации экономики страны и нестабильности. Цель работы заключается в оценке силы и направленности взаимосвязей между указанными показателями. Для этого использованы методы корреляционного анализа, графического сопоставления, PEST- и SWOT-анализа. По результатам анализа установлено, что ВНД демонстрирует положительную динамику. Наибольшее влияние на его рост оказывают производительность труда и экспорт товаров и услуг. Занятость показывает слабую корреляцию с ВНД. Проведённый SWOT-анализ выявил сильные стороны экономики (высокая производительность труда, экспортный потенциал), риски, связанные с сырьевой зависимостью и слабым развитием человеческого капитала. Научная новизна работы заключается в количественной оценке влияния факторов на ВНД и формулировке практических рекомендаций по развитию несырьевых направлений и повышению эффективности трудовых ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы при корректировке государственной экономической политики и разработке национальных программ устойчивого развития. Методы: корреляционный анализ, графическая интерпретация динамики, методы PEST и SWOT-анализа. Результаты: установлено, что производительность труда и экспортные показатели оказывают статистически значимое влияние на рост ВНД. Занятость демонстрирует слабую корреляцию с ВНД. Выводы: необходимо усиление политики, направленной на повышение эффективности трудовых ресурсов и развитие экспортного потенциала.

JEL codes: J20; J21; E01; F17; F43

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-120-134>

**Для цитирования:** Ашимова, Ж.Р. Анализ взаимосвязи занятости, производительности труда, экспорта и валового национального дохода Республики Казахстан / Ж.Р. Ашимова, Ж.З. Абитов, Д.З. Абитова, А.М. Уристебек. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.121-134. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

---

## **Введение**

Экономическая устойчивость страны определяется сбалансированным развитием макроэкономических показателей. Особое значение приобретают валовой национальный доход (ВНД), производительность труда, уровень занятости и внешнеэкономическая активность. Эти параметры выступают индикаторами эффективности функционирования национальной экономики. Взаимосвязи рассматриваемых показателей позволяют выявить приоритетные векторы развития и определить факторы, влияющие на экономическую динамику.

Современные вызовы, связанные с последствиями глобальной пандемии, усилением экономической и политической турбулентности и технологическими сдвигами в мировом хозяйстве, актуализируют задачу переосмысления источников роста. Республика Казахстан, вступившая на путь структурной модернизации и цифровой трансформации, демонстрирует положительные сдвиги в области ВНД и экспорта. Однако, сохраняются противоречия в темпах роста занятости и производительности труда. Несмотря на поддержку со стороны государства и наличие потенциала, структура роста остаётся неравномерной. Механизмы генерации дохода РК уязвимы к внешним воздействиям.

С учётом этих обстоятельств, особую значимость приобретает системный анализ взаимосвязей между указанными экономическими индикаторами. Отсутствие синхронности в их развитии может указывать на институциональные перекосы, дефицит инновационного потенциала или ограниченную инклюзивность экономического роста.

Научное осмысление корреляций между занятостью, производительностью труда, экспортом и ВНД Казахстана восполняет пробел в теоретических исследованиях, служит прикладной основой для формирования эффективной социально-экономической политики.

Объектом исследования выступает экономика Республики Казахстан в контексте анализа взаимосвязей её базовых макропоказателей. Предметом исследования является степень влияния занятости, производительности труда и экспортной активности на динамику ВНД. Целью является эмпирическая оценка корреляционных зависимостей указанных факторов за длительный период.

Гипотеза исследования состоит в том, что рост ВНД в Республике Казахстан обусловлен в большей степени производительностью труда и экспортом, нежели занятостью.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений по совершенствованию механизмов экономического регулирования, ориентированных на повышение эффективности трудовых ресурсов и диверсификацию источников роста.

Научная новизна заключается в выявлении и количественной оценке степени взаимосвязи между валовым национальным доходом и факторами экономического роста — занятостью, производительностью труда и экспортной активностью — на основе статистических данных по Республике Казахстан за 2000–2024 гг. В работе предложен структурированный подход к интерпретации экономических зависимостей с использованием корреляционного анализа, а также разработан аналитический инструментарий для обоснования направлений корректировки государственной политики в области занятости и экспорта.

## **Методы и материалы**

Применены методы исследования: корреляционного анализа (расчет коэффициентов Пирсона); сравнительно-графический анализ; PEST-анализ макросреды; SWOT-анализ выявленных факторов; обзор публикаций с использованием Cyberleninka и других индексируемых источников.

## **Литературный обзор**

Анализ научных публикаций показывает, что вопросы производительности труда, инновационного развития и влияния цифровизации на экономику рассматриваются в различных исследовательских направлениях. Условно все источники можно разделить на несколько групп.

#### 1. Исследования производительности труда и факторов её роста.

Важный блок литературы посвящён вопросам оценки и повышения эффективности труда. Так, Балацкий Е. В. и Екимова Н. А. рассматривают внутренние источники роста производительности в России, делая акцент на институциональных и структурных факторах. Долженко Р. А. и Малышев Д. С. анализируют эволюцию подходов к оценке производительности труда, а Смирнова Е. А., Постнова М. В. и Зотова Г. Г. акцентируют внимание на региональных факторах её повышения. Кипервар Е. А. и Побиянская А. В. исследуют эффективность труда в условиях цифровой экономики, а Козлова Е. И. оценивает влияние цифровизации на рынок труда. Дополняют данный блок работы Комаревцевой О. О., которая рассматривает показатели производительности на уровне регионов, и Смирновой И. В., анализирующей реализацию национального проекта «Производительность труда».

#### 2. Инновационное развитие и человеческий капитал.

Значительная часть исследований связана с изучением инновационной экономики и роли человеческого капитала. Так, Бережницкая У., Добровольская О., Уният Л. и др. обосновывают институциональные принципы развития инноваций в агробизнесе, а Гриценко П., Вороненко В., Коваленко Е. и соавт. рассматривают инновационную активность регионов Украины. Кузиор А. и Зозуляк Ю. предлагают адаптацию идеи фронтезиса к современным инновационным процессам, а в другой работе Кузиор А., Арефьева О., Ковальчук А. и коллеги определяют стратегические ориентиры интеллектуализации человеческого капитала. Мельник Л., Маценко О., Кубатко О. и др. вводят концепцию аддитивной экономики, а Шкарупа О., Власенко Д., Македон Х. и др. рассматривают трансфер инноваций в контексте экономики знаний. Гаврилов А. Л. вносит вклад в изучение проблем учёта и раскрытия человеческого капитала в финансовой отчётности.

#### 3. Финансово-экономические аспекты инноваций и роста.

Отдельный блок источников связан с взаимосвязью инноваций, финансового развития и экономического роста. Ислам М. А., Лю Х., Хан М. А. и соавт. исследуют влияние инвестиций и финансовой системы на рост экономики Китая. Мтар К. и Белазрег У. показывают причинно-следственные связи между инновациями и ростом в странах ОЭСР. Прадхан Р. П., Арвин М. Б. и Бахмани С. анализируют роль инноваций и финансового развития в стимулировании экономического роста с применением панельных моделей. Колодизиев О., Тельнова Х., Крупка И. и др. рассматривают пенсионные активы как фактор экономического развития, а Кониева Т. исследует влияние финансовой политики на стоимость долга. Москаленко Б., Люлев О. и Пимоненко Т. акцентируют внимание на инвестиционной привлекательности стран. В эту же группу можно отнести работы Гусейновой Л. и Гусейнова А., посвящённые международной торговле и инновациям, а также исследования Ястремской О., Строкович Х. и Гасимова Ф., которые анализируют инвестиции в инновации и логистику.

#### 4. Методологические подходы и прикладные исследования.

Ряд публикаций носят методологический характер. Классическая работа Грейнджера С. W. J. положила основу анализу причинно-следственных связей в экономике. Её развитие представлено у Раджбхандари А., Росси Б. и Ванга Ю., применяющих методы векторной авторегрессии для экономических исследований. Скляр И. Д. и Самойликова А. В. рассматривают оценку рисков в инновационно-инвестиционной деятельности. Стриелковский У., Самойликова А., Смутка Л. и коллеги проводят библиометрический анализ исследований по финансированию инноваций. Интерес представляют также работы Оловезе А., Угву П., Оконкво Р. и др., где анализируется поведение пользователей цифровых инноваций в здравоохранении, и Пахненко О., Куана З., посвящённые этике цифровых инноваций в государственном управлении.

Такое деление позволяет комплексно рассмотреть как теоретические, так и прикладные аспекты

взаимодействия инноваций, человеческого капитала и производительности труда в условиях цифровой трансформации экономики.

### Результаты и обсуждение

Анализ взаимосвязей между показателями валового национального дохода (ВНД), занятости, производительности труда и экспорта Республики Казахстан за 2000–2024 гг. позволил выявить закономерности экономического развития страны. В рамках исследования проведён сравнительный анализ динамики показателей, построены корреляционные связи и выполнена интерпретация взаимозависимостей на основе графического и табличного материала. Полученные результаты представлены в виде статистических графиков (рис. 1–7) и аналитических таблиц (табл. 1–5). На 1 рисунке показан валовый национальный доход, 2- занятое население, 3- график корреляции показателей ВНД и занятое население, 4- динамика производительности труда, 5- график корреляции показателей ВНД и производительность труда, 6- экспорт товаров и услуг в счете товаров и услуг, 7- график корреляции показателей ВНД и экспорт товаров и услуг.

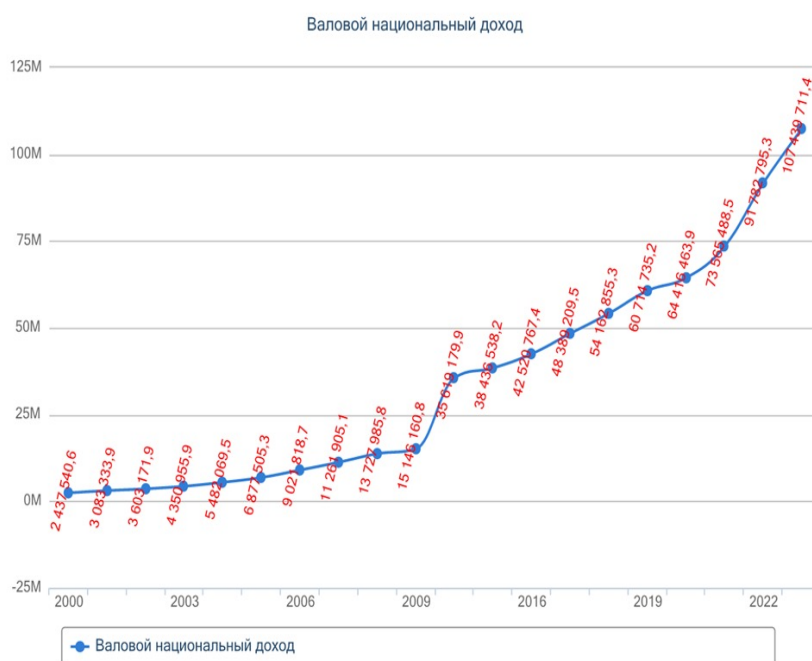


Рисунок 1 - Валовой национальный доход РК [33]

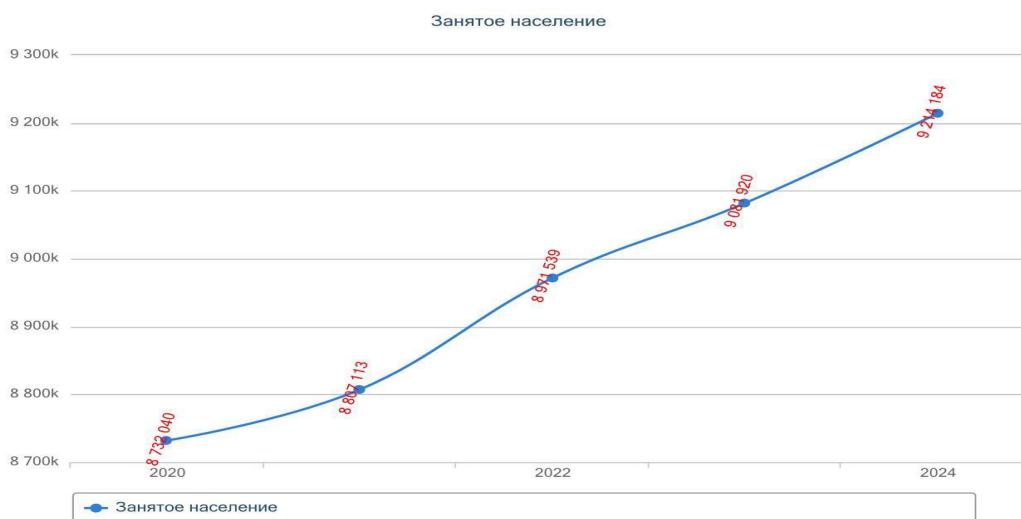
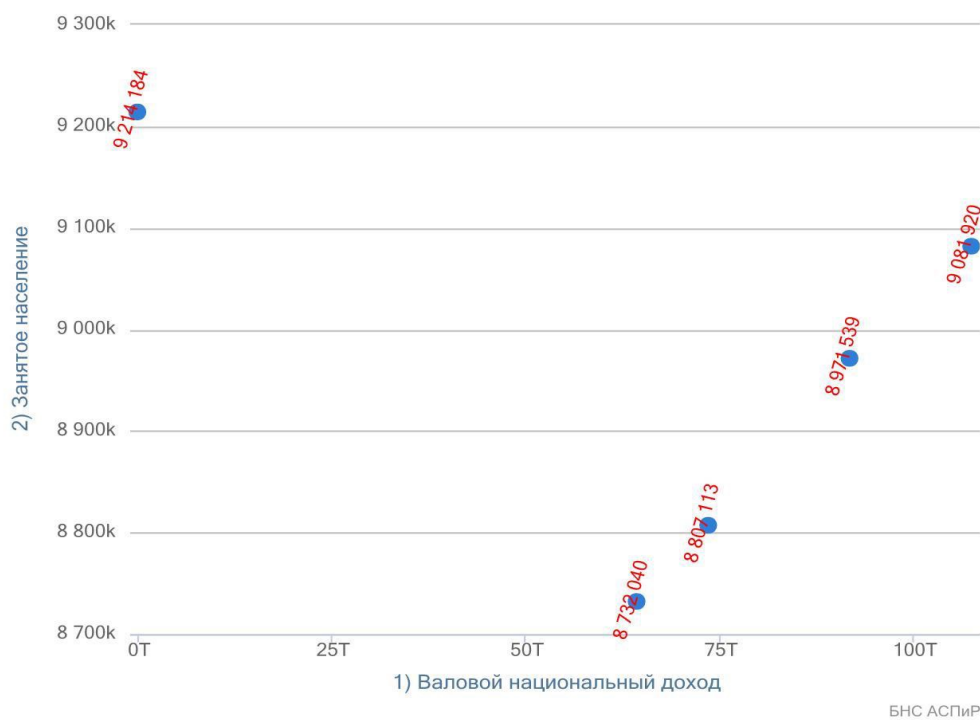


Рисунок 2 - Занятое население РК [33]



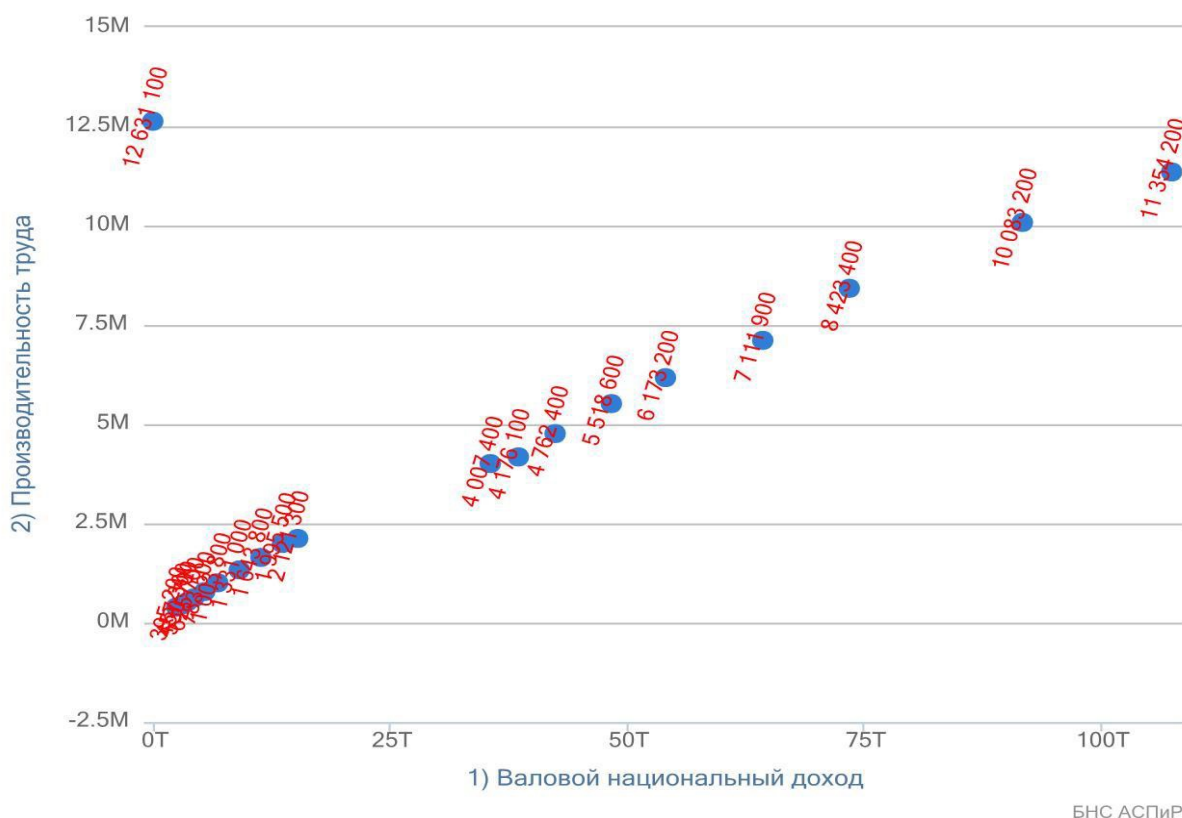


**Рисунок 3** - График корреляции показателей ВНД и занятое население РК [33]

Примечание: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.



**Рисунок 4** - Динамика производительности труда в РК [33]

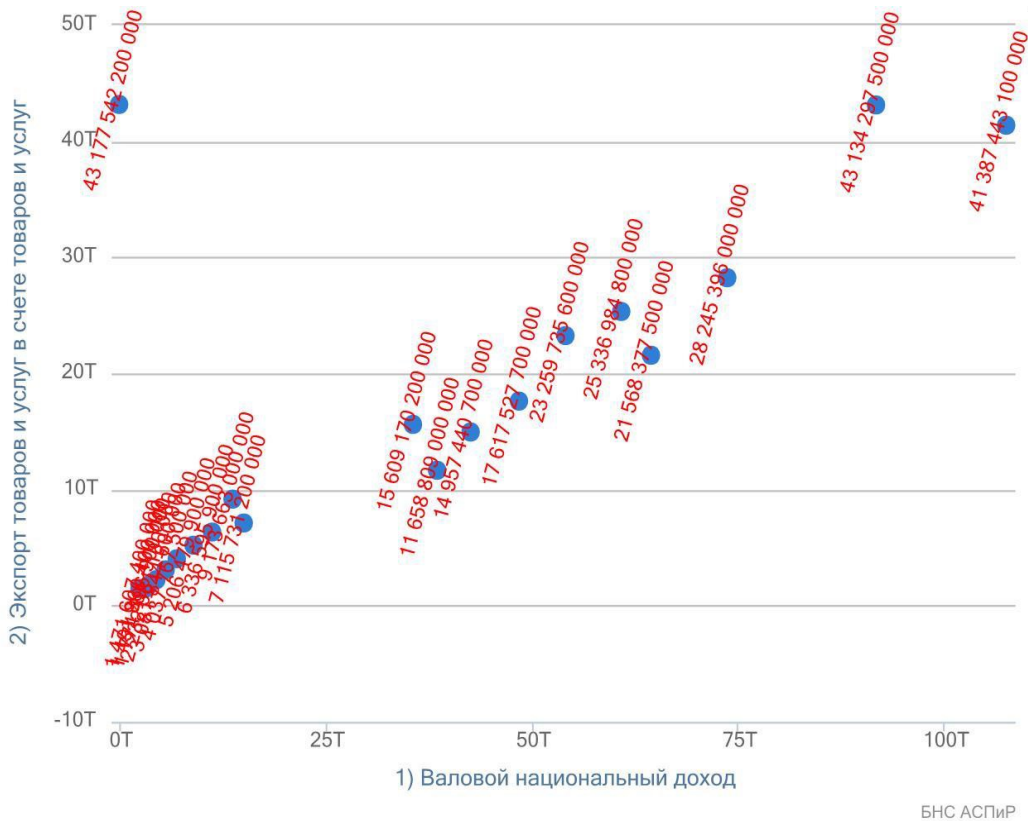


**Рисунок 5** - График корреляции показателей ВНД и производительность труда РК [33]

Примечание: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.



**Рисунок 6** - Экспорт товаров и услуг в счете товаров и услуг в РК [33]



**Рисунок 7** - График корреляции показателей ВНД и экспорт товаров и услуг в РК [33]

Примечание: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.

В таблице 1 показана корреляция между экономическими показателями в Республике Казахстан (2000–2024). В таблице 2 показан SWOT-анализ экономики РК на основе анализа взаимосвязей анализируемых показателей РК. В таблице 3 показан анализ тенденций, тренда по показателям ВНД, занятое население, производительность труда и экспорт товаров и услуг В таблице 4 показан PEST-анализ макроэкономической среды Казахстана. В таблице 5 показан анализ выявленных проблем и рекомендации по их устранению.

**Таблица 1** – Корреляция между экономическими показателями в Республике Казахстан (2000–2024)

Показатель 1	Показатель 2	Корреляция	Пояснение
Валовой национальный доход (ВНД)	Занятое население	-0.0628	Очень слабая отрицательная корреляция. Рост ВНД почти не влияет на занятость.
Валовой национальный доход (ВНД)	Производительность труда	0.8512	Сильная положительная связь. Рост ВНД сопровождается ростом производительности.

Показатель 1	Показатель 2	Корреляция	Пояснение
Валовой национальный доход (ВНД)	Экспорт товаров и услуг	0.869	Сильная положительная связь. Рост экспорта связан с увеличением ВНД.

Примечание: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.

**Таблица 2** – SWOT-анализ экономики РК на основе анализа взаимосвязей показателей

Сильные стороны	Слабые стороны
Высокая производительность труда	Слабая корреляция ВНД с занятостью
Развитая экспортная инфраструктура	Экономика зависит от сырьевого сектора
Возможности	Угрозы
Рост несырьевого экспорта	Ценовая нестабильность на внешних рынках
Цифровизация экономики	Миграция квалифицированной рабочей силы
Диверсификация рынков	Экономическая стагнация в периоды кризисов

Примечание: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.

Валовой национальный доход демонстрирует рост, особенно после 2016 года. Это говорит об улучшении макроэкономических показателей страны.

Занятое население увеличивается. Это может свидетельствовать об улучшении условий на рынке труда и росте экономической активности.

Производительность труда демонстрирует положительную динамику на протяжении двух десятилетий, особенно с 2017 года. Это указывает на усиление роли технологических факторов, цифровизации и повышения квалификации работников как драйверов экономического роста. Страны с растущей производительностью демонстрируют более устойчивую макроэкономическую динамику, что наблюдается и в Казахстане.

**Таблица 3** – Анализ тенденций по показателям ВНД, занятое население, производительность труда и экспорт товаров и услуг

Показатель	Годы охвата	Тенденция (тренд)	Примечания
Валовой национальный доход (ВНД)	2000–2023	Устойчивый рост с небольшими колебаниями	С 2,4 млн до 111,4 млн; резкий рост после 2016 года.
		Замедление в 2008–2009, 2015–2016	Связано с мировыми кризисами.
		Активное ускорение с 2020 года	Особенно после 2021: с 91,7 до 111,4 млн.
Занятое население	2019–2024	Плавный рост	С 8,73 до 9,24 млн человек.
		Среднегодовой прирост 100–150 тыс.	Рост устойчив, без скачков.
Производительность труда	2000–2023	Рост с волатильностью	Снижение в 2009 г., ускорение после 2017 г.
		Устойчивый рост с 2020 года	Связан с цифровизацией и инвестициями.

Показатель	Годы охвата	Тенденция (тренд)	Примечания
Экспорт товаров и услуг	2000–2023	Рост с колебаниями	Зависим от сырьевой конъюнктуры и глобального спроса.
		Снижение в 2015 и 2020 гг.	Из-за внешнеэкономических шоков и пандемии.
		Восстановление после 2021 г.	Благодаря росту внешнего спроса.

Источник: составлено авторами по данным статистики Республики Казахстан.

Экспорт товаров и услуг, несмотря на волатильность, в долгосрочной перспективе оказывает положительное влияние на ВВП. Значение экспорта как экзогенного фактора экономического роста подтверждается сильной корреляцией с ВВП. При этом зависимость от сырьевой составляющей делает экономику уязвимой к глобальным шокам. Это проявилось в периоды кризисов 2015 и 2020 годов.

Анализ взаимосвязей между показателями подтверждает структурную трансформацию экономики Казахстана — от трудозатратной к более капиталоемкой и экспортно-ориентированной модели. Наблюдается смещение акцента с экстенсивного роста за счёт численности занятых на интенсивный рост за счёт производительности и внешнеэкономической активности.

Слабая зависимость между занятостью и ВВП указывает на ограниченную инклюзивность роста: рост экономики не в полной мере сопровождается ростом занятости. Требуются усилия в области политики занятости и формирования человеческого капитала.

**Таблица 4** – PEST-анализ макроэкономической среды Казахстана

Фактор	Описание
Политический	Государственные инициативы по цифровизации и экспортной политике
Экономический	Зависимость от экспорта, ВВП растет, но занятость реагирует слабо
Социальный	Рост квалификации работников и улучшение демографии
Технологический	Активное внедрение ИКТ, влияние автоматизации на занятость

Источник: составлено авторами.

**Таблица 5** – Анализ выявленных проблем и рекомендации по их устранению

Проблема	Рекомендации по устранению проблем
Слабая связь между ВВП и занятостью	Повышение эффективности рынка труда, стимулирование МСБ
Сырьевая направленность экспорта	Диверсификация экспортных отраслей
Недостаток квалифицированной рабочей силы	Развитие системы профессионального образования
Зависимость от внешних цен	Укрепление внутреннего рынка и технологическая автономия
Ограниченное влияние инноваций на занятость	Инвестирование в НИОКР и цифровые платформы

Источник: составлено авторами.



Проведённый количественный и качественный анализ позволил установить взаимосвязи между макроэкономическими показателями Республики Казахстан. Полученные данные указывают на положительную динамику валового национального дохода при высоком уровне зависимости от экспорта и производительности труда, а также на слабую вовлечённость занятости в механизм экономического роста. Это свидетельствует о смещении модели развития в сторону капиталоемкой и экспортно-ориентированной экономики. Это в краткосрочной перспективе обеспечивает рост, но в долгосрочном плане требует структурной корректировки.

Результаты анализа (табл. 1–5; рис. 1–7) подтверждают актуальность перехода от сырьевой зависимости к устойчивой диверсифицированной экономике, в которой рост ВНД обеспечивается внешнеэкономическими факторами, внутренним рынком, инновациями и квалифицированной рабочей силой. Выводы могут служить эмпирической базой для совершенствования государственной политики в области занятости, образования, внешней торговли и цифровой трансформации экономики.

Результаты подтверждают выводы об асимметричном влиянии факторов: рост ВНД в РК обусловлен преимущественно незанятостью, а производительностью труда и экспортом. Это отражает переход к капиталоемкой модели развития. Стратегические решения должны быть направлены на развитие человеческого капитала и несырьевых отраслей.

Экономический рост в Республике Казахстан в последние два десятилетия преимущественно обеспечивался за счёт роста производительности труда и экспортной активности, а не за счёт количественного увеличения занятости. Это согласуется с положениями, представленными в исследовании Балацкого Е.В. и Екимовой Н.А.: внутренние источники роста производительности труда становятся основой долгосрочной устойчивости макроэкономических показателей, в том числе валового национального дохода (ВНД).

Кипервар Е.А. и Побиянская А.В. показали что, влияние цифровизации приводит к трансформации трудового рынка, снижая потребность в ручном труде и повышая требования к квалификации. Подобные эффекты могут объяснять наблюдаемую слабую корреляцию между ростом ВНД и занятостью в РК — ВНД растёт, а занятость сохраняется на стабильном уровне.

Результаты подтверждают выводы Козловой Е.И. о том, что цифровизация способствует не столько созданию новых рабочих мест, сколько изменению их структуры. Это смещает акцент с экстенсивного на интенсивное развитие: увеличение ВНД достигается не через рост занятости, а через более эффективное использование труда. Это согласуется с высокими значениями корреляции между ВНД и производительностью.

Региональные аспекты производительности, освещённые в статье Смирновой Е.А., Постновой М.В. и Зотовой Г.Г., также находят подтверждение в казахстанских реалиях: регионы с более высоким уровнем инвестиций в человеческий капитал демонстрируют лучшие показатели ВНД на душу населения, несмотря на схожие уровни занятости. Это подчёркивает необходимость учёта территориальной неоднородности при формировании государственной политики в области занятости и экспорта.

Исследование Сыздыкбаевой А., Жаксылык С. и Жанашовой Д. доказало, что экспорт в Казахстане зависит от сырьевых товаров. Наблюдаемая в настоящем исследовании сильная положительная корреляция между экспортом и ВНД подтверждает, что рост экспорта является как фактором, так и следствием увеличения ВНД. Вместе с тем, данная зависимость уязвима к внешним шокам, что делает необходимым переход к модели несырьевого экспорта и углублённой диверсификации внешнеэкономической деятельности.

Совокупность факторов, влияющих на ВНД, подтверждает доминирование капиталоемкой модели роста, опирающейся на технологии, экспорт и производительность труда, но отчасти игнорирующей занятость как самостоятельный фактор роста. Это требует пересмотра стратегических ориентиров социально-экономической политики в сторону более инклюзивного и сбалансированного

подхода.

Научная новизна работы заключается в эмпирическом подтверждении слабой зависимости между занятостью и ростом валового национального дохода (ВНД) в условиях Республики Казахстан. Одновременно установлена сильная корреляция между производительностью труда, экспортной активностью и ростом ВНД. В статье впервые выполнена системная оценка взаимосвязей макроэкономических показателей с использованием комплексного инструментария (корреляционного, PEST и SWOT-анализов) на длительном временном ряде (2000–2024 гг.). Сделан вывод о смещении модели экономического роста Казахстана в сторону капиталоемкого развития.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при разработке государственной экономической политики, направленной на повышение эффективности трудовых ресурсов, стимулирование несырьевого экспорта и диверсификацию источников экономического роста. Предложенные меры и выводы могут быть использованы Министерством национальной экономики РК, агентствами по стратегическому планированию, а также в рамках реализации национальных проектов в сфере производительности и занятости.

#### **Направления для дальнейших исследований:**

1. Расширение временного горизонта анализа — с учётом постпандемийного периода, включая данные за 2025–2030 гг.
2. Региональная детализация — анализ взаимосвязей ВНД, занятости, экспорта и производительности на уровне областей и мегаполисов РК.
3. Секторная декомпозиция — изучение различий влияния производительности труда и экспорта в промышленности, АПК, ИКТ и сфере услуг.
4. Моделирование причинно-следственных связей — применение эконометрических моделей (VAR, регрессионный анализ, факторный анализ).
5. Институциональные факторы — исследование влияния инвестиций в человеческий капитал, предпринимательскую среду и инновационную инфраструктуру на указанные взаимосвязи.

#### **Заключение**

ВНД демонстрирует устойчивый рост, но требует балансировки за счёт структурной перестройки.

Для устойчивого роста необходимо: стимулировать экспорт несырьевых товаров, повысить производительность через образование и цифровизацию, усилить занятость за счёт создания рабочих мест в высокотехнологичных секторах.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Внутренние источники роста производительности труда в России // Мир новой экономики. – 2020. – № 2. – С. 32–43. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-istochniki-rosta-proizvoditelnosti-truda-v-rossii>](<https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-istochniki-rosta-proizvoditelnosti-truda-v-rossii>)
2. Бережницкая У., Добровольская О., Уният Л., Шевченко А., Хорищенко Ю., Халаз Л. Institutional principles of intensifying the innovative development of small and medium agribusiness // Журнал сельского хозяйства и сельскохозяйственных культур. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 275–282. – DOI: [<https://doi.org/10.32861/jac.84.275.282>](<https://doi.org/10.32861/jac.84.275.282>)
3. Гаврилов А. Л. Человеческий капитал: перспективы учета и раскрытия в финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 1. – С. 18–22. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-perspektivy-ucheta-i-raskrytiya-v-finansovoy-otchetnosti>](<https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-perspektivy-ucheta-i-raskrytiya-v-finansovoy-otchetnosti>)
4. Грейнджер С. W. J. Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods // Эконометрика. – 1969. – Т. 37. – С. 424–438. – DOI: [<https://doi.org/10.2307/1912791>](<https://doi.org/10.2307/1912791>)
5. Гриценко П., Вороненко В., Коваленко Е., Курман Т., Омеляненко В. Assessment of the development of innovation activities in the regions: Case of Ukraine // Проблемы и перспективы в управлении. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 77–88. – DOI: [[https://doi.org/10.21511/ppm.19\(4\).2021.07](https://doi.org/10.21511/ppm.19(4).2021.07)]([https://doi.org/10.21511/ppm.19\(4\).2021.07](https://doi.org/10.21511/ppm.19(4).2021.07))
6. Гусейнова Л., Гусейнов А. Управление международной торговлей в контексте обеспечения инновационного развития // Маркетинг и управление инновациями. – 2023. – № 1. – С. 87–98. – DOI: [<https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-08>](<https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-08>)
7. Долженко Р. А., Малышев Д. С. Развитие подходов к производительности труда и ее оценке // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 12. – С. 1577–1590. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-podhodov-k-proizvoditelnosti-truda-i-ee-otsenke>](<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-podhodov-k-proizvoditelnosti-truda-i-ee-otsenke>)
8. ИНСЕД. Глобальный индекс инноваций 2011: Accelerating Growth and Development. – Франция: Фонтенбло, 2011. – 381 с.
9. Ислам М. А., Лю Х., Хан М. А., Реза С. М., Яхья Ю. Э., Насрин Л. Причинная взаимосвязь между экономическим ростом, углублением финансовой системы, прямыми иностранными инвестициями и инновациями: данные из Китая // Asian Economic and Financial Review. – 2018. – Т. 8, № 8. – С. 1086–1101. – DOI: [<https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2018.88.1086.1101>](<https://doi.org/10.18488/journal.aefr.2018.88.1086.1101>)
10. Кипервар Е. А., Побиянская А. В. Эффективность труда в условиях развития цифровой экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2020. – № 2 (34). – С. 104–110. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-truda-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki>](<https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-truda-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki>)
11. Козлова Е. И. Влияние цифровизации на рынок труда // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 10 (444). – С. 70–77. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-rynok-truda-1>](<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-rynok-truda-1>)
12. Колодизиев О., Тельнова Х., Крупка И., Кульчицкий М., Сочинская-Сибирцева И. Пенсионные активы как инвестиция в экономический рост: на примере постсоциалистических стран и Украины // Инвестиционный менеджмент и финансовые инновации. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 166–174. – DOI: [[https://doi.org/10.21511/imfi.18\(3\).2021.15](https://doi.org/10.21511/imfi.18(3).2021.15)]([https://doi.org/10.21511/imfi.18\(3\).2021.15](https://doi.org/10.21511/imfi.18(3).2021.15))
13. Комаревцева О. О. Производительность труда: показатели и направления развития экономики

российского региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 168–187. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/proizvoditelnost-truda-pokazateli-i-napravleniya-razvitiya-ekonomiki-rossiyskogo-regiona>](<https://cyberleninka.ru/article/n/proizvoditelnost-truda-pokazateli-i-napravleniya-razvitiya-ekonomiki-rossiyskogo-regiona>)

14. Кониева Т. Влияние финансовой политики на стоимость долга // Управление инвестициями и финансовые инновации. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 177–189. – DOI: [[https://doi.org/10.21511/imfi.18\(4\).2021.16](https://doi.org/10.21511/imfi.18(4).2021.16)](<https://doi.org/10.21511/imfi.18%284%29.2021.16>)

15. Кузиор А., Зозуляк Ю. Адаптация идеи фронтезиса в современном подходе к инновациям // Systems of Production Engineering. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 84–87. – DOI: [<https://doi.org/10.1515/mspe-2019-0014>](<https://doi.org/10.1515/mspe-2019-0014>)

16. Кузиор А., Арефьева О., Ковальчук А., Брожек П., Тытыкало В. Стратегические ориентиры интеллектуализации человеческого капитала в контексте инновационной трансформации // Sustainability. – 2022. – Т. 14, № 19. – DOI: [<https://doi.org/10.3390/su141911937>](<https://doi.org/10.3390/su141911937>)

17. Мельник Л., Маценко О., Кубатко О., Корнеев М., Туляков О. Аддитивная экономика и новые горизонты развития инновационного бизнеса // Проблемы и перспективы в менеджменте. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 175–185. – DOI: [[https://doi.org/10.21511/ppm.20\(2\).2022.15](https://doi.org/10.21511/ppm.20(2).2022.15)](<https://doi.org/10.21511/ppm.20%282%29.2022.15>)

18. Москаленко Б., Люлев О., Пимоненко Т. Инвестиционная привлекательность стран: взаимосвязь между основными аспектами // Научный экономический форум. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 153–172. – DOI: [[https://doi.org/10.23762/FSO\\_VOL10\\_NO2\\_8](https://doi.org/10.23762/FSO_VOL10_NO2_8)]([https://doi.org/10.23762/FSO\\_VOL10\\_NO2\\_8](https://doi.org/10.23762/FSO_VOL10_NO2_8))

19. Мтар К., Белазрег У. Причинно-следственная связь между инновациями, финансовым развитием и экономическим ростом: на примере стран ОЭСР // Journal of the Knowledge Economy. – 2021. – Т. 12. – С. 310–341. – DOI: [<https://doi.org/10.1007/s13132-020-00628-2>](<https://doi.org/10.1007/s13132-020-00628-2>)

20. Оловезе А. О., Угву П. А., Оконкво Р. В. О., Океке В. С., Чуквуоймс К., Ахайве Е. О. Факторы, определяющие поведенческое намерение конечных пользователей рекомендовать инновации m-health: многогрупповой анализ // Health Economics and Management Review. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 17–31. – DOI: [<https://doi.org/10.21272/hem.2022.3-02>](<https://doi.org/10.21272/hem.2022.3-02>)

21. Пахненко О., Куан З. Этика цифровых инноваций в государственном управлении // Business Ethics and Leadership. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 113–121. – DOI: [[https://doi.org/10.21272/bel.7\(1\).113-121.2023](https://doi.org/10.21272/bel.7(1).113-121.2023)](<https://doi.org/10.21272/bel.7%281%29.113-121.2023>)

22. Прадхан Р. П., Арвин М. Б., Бахмани С. Являются ли инновации и финансовое развитие определяющими факторами экономического роста? Данные панельного теста Грейнджера на причинно-следственную связь // Technological Forecasting and Social Change. – 2018. – Т. 132. – С. 130–142. – DOI: [<https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.024>](<https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.01.024>)

23. Раджбхандари А. Векторная авторегрессия: моделирование, оценка и логический вывод в Stata // The Stata Blog. – 2016. – URL: [<http://blog.stata.com/2016/02/18/vector-autoregressionsimulation-estimationand-inference-in-stata>](<http://blog.stata.com/2016/02/18/vector-autoregressionsimulation-estimationand-inference-in-stata>)

24. Росси Б., Ванг Ю. Тест причинности Грейнджера на основе векторной авторегрессии при нестабильностях // Stata Journal. – 2019. – Т. 19. – С. 883–899. – DOI: [<https://doi.org/10.1177/1536867X19893631>](<https://doi.org/10.1177/1536867X19893631>)

25. Скляр И. Д., Самойликова А. В. Оценка рисков при финансировании инновационной и инвестиционной деятельности предприятий // Актуальные проблемы экономики. – 2014. – № 161(11). – С. 173–178. – URL: [[https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80841/1/Skliar\\_riskiness.pdf](https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80841/1/Skliar_riskiness.pdf)]([https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80841/1/Skliar\\_riskiness.pdf](https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstreamdownload/123456789/80841/1/Skliar_riskiness.pdf))



26. Смирнова Е. А., Постнова М. В., Зотова Г. Г. Оценка факторов повышения производительности труда в регионе // Вестник аграрной науки. – 2019. – № 6(81). – С. 135–144. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-povysheniya-proizvoditelnosti-truda-v-regione>](<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-povysheniya-proizvoditelnosti-truda-v-regione>)
27. Смирнова И. В. Оценка эффективности национального проекта «Производительность труда» // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2024. – № 2. – С. 117–126. – URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-natsionalnogo-proekta-proizvoditelnost-truda>](<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-natsionalnogo-proekta-proizvoditelnost-truda>)
28. Спешилова Н. В., Дорофеева Л. А. Экономика и управление: проблемы, решения // Экономика и управление. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 96–106. – URL: [<https://elibrary.ru/item.asp?id=80467435>](<https://elibrary.ru/item.asp?id=80467435>)
29. Стриелковский У., Самойликова А., Смутка Л., Сивин Л., Лионов С. Основные тенденции в межотраслевых исследованиях по финансированию инноваций в коммерческих компаниях: библиометрический анализ // Journal of Innovation and Knowledge. – 2022. – Т. 7, № 4. – DOI: [<https://doi.org/10.1016/j.jik.2022.100271>](<https://doi.org/10.1016/j.jik.2022.100271>)
30. Шкарупа О., Власенко Д., Македон Х., Билан С., Серафимова Д. Экономика знаний и передача инноваций: прогресс Украины сквозь призму европейских тенденций развития // Knowledge and Performance Management. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 100–113. – DOI: [[https://doi.org/10.21511/kpm.06\(1\).2022.09](https://doi.org/10.21511/kpm.06(1).2022.09)]([https://doi.org/10.21511/kpm.06\(1\).2022.09](https://doi.org/10.21511/kpm.06(1).2022.09))
31. Сыздыкбаева А., Жаксылык С., Жанашова Д. Влияние экспорта и импорта на национальный доход Казахстана // Qainar Journal of Social Science. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 50–67. – DOI: [<https://doi.org/10.58732/2958-7212-2024-1-50-67>](<https://doi.org/10.58732/2958-7212-2024-1-50-67>)
32. Ястремска О., Строкович Х., Гасимов Ф. Relationship of investment in innovation and logistics activity in the conditions of the experience economy development // Маркетинг и управление инновациями. – 2023. – № 1. – С. 12–23. – DOI: [<https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-02>](<https://doi.org/10.21272/mmi.2023.1-02>)
33. Показатели индустриально-инновационного развития Республики Казахстан (2017-2024 годы) [Электронный ресурс] / Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики. — Режим доступа: [<https://stat.gov.kz/api/iblock/element/113866/file/ru/>]



# Analysis of the relationship between employment, labor productivity, exports and gross national income of the Republic of Kazakhstan

## Ashimova Zhanna Rakhimovna

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor,  
Almaty Technological University, Republic of Kazakhstan  
E-mail: zhanna\_15@bk.ru

## Abitov Zhanai Zulkarnainovich

master's student  
Kcell, Republic of Kazakhstan, Almaty,  
E-mail: abitovpro@gmail.com

## Abitova Diana Zulkarnainovna

programmer  
Amazon, USA, East Palo Alto, California  
E-mail: abitova97@mail.ru

## Uristembebek Amina Mukhtarovna

Head of the Export Sales Department  
Dolce LLP, Republic of Kazakhstan, Almaty  
E-mail: abitova97@mail.ru

---

### KEYWORDS.

gross national income (GNI), labor productivity, employment, exports, Kazakhstan, correlation, economic growth

### ABSTRACT.

The article examines the relationship between macroeconomic indicators. In particular, the relationship between gross national income (GNI), employment, labor productivity and export activity of the Republic of Kazakhstan for the period 2000-2024. The relevance of the study is explained by the need to identify factors affecting the economic growth of the Republic of Kazakhstan in the context of economic transformation and instability. The purpose of the work is to assess the strength and direction of the relationships between these indicators. For this purpose, the methods of correlation analysis, graphical comparison, PEST and SWOT analysis were used. According to the results of the analysis, it was found that the GNI demonstrates a positive trend. Labor productivity and exports of goods and services have the greatest impact on its growth. Employment shows a weak correlation with GNI. The SWOT analysis revealed the strengths of the economy (high labor productivity, export potential), risks associated with commodity dependence and weak development of human capital. The scientific novelty of the work consists in quantifying the influence of factors on GNI and formulating practical recommendations for the development of non-resource areas and improving the efficiency of labor resources. The results obtained can be used in the adjustment of state economic policy and the development of national sustainable development programs. Methods: correlation analysis, graphical interpretation of dynamics, PEST and SWOT analysis methods. Results: it was found that labor productivity and export indicators have a statistically significant impact on the growth of GNI. Employment shows a weak correlation with GNI. Conclusions: it is necessary to strengthen policies aimed at increasing the efficiency of labor resources and developing export potential.

---

# Основные аспекты и тенденции в управлении цепочками стоимости в условиях глобальных изменений

Гвоздева Валерия Артёмовна 

Аспирант

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: va.gvozdeva@mail.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цепочки создания стоимости, цифровая трансформация, SWOT-анализ, устойчивое развитие, управление рисками, глобальная экономика

## АННОТАЦИЯ

Цепочки стоимости являются одним из ключевых направлений исследований развития современной мировой экономики. В статье рассматриваются ключевые аспекты управления цепочками стоимости в условиях современных глобальных вызовов, включая цифровизацию, геополитическую нестабильность и усиление роли устойчивого развития. Сегодня происходит трансформация цепочек стоимости из линейных моделей в сложные сетевые структуры, охватывающие множество стран и участников. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей, большие данные и прочее) на повышение гибкости и устойчивости цепочек, а также необходимости баланса между экономической эффективностью и экологической ответственностью. В качестве методологической основы применяется SWOT-анализ, позволяющий оценить сильные и слабые стороны цепочек стоимости, а также определить внешние возможности и угрозы. В статье выделены ключевые стратегии управления: активное развитие, защита от рисков, преодоление слабостей за счет возможностей и минимизация угроз. На примере промышленного производства показано, как экономические субъекты могут адаптироваться к изменениям, используя диверсификацию поставщиков, цифровизацию и государственные программы поддержки. В условиях глобальной турбулентности успешное управление цепочками стоимости требует комплексного подхода, сочетающего гибкость, технологическую интеграцию и устойчивые практики. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по повышению устойчивости цепочек стоимости, включая внедрение инновационных технологий, создание адаптивных систем управления рисками и развитие стратегических партнерств. Представленные результаты позволяют перейти к дальнейшим исследованиям, касающимся более детального рассмотрения цепочек стоимости в контексте интеграционного взаимодействия экономических субъектов.

**JEL codes:** C51; F44; F62

**DOI:** <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-135-148>

**Для цитирования:** Гвоздева, В.А. Основные аспекты и тенденции в управлении цепочками стоимости в условиях глобальных изменений / В.А. Гвоздева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 7. - С.135-148. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Сегодня в условиях глобализации и деглобализации, цифровизации и повышенной нестабильности внешней среды на передний план развития в мировой экономике выходят новые ключевые элементы, одним из которых являются цепочки стоимости (ЦС). Происходящие трансформационные процессы затрагивают не только сами цепочки, но и модели управления ими, вынуждая правительства и компании пересматривать свои стратегии.

Эффективное управление ЦС – это не только оптимизация происходящих внутри процессов, но и учет внешних факторов, включая геополитические риски, изменения в экологии и многое другое. Оно требует комплексного и системного учета постоянно меняющихся факторов глобального

характера, которые оказывают непосредственное влияние на устойчивость и конкурентоспособность ЦС.

В данных условиях особую актуальность приобретает исследование основных аспектов и тенденций, влияющих на трансформацию ЦС. Такого рода технологии, как искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей позволяют повысить устойчивость и гибкость ЦС. Параллельно с этим усиливается роль устойчивого развития, что приводит к переориентации экономических агентов на экологические и социальные принципы. Возникает вопрос о необходимости соблюдения баланса между экономической эффективностью и ответственностью перед обществом и окружающей средой. Кроме того, пандемия коронавируса 2020 года, а также последующие кризисы продемонстрировали уязвимость ЦС и активизировали поиск новых моделей управления.

В данной статье рассматриваются основные тенденции и аспекты управления ЦС в условиях происходящих глобальных изменений, включая цифровую трансформацию, устойчивое развитие и адаптацию к нестабильности. Основная цель статьи заключается в анализе ключевых вызовов и выработке стратегий по их преодолению.

### Методы исследования

Цепочки стоимости (ЦС) можно определить как последовательность определенных конкретных действий, формирующих механизм, определяющий процесс производства и распределения товара или услуги по всему миру. Таким образом, ЦС – это сложная система взаимосвязанных процессов, охватывающая полный цикл от проектирования продукта до его послепродажного обслуживания. Концепция ЦС впервые была систематизирована М. Портером в 1985 году [20]. Эволюция данной концепции прошла сложный путь от простой линейной модели до сложных сетевых структур, которые охватывают множество стран и участников. В современных условиях ЦС – это интегрированная система взаимосвязанных бизнес-процессов, где различные этапы производства имеют широкое географическое распределение по различным континентам.

Современные исследования в области управления ЦС подчеркивают их стратегическую важность для обеспечения устойчивого развития бизнеса и мировой экономики в целом. ЦС с внедренными технологиями по оптимизации процессов демонстрируют более высокие показатели рентабельности – на 15–20% выше, чем у конкурентов, которые не используют данные механизмы в своей деятельности [21].

Эволюция ЦС в последнее время характеризуется значимыми тенденциями, имеющими взаимосвязь с трансформационными процессами в мировой экономике [1]. Происходит переход к более региональным и гибким моделям взаимодействия. Наиболее явно данная тенденция проявляется после пандемии COVID-19. Кроме того, пандемия коронавируса способствовала ускоренному процессу цифровизации. Возросло значение цифровых технологий во всех сферах, в том числе и в ЦС [10]. Цифровые технологии позволяют создавать «умные цепочки» с возможностью автоматической оптимизации в реальном времени, что в свою очередь положительно сказывается как на конкретной ЦС, так и на экономике в целом [2,3].

Также еще одним из значимых изменений, ставших последствием усиленного влияния цифровых технологий в сфере ЦС стал массовый переход к удаленному мониторингу и управлению активами через инновационные технологии. Использование данных инструментов повышает прозрачность и предсказуемость логистики, позволяя отслеживать этапы ЦС и оперативно реагировать на сбои. Кроме того, инновационные цифровые технологий используются в целях моделирования и оптимизации процессов без прерывания производственного цикла. Данные изменения приводят к тому, что формируются более гибкие и устойчивые ЦС, которые быстро адаптируются к новым вызовам. Таким образом, цифровая трансформация является инструментом оптимизации в условиях критических событий для обеспечения непрерывности процессов.

Еще одной значительной тенденцией является усиливающийся акцент на экологических аспектах. Растет контроль экологической и социальной составляющих ЦС. Контроль включает в

себя анализ на всех этапах: от происхождения сырья с низким углеродным следом до утилизации продукции. Все это в свою очередь требует переосмысления традиционных подходов к управлению и разработке новых стратегических моделей.

Участники ЦС вынуждены внедрять системы производства, когда отходы минимизируются, а материалы используются повторно. Таким образом, разрабатываются новые стратегические модели, интегрирующие устойчивое развитие в ядро всех процессов. Внедряются технологии, позволяющие точно измерять углеродный след каждого звена ЦС. Ключевым индикатором успешности и стабильности становится ESG-отчетность. Можно говорить о том, что экологический фактор становится катализатором в области ЦС и экономики в целом. В конечном итоге, формирующийся сегодня «зеленые» цепочки становятся новым стандартом.

Таким образом, в современных условиях ЦС представляют собой масштабные транснациональные сети, где различные этапы располагаются в разных частях мира, что усложняет их управление [13]. Управление ЦС – это интеграция необходимых для осуществления всех этапов производственного цикла ресурсов – от сырья до инструментов послепродажного обслуживания. Этот системный подход предполагает постепенную оптимизацию каждого процесса в целях достижения долгосрочного успеха, максимальной отдачи при наименьших затратах и создания конкурентного преимущества.

Современное управление ЦС – это комплексный подход, направленный на интеграцию и координацию всех звеньев системы, включающий в себя: стратегическое планирование; оптимизацию логистических потоков; управления взаимосвязями; внедрение цифровых решений.

Такой подход выходит за рамки простой операционной логистики, формируя ключевую стратегическую функцию, определяющую уровень конкурентоспособности. Фундамент современного управления ЦС – это стратегическое планирование, которое включает в себя прогнозирование рыночных трендов, оценку рисков и разработку сценариев развития на долгосрочный период. Кроме того, оптимизация логистических потоков, которая осуществляется за счет применения современных технологий, позволяет снизить затраты и сократить сроки. Что касается такого аспекта, как управление взаимосвязями, то на современном этапе оно трансформировалось в экосистему, где обмен данными в реальном времени позволяет синхронизировать все процессы и показатели.

Как было сказано ранее, особое значение занимают цифровые технологии. Внедрение цифровых решений, таких как платформы на базе интернета вещей или IoT для отслеживания активов, технологий блокчейна для обеспечения прозрачности и кибербезопасности, а также ERP-системы, объединяющие все данные. Таким образом, ЦС сегодня трансформируется из линейной последовательности операции в гибкую сеть, которая трансформируется под влиянием геополитических шоков и различных трансформационных процессов.

Ключевая цель эффективного управления ЦС состоит в максимальной оптимизации и повышении ценности продукта для клиента в условиях минимальных издержек. В свою очередь, это достигается за счет синергии всех элементов системы и постоянного совершенствования процессов. Фундаментом для этого служит регулярный анализ и выявление «критических точек» и внедрение инновационных решений. Кроме того, особое значение имеет способность ЦС быстро адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры и внешней среды.

Адаптивность ЦС обеспечивается за счет диверсификации поставщиков, создания резервных запасов критически важных компонентов, повышения инвестиционной привлекательности и внедрения новых методологий в управленческие процессы. ЦС стоимости сегодня является успешной только тогда, когда она становится не просто цепочкой, а устойчивой самообучающейся экосистемой, которая не только быстро реагирует на изменения, но и может заранее подстроиться под формирующиеся в экономике тенденции.

В условиях современной турбулентности мировой экономики, характеризующейся геополитической напряженностью, технологическими революциями и изменениями предпочтений потребителя, традиционные подходы к управлению цепочками создания стоимости требуют



кардинального пересмотра. На первый план выходят такие стратегии как:

- развитие региональных взаимосвязей;
- гибкая реконфигурация производственных сетей;
- внедрение инновационных моделей производства;
- управление рисками;
- и многое другое.

Особое значение приобретают инновационные стратегии, которые включают внедрение передовых технологий: искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей. Такого рода технологии позволяют создавать «умные» цепочки.

Важным аспектом также является рассмотрение инструментов, используемых для реализации стратегий управления ЦС: анализ затрат и ценности, SWOT-анализ, моделирование процессов и прочее [8]. Все перечисленные выше инструменты позволяют проанализировать и оптимизировать ЦС.

Для определения ключевых механизмов управления ЦС в условиях происходящих изменений был проведен SWOT-анализ.

SWOT-анализ представляет собой метод стратегического планирования, который используется для оценки как внутренних, так и внешних факторов, а также их влияния на проект. Данный метод стратегического планирования разработан в середине прошлого столетия в Стэнфордском университете [23]. SWOT-анализ получил широкое распространение в связи с тем, что он позволяет проводить комплексную оценку как внутренней, так и внешней среды, что делает его уникальным и универсальным инструментом для различных сфер управления. Методология SWOT-анализа основывается на системном подходе, интегрируя разнородные данные в единую аналитическую матрицу [4,5,6]. Однако стоит отметить, что его эффективность напрямую зависит от глубины и точности анализируемой информации, так как главная цель анализа – это не только группировка информации, но и последующее использование полученных результатов для формирования конкретных стратегий. SWOT-анализ является связующим звеном между исследованием текущего состояния и разработкой будущих действий.

Глубинность исследования проводимого с помощью SWOT-анализа определяется способностью выявлять неочевидные взаимосвязи между различными аспектами деятельности. Такой вид анализа позволяет систематизировать подход к стратегическому планированию и проводить комплексную оценку внешних и внутренних факторов.

SWOT-анализ ЦС включает в себя 4 ключевых элемента:

– S (Strengths) – сильные стороны. Например, при анализе той или иной ЦС можно говорить о таких преимуществах, как уникальные технологические решения в производственных процессах, оптимизированные логистические системы, квалифицированные кадры, эффективная система управления качеством или устоявшиеся партнерские отношения;

– W (Weaknesses) – слабые стороны или внутренние недостатки, препятствующие развитию ЦС. Среди слабых сторон можно выделить высокую зависимость от ограниченного круга поставщиков, устаревшую инфраструктуру и высокие издержки;

– O (Opportunities) – возможности, включающие в себя внешние факторы, которые могут быть использованы как движущие силы роста. Например, внедрение цифровых технологий, развитие новых рынков сбыта, формирование новых интеграционных объединений и прочее.

– T (Threats) – угрозы, представляющие собой внешние риски, которые могут обладать негативным влиянием. Например, экономические кризисы, геополитические шоки, цифровая безопасность.

Стоит отметить, что внешние факторы (возможности и угрозы) позволяют проанализировать рыночные тенденции, конкурентную среду, макроэкономические показатели, технологические инновации и регуляторные изменения [12]. Внутренние факторы (сильные и слабые стороны)



предполагают оценку ресурсной базы организации, компетенции персонала, технологического оснащения, организационной и корпоративной культуры. Именно анализ такого рода, в связи с его объективностью и возможностью одновременной оценки перечисленных выше категорий, представляет собой особую ценность, позволяющий сформировать сбалансированные стратегии развития.

Методика проведения SWOT-анализа включает в себя несколько основных этапов [11]:

1. сбор и систематизацию данных по всем элементам анализа;
2. оценку значимости каждого фактора;
3. построение матрицы факторов взаимодействия;
4. разработку стратегических сценариев;
5. формирование плана реализации стратегий.

Определение той или иной стратегии осуществляется на основе выявленных сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. Данные стратегии подразделяются на 4 класса, в зависимости от того, на основе использования какой пары категорий они построены.

Выделяют SO-стратегии или активное наступление. Для реализации возможностей необходимо использовать сильные стороны. Например, использование экономическим субъектом своих сильных сторон для создания высокотехнологичного уникального продукта.

Также выделяют ST-стратегии. Используются сильные стороны для предотвращения возникновения возможных угроз или уменьшения их воздействия. Например, создание буферных запасов критических компонентов.

Кроме того, определяют стратегии, которые предполагают использование возможностей для избежания или компенсации слабых сторон. Такие стратегии называются WO-стратегии. Такого рода стратегия может быть реализована за счет модернизации устаревших производственных мощностей.

Четвертый класс стратегий – это WT-стратегии или организованный отступ. Данные стратегии рассматривают возможность происхождения наихудших исходов, включая выход с рынка. Также такого рода стратегии предполагает реструктуризацию существующих процессов.

### **Результаты**

В условиях глобальной экономической турбулентности, когда классические подходы к управлению ЦС требуют кардинальных изменений, практическая значимость SWOT-анализа состоит в возможности трансформировать абстрактные угрозы внешней среды в конкретные управленческие решения и превращать слабые стороны в точки роста. Его уникальность и ценность состоит в способности не только идентифицировать, а также структурировать и конкретизировать возможные вызовы. Методология такого рода анализа позволяет трансформировать абстрактные, глобальные угрозы, в конкретные управленческие решения. Кроме того, проводимое при осуществлении SWOT-анализа исследование позволяет сформировать объективные выводы на проблемные аспекты.

Можно говорить о том, что основная сильная сторона SWOT-анализа – это синтезирующий эффект, который позволяет найти точки соприкосновения внутренних и внешних факторов. В свою очередь это позволяет трансформировать слабые стороны в отправные точки для стратегических инициатив. Таким образом, SWOT-анализ – это не только теоретический инструмент, но и практический инструмент, который обеспечивает целостное видение для построения основы для будущих действий, в частности для ЦС.

Для определения внутренних и внешних факторов, а как следствие сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз ЦС были осуществлены следующие этапы [22]: 1) произведен сбор информации о четырех группах факторов на основе вопросов, представленных в рисунке 1; 2) полученные ответы позволили обозначить сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы для современных ЦС, представленные на рисунке 2:

<b>Внутренние факторы</b>	<b>Сильные стороны</b>	<b>Слабые стороны</b>
	<ul style="list-style-type: none"> <li>– Какие уникальные преимущества есть у ЦС?</li> <li>– Какие основные конкурентные преимущества есть у ЦС?</li> <li>– Что является необходимым для правильного функционирования ЦС?</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– Какие существуют ограничения в ЦС?</li> <li>– Какие есть барьеры?</li> <li>– Каких ресурсов не хватает для достижения ключевых целей?</li> </ul>
<b>Внешние факторы</b>	<b>Возможности</b>	<b>Угрозы</b>
	<ul style="list-style-type: none"> <li>– Какие новые тенденции и возможности в отрасли могут использоваться в ЦС?</li> <li>– Какие новые технологии могут быть использованы в ЦС?</li> <li>– Какие существуют перспективные направления для развития и формирования устойчивых ЦС?</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– Какие внешние факторы или рыночные тенденции представляют угрозу для ЦС?</li> <li>– Какие изменения на рынке могут негативно повлиять на ЦС?</li> <li>– Какие факторы могут ухудшить тенденцию на рынке?</li> </ul>

**Рисунок 1** – Процесс анализа ЦС для формирования SWOT-анализа

Источник: составлено автором

<b>Внутренние факторы</b>	<p><b>Сильные стороны</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– Гибкость и технологичность</li> <li>– Оптимизация ресурсов</li> <li>– «Надежные» поставщики</li> <li>– Прозрачность и устойчивость этапов</li> </ul>	<p><b>Слабые стороны</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– Высокие издержки</li> <li>– Зависимость от ключевых поставщиков</li> <li>– Устаревшее оборудование</li> <li>– Низкий уровень координация между звеньями цепочки</li> </ul>
<b>Внешние факторы</b>	<p><b>Возможности</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– Цифровые технологии</li> <li>– Новые рынки</li> <li>– Государственная поддержка</li> <li>– «Зеленая» экономика</li> </ul>	<p><b>Угрозы</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– Геополитические разногласия</li> <li>– Рост цен на сырье</li> <li>– Конкуренция</li> <li>– Пандемия и экологические катастрофы</li> </ul>

**Рисунок 2** – SWOT-анализ ЦС

Источник: составлено автором

На основе проведенного SWOT-анализа возможно сделать следующие выводы [14]. ЦС сегодня обладают рядом ключевых стратегических преимуществ, которые позволяют экономическим субъектам оставаться конкурентоспособными в условиях турбулентности глобальной экономики, а также укреплять свои позиции. Гибкость и технологичность представляют собой одни из наиболее значимых конкурентных факторов, которые проявляются в способности ЦС быстро адаптироваться к изменениям благодаря модульным производственным системам и цифровым технологиям. Это позволяет компаниям быстро перераспределять ресурсы, трансформировать линии производства и оперативно реагировать на колебания спроса, минимизируя простои и сохраняя эффективность при любых внешних событиях и условиях. Оптимизация ресурсов достигается за счет внедрения «бережливого» производства и современной системы аналитики на основе больших данных и искусственного интеллекта, что позволяет не только сокращать операционные издержки, но и минимизировать потери, сохраняя основные показатели, что в свою очередь сокращает издержки.

Не менее важным фактором являются «надежные» поставщики, обеспечивающие в рамках выстроенных партнерств стабильность и бесперебойность поставок, в частности критически важных компонентов, что создает дополнительные резервы для поддержания ЦС в случаях сбоев. Развитие такого рода партнерских отношений часто включает совместное планирование, обмен данными в реальном времени и совместные инвестиции в области исследований и разработок. Все перечисленные выше аспекты являются сильными сторонами современных ЦС, создавая прочный и динамичный фундамент для устойчивого развития не только отдельных элементов, но и мировой экономики в целом в нестабильных условиях [18]. Данные преимущества позволяют трансформировать вызовы и угрозы в возможности для роста и укрепления конкурентных позиций на мировом рынке.

Внедрение инновационных цифровых технологий кардинально трансформирует традиционные ЦС, открывая принципиально новые возможности для их глубокого совершенствования и перехода на качественно новый уровень. Технологии блокчейн, большие данные, интернет вещей – позволяют повысить прозрачность и возможность отслеживать все этапы производства и логистики. Стоит отметить, что инновационные технологии обеспечивают создание безопасной системы ЦС, формируя среду с высоким уровнем доверия между всеми участниками. Кроме того, современные технологии позволяют проводить глубокий анализ колоссальных массивов как структурированной, так и неструктурированной информации, извлекая из нее ценные данные. Таким образом, синергетическое сочетание технологий позволяет достичь беспрецедентного уровня сквозной прозрачности и возможности анализа каждого конкретного элемента производства и логистики.

Помимо этого, новые рынки, формирующиеся с учетом современных тенденций, в частности в развивающихся странах, не являются угрозой, напротив они дают компаниям доступ к дополнительным возможностям. Сегодня они уже не рассматриваются как источник дешевой рабочей силы или сырья, тем более как риск. Напротив, такие рынки становятся мощными драйверами глобального роста, предлагая компаниям доступ к уникальным дополнительным интеграционным решениям, новым производственным кластерам, перспективным каналам распределения товаров и услуг, а также к миллионам новых потребителей, формируя тем самым уникальные точки роста.

Экономические субъекты, способные эффективно выстраивать партнерские отношения и интегрироваться в локальные системы этих стран, получают значительное стратегическое преимущество, диверсифицируя свои операции и снижая зависимость от традиционных высококонкурентных рынков. Таким образом, цифровая трансформация и глобальная экспансия на новые рынки становятся взаимодополняющими элементами единой стратегии по построению гибкой, диверсифицированной и высокоустойчивой ЦС, способные успешно развиваться в условиях неопределенности.

Также среди возможностей для цепочек создания стоимости можно выделить государственные программы поддержки, которые создают благоприятные условия для глубокой модернизации производства. Такого рода программы включают в себя представление целевых субсидий и льготных

кредитов на приобретение передового оборудования, создания специальных экономических зон с особым налоговым режимом, а также реализацию механизмов государственного-частного партнерства для совместного финансирования крупных инфраструктурных проектов, критически важных для логистики.

Еще одной возможностью в современных условиях является «зеленая» экономика. Она становится не только «требованием» времени, но и новым вектором развития [15]. Устойчивое развитие сегодня становится стратегически важным направлением в мировой экономике, которое открывает доступ к новым рынкам и источникам финансирования, а также конкурентным преимуществам.

Внедрение «зеленых» практик напрямую влияет на ЦС, приводя к пересмотру источников сырья, технологий производства и логистических схем, ставя основную цель – снижение углеродного следа. Что стимулирует инновации в области использования возобновляемых ресурсов, разработки энергоэффективных процессов и внедрения систем замкнутого цикла, позволяющих повторно использовать остающиеся от производства ресурсы.

Компании, которые активно интегрируют ESG-принципы, включающие экологическое, социальное и корпоративное управление, в свою стратегию, не только повышают свои конкурентные преимущества. Кроме того, они существенно снижают риски, связанные с ужесточением законодательства в области экологической повестки, а также изменением потребительских предпочтений в сторону осознанного потребления. «Зеленая» трансформация открывает доступ к специальным финансовым инструментам – «зеленым» облигациям, тем самым повышая инвестиционную привлекательность от фондов, ориентированных на социальную сферу.

Таким образом, государственная поддержка и «экологизация» обладают положительным влиянием, не только как отдельные возможности для ЦС, но и взаимодействуя между собой, создавая двойной эффект. Государство в лице правительства создает инфраструктурные и финансовые условия для изменений, а «зеленый» вектор задает тренд стратегического направления, обеспечивая долгосрочную жизнеспособность и конкурентоспособность ЦС в новой парадигме мирохозяйственного уклада. Это позволяет компаниям не только адаптироваться к новым реалиям, но и форматировать рынки будущего, предлагая продукты и услуги, которые востребованы в условиях низкоуглеродной экономики.

Однако современные ЦС сталкиваются с серьезными вызовами, которые требуют кардинального пересмотра существующих стратегий, а также формирования новых [9]. Высокие издержки производства, зависимость от ключевых поставщиков, устаревшее оборудование, низкий уровень координации представляют собой недостатки и ограничения, которые снижают конкурентоспособность и эффективность ЦС.

К наиболее существенным и системным угрозам, влияющим на стабильное функционирование ЦС на современном этапе, относится геополитическая напряженность, которая сопровождается усилением санкционного давления, торговыми войнами, а также ростом протекционистских мер. Все это в свою очередь нарушает устоявшиеся взаимосвязи, которые были выстроены в течение многих лет. Усиливающаяся нестабильность ведет к принудительной переориентации торговых потоков, резкому росту издержек и необходимости диверсификации партнеров, что в свою очередь требует дополнительных затрат. Кроме того, растет количество не только финансово-экономических кризисов, также усиливаются и экологические. Участвовавшие случаи экстремальных погодных условий, связанные с резким изменением климата, приводят к сбоям в различных звеньях ЦС. Вместе с тем ужесточение международного и национального экологического регулирования, а также ратификация новых климатических соглашений вынуждает субъекты экономики в срочном порядке пересматривать традиционные процессы, инвестируя значительный объем средств в декарбонизацию, что создает дополнительные расходы.

Помимо этого, пандемия коронавируса 2020 года показала уязвимость ЦС перед биологическими угрозами, спровоцировав множество дисбалансов и негативных последствий [16, 24]. Можно



говорить о том, что во время пандемии были выявлены основные точки уязвимости всех ЦС, в том числе самых устойчивых. К ним можно отнести: полную блокировку международных логистических коридоров, тотальные локдауны по всему миру, острую нехватку критически важных компонентов, таких как полупроводники.

Пандемийный кризис актуализировал понятие «хрупкости» ЦС и способствовал наращению устойчивых ЦС через создание запасов, изменение загрузки мощностей и регионализацию снабжения. Одновременно с этим была ускорена цифровизация всех сферах жизни. Она также в свою очередь спроецировала новые угрозы и риски, связанные с кибербезопасностью. Таким образом, экономическая сфера сегодня характеризуется наложением множества взаимосвязанных угроз, требующих от субъектов разработки комплексных стратегий.

В целях подтверждения практической значимости проведенного анализа можно привести пример SWOT-анализа ЦС в области промышленного производства. Так, сильными сторонами в данном случае является наличие у компании собственных заводов. Возможностями – реализация новой высокотехнологичной продукции. Слабой стороной ЦС для промышленной компании является зависимость производства от импортных составляющих. Среди угроз можно выделить – рост цен на рынках сырья.

На основе определенных сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз для конкретного примера может быть определена и использована конкретная стратегия.

При выборе SO-стратегии происходит максимизация всех существующих возможностей через сильные стороны. Данный вариант представляет наиболее перспективный вариант развития, когда экономический субъект – страна или компания использует свои ключевые компетенции для максимального освоения рыночного потенциала. В данном случае задействуются собственные производственные мощности, технологические ноу-хау и квалифицированный персонал для разработки и вывода новой продукции на рынок сбыта, что является особенно актуальным в условиях растущего спроса на инновационные решения. SO-стратегия позволяет не только увеличить рыночную долю, но и создать дополнительные конкурентные преимущества за счет синергии между существующими активами и новыми возможностями рынка.

ST-стратегия, включающая в себя защитный механизм от угроз за счет сильных сторон, позволяет использовать устойчивые позиции для нейтрализации внешних рисков. Например, диверсификация поставщиков в этом контексте становится не просто тактическим ходом, а комплексной стратегией, которая включает создание альтернативных логистических маршрутов, формирование стратегических запасов критически важных компонентов производства, а также развитие партнерских отношений с локальными производителями. Особое значение приобретает внедрение цифровых платформ для мониторинга управления цепочками создания стоимости, что позволяет оперативно трансформировать производственные процессы в ответ на внешние шоки [7].

WO-стратегия сочетает в себе преодоление слабых сторон за счет возможностей. Она предполагает трансформационный путь развития, когда благоприятные внешние условия используются в целях преодоления внутренних ограничений. Так, например, реализация высокотехнологичной продукции в таком случае становится катализатором для модернизации всей производственной системы – от внедрения современных систем управления процессами до цифровизации этапа взаимодействия между потребителями и производителями [17]. В целях реализации данной стратегии могут быть использованы государственные программы поддержки для модернизации процессов, а интеграционные партнерства позволят восполнить пробелы в технологических аспектах.

WT-стратегия или стратегия минимизация рисков и угроз представляет собой комплекс антикризисных мер, направленных на минимизацию уязвимостей как внутри, так и от внешних факторов. В таких случаях поиск новых партнеров дополняется значительной трансформацией ЦС, включая также релокацию мощностей и изменение логистических моделей. Особое внимание уделяется созданию системы, которая позволяет управлять рисками, включая в себя регулярный



мониторинг угроз, разработку различных сценариев, а также создание финансовых резервов. При наступлении критического сценария такая стратегия может предусматривать оптимизацию производства с концентрацией на наиболее устойчивые и ликвидные позиции.

Стоит отметить, что успешная реализация выбранных стратегий требует комплексного подхода и разработки конкретных, детализированных управленческих решений на каждом уровне организационной структуры. Целесообразно осуществлять всестороннюю поддержку происходящих трансформационных процессов, например, через создание цифровой инфраструктуры как фундамента для будущих инноваций, что включает внедрение различного рода технологий. При этом объем инвестиций в цифровую среду и инструменты автоматизации должны в параллельно сопровождаться программой профессиональной переподготовки персонала, так как человеческий капитал становится ключевым фактором успешной работы с новыми инновационными технологиями и извлечения из них максимальной ценности. Способность к непрерывным инновационным процессам и обучению позволяет организациям постоянно совершенствовать свои процессы, внедрять новые продукты и технологии, а также адаптироваться к внешним условиям на современном этапе и в долгосрочной перспективе.

Диверсификация поставщиков предполагает не только поиск новых партнеров в различных географических регионах, но и фундаментальный пересмотр системы оценки по надежности взаимодействия с ними, включая внедрение систем мониторинга финансовой устойчивости в реальном времени, оценку экологических и социальных стандартов, а также регулярный аудит их кибербезопасности [19].

Участие в государственных программах требует тщательного анализа условий и отраслевых приоритетов, а также долгосрочных стратегических целей государства. Выбор и реализация каждой отдельной стратегии или их совокупности должны основываться на глубоком детализированном ситуационном анализе, тщательных финансовых расчетах и комплексной оценке мультипликативного эффекта для все ЦС, а не только для ее конкретного звена [22, 25].

### **Заключение**

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ЦС сегодня представляют собой сложные динамические, нелинейные системы, находящиеся под воздействием множества внутренних и внешних факторов. Происходящие изменения повещают вероятность наступления непредсказуемых, хаотичных событий. В данных условиях ЦС требуют комплексного подхода к их управлению в условиях глобальной экономической турбулентности. Так как устоявшиеся традиционные подходы к управлению, основанные на принципах минимизации затрат и оптимизации использования ресурсов, демонстрируют свою неэффективность.

Внедрение методологии SWOT-анализа позволяет не только анализировать текущее состояние ЦС, но и разрабатывать эффективные стратегии их развития. Проведенный анализ показал, что ключевым фактором успеха является сочетание различных стратегических подходов – от освоения и аккумуляции новых возможностей (SO-стратегии) до защиты мер по минимизации рисков (WT-стратегия). SWOT-анализ становится ключевым инструментом для реализации управленческого подхода, который сочетает в себе стратегическое планирование, операционную гибкость и адаптивную способность для предотвращения негативных последствий или полного их исключения. Внедрение такого рода анализа позволяет проводить не только статичный анализ текущего состояния ЦС, фиксируя как возможности, так и недостатки, аккумулируя их в единый подход.

Также в современных условиях особую значимость приобретает цифровая трансформация ЦС. Технологии сегодня становятся не просто опциональным улучшением, а императивом сегодняшнего дня. Технологии искусственного интеллекта и интернета вещей создают принципиально новые возможности для повышения прозрачности, гибкости и устойчивости процессов. Они способны анализировать все процессы в режиме реального времени, создавая недостижимые возможности

для радикального повышения прозрачности и фундаментальной устойчивости.

Однако, успешная реализация возможностей, в том числе перечисленных выше, требует параллельного решения таких системных проблем как зависимость от ограниченного круга поставщиков, устаревшая производственная инфраструктура и недостаток квалифицированных кадров. Практическая значимость проведенного анализа заключается в разработке конкретных рекомендаций по управлению ЦС, в частности доказана эффективность:

- комплексного подхода к диверсификации поставщиков и логистических маршрутов;
- поэтапной цифровизации всех звеньев цепочки;
- создание адаптивных систем управления рисками;
- развитие стратегических партнерств промышленной кооперации;
- инвестиции в человеческий капитал и инновационные технологии.

Важно отметить, что в условиях глобальной нестабильности особую ценность приобретает способность компании оперативно пересматривать свои стратегии в ответ на изменения внешней среды. Проведение SWOT-анализа позволяет сформировать основу для стратегического управления. Применение такого подхода позволит экономическим субъектам сохранять конкурентоспособность в долгосрочной перспективе, повысить устойчивость, минимизировать внешние риски, выстроить гибкие устойчивые ЦС в условиях современных глобальных трендов, и в конечном итоге сформировать систему современного управления цепочками создания стоимости, превращая вызовы в возможности для развития и стабилизации экономической среды.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздева, В. А. Значение трансформации глобальных цепочек создания стоимости в международном бизнесе в контексте гармонизации международных экономических отношений для России / В. А. Гвоздева // *Финансы и кредит*. – 2023. – Т. 29, № 9(837). – С. 2081-2095. – DOI 10.24891/фс.29.9.2081. – РЕД. WPOQFI.
2. Гвоздева, В. А. Трансформация глобальных цепочек стоимости: современные причины и последствия / В. А. Гвоздева // *Мировая экономика и мировые финансы: проблемы и перспективы развития* : Сборник научных статей студентов по результатам проведения XIV-го Международного научного студенческого конгресса, Москва, 12-24 марта 2023 года. – Москва: Научные технологии, 2023. – С. 14-23. – EDN DOPXCN.
3. Гвоздева, В. А. Эволюция подходов к формированию цепочек создания стоимости: современные тренды / В. А. Гвоздева // *Мировая экономика и мировые финансы*. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 23-30. – DOI 10.24412/2949-6454-2025-0030. – EDN UZQCSXG.
4. Дюсембинова, Г. А. SWOT -анализ - основной маркетинговый инструмент изучения рынка / Г. А. Дюсембинова, Э. А. Серикбаева, А. Егизбаева // *Фармация Казахстана*. – 2018. – № 3. – С. 12-15. – ЭДН ИКИКЛИК.
5. Кызыл, Н. Д. Модель глубокого SWOT - анализа / Н. Д. Кызыл, А. В. Янгиров // *Вестник Белгородского государственного технического университета им. В.Г. Шухова*. - 2014. – № 3. – С. 109-115. – EDN SGFEAV.
6. Коновалова, О. Н. Глобальные цепочки создания стоимости в мировой экономике / О. Н. Коновалова // *Инновационная экономика и общество*. – 2017. – № 2(16). – С. 2-12. – EDN ZSMLPN.
7. Мурзина, Н. А. Анализ среды функционирования организации с помощью метода SWOT-анализа - анализа / Н. А. Мурзина, А. Н. Федоров, А. А. Серов // *Актуальные вопросы экономики региона: анализ, диагностика и прогнозирование* : материалы VI в студенческой Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 06 апреля 2016 года. – Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2016. – С. 85-89. – EDN WBNJBX.
8. Симачев Ю., Федюнина А., Кузык М. В Глобальные цепочки добавленной стоимости новых условиях: риски и возможности для России / Открытое заседание рабочей группы АЕБ по модернизации и инновациям «Нарушение цепочек поставок», НИУ ВШЭ (07.07.2020 г.). Адрес: <https://aebus.ru/upload/iblock/4db/> (дата обращения: 15.02.2025)
9. Толкачев, С. А. Глобальные цепочки стоимости в эпоху технологической трансформации и деглобализации / С. А. Толкачев, В. А. Гвоздева // *Проблемы рыночной экономики*. – 2023. – № 2. – С. 140-155. – DOI 10.33051/2500-2325-2023-2-140-155. – РЕД. UQMFOZ.
10. Швец, Е. А. Применение метода SWOT-анализа для определения маркетинговых стратегий организации / Е. А. Швец, Г. И. Маркова // *Перспективы развития научных исследований в 21 веке* : сборник материалов 4-й научно-практической международной конференции, Махачкала, 28 февраля 2014 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2014. – С. 117-118. – ЭДН ТЕФНФН.
11. Анализ внешних и внутренних факторов или как правильно проводить SWOT анализ – [Электронный ресурс]// URL: <https://www.artofba.com/post/swot-analysis-and-strategy-generation-ru> (дата обращения 20.07.2025)
12. Всемирный экономический форум. Отчет о глобальных рисках за 2023 год = Global Risks Report 2023 / ВЭФ. – Москва, 2023. – 120 с. – [Электронный ресурс]// URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023> (дата обращения: 20.07.2025).
13. Внедрить стратегический анализ «Привязанности» [Электронный ресурс]// URL: <https://sberuniversity.ru/research/management-practices/practical-guide/strategiya/instrument-strategicheskogo-analiza-tsepochka-tsennosti> / (дата обращения 20.07.2025)
14. Методика внедрения SWOT-анализа – [Электронный ресурс]: [http://market.narod.ru/S\\_StrAn/](http://market.narod.ru/S_StrAn/)

SWOT.html (дата обращения: 20.07.2025).

15. Методика проведения SWOT-анализа. Образцы матриц SWOT – [Электронный ресурс]: <http://refy.ru/7/8986-metodika-provedeniya-swot-analiza-obrazcy-matric-swot.html> (дата обращения: 20.07.2025).

16. Организация объединенных наций [Электронный ресурс]// URL-адрес: <https://всп.оон.орг/ру/> (дата обращения 20.07.2025)

17. Christopher, M. Logistics and Supply Chain Management (5th ed.). V. S. Lukinsky (ed.). Moscow, Russia: Peter. (The original work is published in English). 2016 ISBN 978-5-496-02089-6.

18. Gereffi, G., A Commodity Chains Framework for Analysing Global Industries, Brighton: Institute of Development Studies, vol.12, pp. 1-9.

19. Porter M. E., Heppelman J. E. How smart, connected products are transforming companies. Harvard Business Review in Russia, 12, pp. 45-60, 2015. ISSN 2071-3762.

20. Porter M., Theory of competitive advantages, 1985.

21. Gartner [Electronic resource] – URL: <https://www.gartner.com/en> (дата обращения 20.07.2025).

22. McKinsey & Company. (2022). The state of supply chains: Increasing resilience in an unstable world [Report] [Electronic resource] – URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/operations/our%20insights/the%20state%20of%20supply%20chains/the-state-of-supply-chains.pdf> (дата обращения 20.07.2025).

23. Stanford University Archive [Electronic resource] – URL: <https://therightquestions.co/tag/stanford-university/#:~:text=What%20is%20a%20SWOT%20Analysis,a%20study%20in%20the%201960s> (дата обращения 20.07.2025).

24. The production and distribution chain [Electronic resource] - URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/value-chain> (дата обращения 20.07.2025).

25. The World Bank. Sustainable Supply chains in a changing Global Economy / World Bank Group. - Washington, 2024. - 78 p. [Electronic resource] –URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/resilient-supply-chains> (дата обращения 20.07.2025).

# Key aspects and trends in value chain management in the context of global changes

Gvozdeva Valeria Artemovna

Postgraduate student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: va.gvozdeva@mail.ru

---

## KEYWORDS

value chains, digital transformation, SWOT-analysis, sustainable development, risk management, global economy

## ABSTRACT

Value chains are one of the key research areas in the development of the modern global economy. This article examines the key aspects of managing value chains amid contemporary global challenges, including digitalization, geopolitical instability, and the growing role of sustainable development. Today, value chains are transforming from linear models into complex network structures spanning multiple countries and participants. Special attention is paid to the impact of digital technologies (artificial intelligence, blockchain, the Internet of Things, big data, etc.) on enhancing the flexibility and resilience of value chains, as well as the need to balance economic efficiency with environmental responsibility. The methodological framework is based on SWOT analysis, which helps assess the strengths and weaknesses of value chains while identifying external opportunities and threats. The article highlights key management strategies: active development, risk mitigation, overcoming weaknesses through opportunities, and minimizing threats. Using industrial manufacturing as an example, it demonstrates how economic actors can adapt to changes through supplier diversification, digitalization, and government support programs. In an era of global turbulence, successful value chain management requires a comprehensive approach that combines flexibility, technological integration, and sustainable practices. The practical significance of the study lies in developing recommendations for enhancing value chain resilience, including the adoption of innovative technologies, the creation of adaptive risk management systems, and the development of strategic partnerships. The presented findings pave the way for further research into a more detailed examination of value chains in the context of economic actors' integration efforts.

---



# Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразии подходов и возможности систематизации

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта № 9НП/2024*

**Гомулина Антонина Алексеевна**

аспирант,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: gomulina\_a@list.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

БРИКС+, классические теории БРИКС, экономико-структурные подходы, институциональные и правовые подходы, сетевые и гибридные подходы, ценностно-идентичные и критические подходы

## АННОТАЦИЯ

В последние десятилетия в научной литературе происходит переосмысление парадигм регионализма, что потребует разработки новых моделей макрорегионального взаимодействия. Несмотря на рост числа публикаций о формате БРИКС+, отмечается отсутствие комплексной методологической схемы, способной охватить разнообразие теоретических подходов и адаптировать их ко вне территориальной специфики объединения. Целью исследования является разработка классификации методологических подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по критериям: теоретико-познавательным основаниям, и предметному фокусу. В соответствии с этим поставлены задачи: провести анализ и систематизацию ключевых теоретических школ; классифицировать эти подходы по заявленным критериям; выявить их сильные и слабые стороны. Результаты выявили пять групп методологических подходов: классические теории международных отношений; экономико-структурные; институциональные; сетевые и гибридные модели; ценностно-идентичные и критические парадигмы. Анализ показал, что ни один из них не способен полностью отразить комплексность БРИКС+, что обосновывает необходимость междисциплинарного синтеза структурного, институционального и культурно-конструктивистского анализа для дальнейшей эмпирической верификации и выработки практических рекомендаций по развитию объединения. Особое значение имеет тот факт, что страны БРИКС+ формируют около трети мировой территории и почти половину населения планеты, а их совокупный вклад в ВВП и внешнюю торговлю стабильно превышает среднемировые темпы роста. При этом объединение характеризуется отсутствием централизованного механизма управления, что сближает его с сетевыми моделями сотрудничества и отличает от классических интеграционных блоков. Такое сочетание факторов усиливает актуальность поиска методологической рамки для изучения сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа.

**JEL codes:** F15; F55; B41

**DOI:** <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-149-163>

**Для цитирования:** Гомулина, А.А. Обоснование сущности БРИКС+ как глобального объединения нового типа: многообразии подходов и возможности систематизации / А.А. Гомулина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 7. - С.149-163. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

В последние десятилетия XX – начале XXI века национальные экономики пережили глубокую трансформацию, вызванную как технологическим прогрессом, так и расширением глобальных торговых потоков. Переход от эндогенных источников роста к модели, основанной на интеграции в мировые производственные и финансовые сети, стал одним из определяющих факторов

экономического развития. В этих условиях традиционные формы регионального сотрудничества претерпели существенные изменения: на смену «старому регионализму» холодной войны пришли концепции «нового регионализма» и «сравнительного регионализма», акцентирующие самостоятельность региональных акторов и многообразие форм их взаимодействия (Хеттне Б., Содербаум Ф. [9], Ачарья А. [1]).

На фоне обозначенных трансформаций и эволюции парадигм регионализма в научной среде усилился интерес к выявлению и формализации новых, более гибких моделей межгосударственного взаимодействия. Одновременно возросла потребность в разработке специализированных теоретико-методологических основ для структурирования и анализа таких объединений, способных учитывать их альянсово-блоковую логику и множественные векторы экономического, финансового и институционального сотрудничества. Появление в научной литературе идеи объединения БРИК, а затем расширение формата до БРИКС и БРИКС+ стало выражением новой волны макрорегионального взаимодействия. В отличие от классических региональных блоков, участники БРИКС+ не объединены по принципу географической близости: они представляют совокупный «коллективный актор», способный формулировать и реализовывать совместные решения на глобальном уровне. В условиях трансформаций все участники объединения оказались заинтересованы в поиске баланса между сохранением экономического суверенитета и необходимостью расширять участие в глобальных процессах, что во многом предопределило неинтеграционный и сетевой характер формата БРИК. Дополнительным стимулом к сближению стала реакция на новые волны региональных и мировых кризисов, которые побуждали к совместному поиску устойчивых моделей развития и институциональной гибкости при создании новых механизмов сотрудничества». Для наглядного отображения масштабов влияния стран БРИКС+ на мировую экономику обратимся к табл. 1, в которой систематизированы ключевые макроэкономические показатели участников объединения.

**Таблица 1** – Основные макроэкономические показатели стран – членов БРИКС+ в 2023 году.

Показатель	Территория (тыс. кв. км)	Население (тыс. чел.)	ВВП на душу населения (долл. США)	ПИИ (входящие, млн долл. США)	Внешне- торговый оборот товаров (млн долл. США)	Внешне- торговый оборот услуг (млн долл. США)
БРИКС+ в % от мирового значения	33%	48%	13099*	25%	22%	15%
Бразилия	8516	211141	10378	65897	592406	127984
Египет	1002	114536	2895	9841	125281	55676
Индия	3288	1438070	2487	28163	1105488	584037
Индонезия	1905	281190	4876	21628	480743	84641
Иран	1648	90609	4432	1422	163415	32301
Китай	9707	1422585	12509	163253	5935985	933116
ОАЭ	84	10642	48311	30688	1040781	275750
Россия	17098	145441	13809	8364	727349	116526
Эфиопия	1104	128692	1241	3263	20531	15029
ЮАР	1221	63212	5976	5233	241602	32744

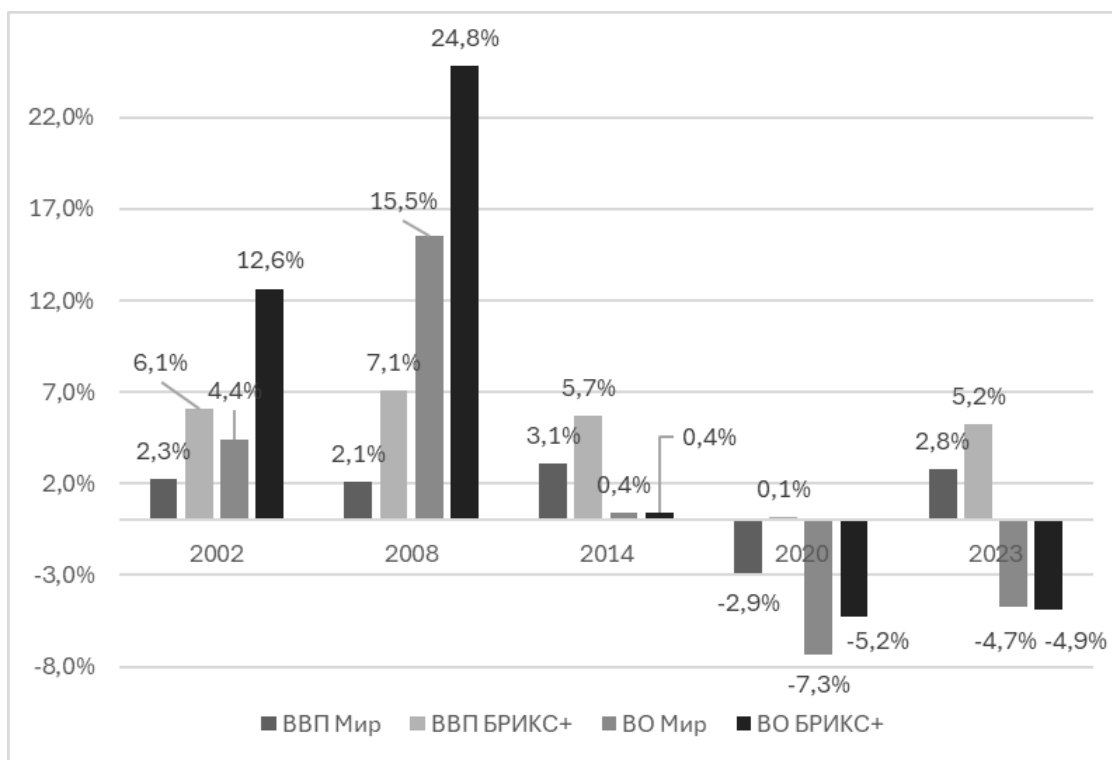
\*мировое значение

Источник: составлено автором по данным [23,34]

Совокупная площадь стран БРИКС+ составляет 33% поверхности планеты, причём наибольший

вклад вносят Российская Федерация (17 098 тыс. км<sup>2</sup>) и Китайская Народная Республика (9 707 тыс. км<sup>2</sup>), тогда как ОАЭ и Египет занимают менее 1 % каждый. Население стран объединения составляет порядка 48% мирового, главным образом благодаря Индии (1 438 070 тыс. чел.) и Китаю (1 422 585 тыс. чел.), тогда как меньшие по численности Эфиопия и ОАЭ отражают разнообразие демографических профилей. Экономический «вес» БРИКС+ также заметен в показателях ВВП на душу населения: при среднем мировом уровне в 13 099 долл. США ОАЭ (48 311 долл. США) и Россия (13 809 долл. США) демонстрируют показатели выше среднего, тогда как Индия (2 487 долл. США) и Эфиопия (1 241 долл. США) остаются внизу шкалы. Анализ ПИИ выявляет, что на страны объединения приходится четверть мирового потока прямых иностранных инвестиций (лидер — Китай с 163 253 млн долл. США). Проведенные автором расчеты [34] выявили растущий уровень вовлеченности каждой национальной экономики, которые в будущем в разном периоде вошли в БРИКС, в торгово-экономические внутриблочные потоки и очевидный прогресс в экономическом сближении стран. Если в 2001 году максимальное значение доли экспорта в страны группы БРИКС в совокупном экспорте составляло 17% (у Ирана), импорта – 26% (у него же), то в 2023 первый показатель поднялся до 36% (у Бразилии), второй – 64% (у Ирана). Этот же вывод подтверждается впечатляющим ростом средних значений долевых показателей экспорта и импорта по всей «десятке» стран: в 2001 9% и 14%, а в 2023 24% и 37% соответственно. При этом происходило не просто смещение максимальных значений в сторону увеличения и подтягивание минимальных значений как по экспорту, так и по импорту, но и более тесная концентрация позиций стран, достигнутая к 2023 году. Обращает на себя внимание если вести речь в контексте отдельных стран заметная динамика крупнейшего участника БРИКС – Китая, вовлеченность которого во внутриблочный экспорт и импорт выросла в 3,5 раза (с 4% до 14%) и в 2,1 раза (с 10% до 21%) соответственно.

Для обобщения выявленных тенденций экономического роста и внешнеторгового оборота государств-членов БРИКС+ в контексте общемировых показателей, обратимся к темпам прироста, вычисленных «год к году» и отраженных на рис.1. для временных точек с пятилетним шагом.



**Рисунок 1** – Темпы годового прироста ВВП и внешнеторгового оборота стран БРИКС+ и среднемировые показатели, %.

Источник: составлено автором по данным [34]

По темпам прироста ВВП группы БРИКС+ на всех отобранных временных отрезках наблюдается устойчивое превосходство над среднемировыми значениями. Так, в 2002 г. рост ВВП стран БРИКС+ составил 6,1 %, тогда как в мире — лишь 2,3 %; в 2008 г. это соотношение — 7,1 % против 2,1 %; в 2014 г. показатели составили 5,7 % и 3,1 % соответственно. Во время пандемии COVID-19 группы БРИКС+ удалось сохранить рост (0,1 %) при глобальном спаде (–2,9 %), а к 2023 г. ВВП БРИКС+ восстановился до 5,2 %, значительно опередив среднемировой показатель в 2,8 %. Что касается темпов прироста внешнеторгового оборота, то они демонстрируют аналогичную тенденцию лидерства стран БРИКС+ вплоть до кризисного 2020 г.: в 2002 г. торговый оборот группы вырос на 12,6 % против 4,4 % в мире, а в 2008 г. — на 24,8 % при мировом 15,5 %. В 2014 г. оба показателя снизились до 0,4 %, однако в 2020 г. спад в БРИКС+ (–5,2 %) оказался менее глубоким, чем глобальный (–7,3 %). В 2023 г. мировая торговля сократилась на 4,7 %, тогда как у БРИКС+ фиксируется более сильный спад – 4,9 %.

Важным показателем, позволяющим оценить общую доходную базу страны, включая как внутренние, так и трансграничные потоки является валового национального дохода (ВНД). Он служит интегральной характеристикой масштабов экономической деятельности, накопленных ресурсов и устойчивости национальной экономики в международном контексте. Долгосрочная динамика показателя [34] по странам БРИКС+ ясно демонстрирует, что в течение развития объединения ведущие позиции стабильно занимают Китай, Индия, Бразилия и Россия. Ещё в 1990-х годах ВНД России составлял около 400 млрд долларов, что было сопоставимо с аналогичными показателями Бразилии и Индии. В последующие десятилетия Россия стабильно удерживала статус одной из крупнейших экономик объединения. Так, к 2011 году валовой национальный доход России превышает 1500 млрд долларов, а к 2023 году достигает отметки более 2100 млрд долларов, что позволяет ей уверенно входить в первую четвёрку стран БРИКС+ по данному показателю. Для стран второй волны расширения БРИКС (новые страны-члены с 2023 года) показатели ВНД остаются на существенно более низких уровнях. Например, Египет и Иран даже к 2023 году выходят лишь на уровень 400–500 млрд долларов, Индонезия достигает 1300 млрд долларов, а Эфиопия сохраняет значение ниже 200 млрд долларов на всём горизонте наблюдений. Ключевые участники объединения (Китай, Индия, Бразилия) формируют «ядро», а страны второй волны вносят вклад в экономический потенциал объединения в меньшей степени.

Вместе с тем, главной отличительной особенностью БРИКС+ по сравнению, например, с ЕС, ЮСМКА, Меркосур или ЕАЭС является его географическое, этническое и культурное разнообразие. Практически каждая страна объединения, и сама по себе представляет уникальный многообразный феномен, сочетающий различные культуры, этносы, экономические и даже технологические уклады. Во многом именно уникальность и историко-экономический генотип Бразилии, России, Китая, Индии и ЮАР способствовали формированию национального потенциала экономического роста и прорыва.

### **Гипотеза исследования**

Осмысление сущности БРИКС+ как глобального экономического объединения нового типа, несмотря на его сравнительно недолгую историю, нашло достаточно широкое отражение в научной литературе. По мнению В.В. Перской и М.А. Эскиндарова «новый уровень взаимодействия определяется тем, что каждая из стран БРИКС+ – это своего рода «локомотив» регионального интеграционного процесса среди стран, территориально граничащих с одним из государств БРИКС+» [42]. Подобная конфигурация позволяет не только усиливать взаимосвязанность внутри самого объединения БРИКС+, но и создавать многоуровневую систему взаимодействия с соседними государствами, что способствует формированию устойчивых региональных экономических и политических кластеров. Более того, такая роль «локомотивов» подразумевает не просто экономическое влияние, но также способность инициировать и поддерживать процессы модернизации, технологического развития и институциональных реформ в своих регионах, что в конечном счёте способствует укреплению позиций всего объединения БРИКС+ на международной арене.

Н.Н. Кудашова усматривает уникальную специфику БРИКС+ в том, что страны, входящие в его состав, представляют локальные цивилизации – латиноамериканскую, православно-славянскую, индийскую, китайскую и африканскую [35]. Автор видит значение БРИКС+ как экономического объединения в том, что оно трансформирует систему международных отношений по следующим направлениям [35]:

- развитие модели экономического сотрудничества вне форматов G-7 и G-20;
- использование новых форматов для защиты и отстаивания национальных интересов на международной арене;
- появление альтернативных рычагов политического влияния через создание собственных экономических институтов.

Целью данного исследования является систематизация существующих методологических подходов к обоснованию сущности БРИКС+ как глобального экономического объединения нового типа. Гипотеза исследования заключается в том, что отдельные теоретические подходы не в полной мере объясняют сложность и динамику развития БРИКС+, вместе с тем наиболее подходящим является стратегия междисциплинарного синтеза.

Теоретико-методологическая рефлексия в отношении БРИКС+ демонстрирует важность отказа от однопарадигмального анализа в пользу интегративного, критически-рефлексивного и многомерного подхода. БРИКС+ следует рассматривать как уникальный случай институциональной гибридности и стратегического плюрализма, который открывает перспективы для построения новой модели глобального экономического сотрудничества на базе политико-ценностного многообразия и суверенного развития.

### **Методы исследования**

Для проверки выдвинутой гипотезы в исследовании были задействованы три взаимодополняющих методических приёма: во-первых, анализ и систематизация, в ходе которых проанализированы ключевые теоретические школы (реализм, либерализм, конструктивизм, геэкономика, институционализм и др.), выявлены их предметные и инструментальные особенности; во-вторых, метод классификации, позволивший на основании критериев — теоретико-познавательных оснований и предметного фокуса — разделить систематизированные подходы на однородные группы и наконец, абстракция и обобщение, обеспечившие выделение общих закономерностей и сущностных характеристик разных направлений, что дало возможность перейти от анализа частных эмпирических и концептуальных кейсов к формулировке универсальных моделей и категорий методологического анализа БРИКС+.

### **Результаты**

В целях систематизации существующего теоретического многообразия, представляется целесообразным разграничить методологические подходы к изучению сущности БРИКС+ по группам, выстраиваемым в зависимости их теоретико-познавательных оснований, предметного фокуса, а также степени формализации и универсальности аналитических инструментов.

### **Классические подходы**

Первая классификационная группа – классические подходы включает в себя: реалистский подход, либеральный подход, конструктивистский и расширенный конструктивистский подходы, мультиполярный подход. П. Кругман [17], Дж. Стиглиц [44] и Р. Гилпин [8] придерживались данного подхода, который продолжительное время считался одной из наиболее влиятельных теоретических школ и исходит из представления об экономической роли государства как основного актора, руководствующегося национальным интересом, безопасностью и экономическим суверенитетом. Применительно к исследованию сущности БРИКС+, реалистский подход позволяет акцентировать внимание на аспектах, которые связаны с перераспределением глобального влияния



[2], перебалансировкой гегемонии Запада и стремлением государств-участников альянса к усилению своей автономии в системе международных экономических отношений. Реализм объясняет мотивацию создания объединения не как результат ценностной или идеологической общности [22], а как рациональный ответ на структурные внешние экономические вызовы и политико-экономическое давление со стороны развитых стран. Однако реалистская парадигма обладает и определёнными аналитическими ограничениями, заключающимися, в частности, в её неспособности объяснить институциональную гибкость БРИКС+, отсутствие централизованного механизма управления и преобладание дискурсивной легитимации.

В отличие от реализма, либерализм в качестве ключевой исследовательской категории рассматривает институты, экономическую взаимозависимость и международное право. Либеральные теоретики, Кеохейн Р.О. и Най Дж.С. [16] утверждают, что международные институты и альянсы, подобные БРИКС, служат платформами для коллективного решения проблем, способствуя торговле, экономическому росту и достижению общих целей развития. Согласно либеральной интерпретации, БРИКС+ представляет собой реакцию на дефицит представительства стран Глобального Юга в существующих международных организациях, а также попытку компенсировать асимметрии глобального регулирования через создание альтернативных институтов — таких как Новый банк развития, Пул условных валютных резервов, а также собственные механизмы координации в сферах здравоохранения, образования, энергетики и цифровой трансформации. БРИКС сможет лучше отстаивать инклюзивную и справедливую экономическую политику, в котором приоритет отдается потребностям развития недопредставленных стран [25]. Особое внимание в рамках либеральной парадигмы уделяется концепции «мягкой силы» [31] и потенциалу создания норм, основанных на консенсусе и кооперации. Либералы считают, что расширение членства может повысить способность БРИКС поддерживать глобальную экономическую стабильность, способствовать инклюзивному росту и создать основу для взаимодействия с другими многосторонними институтами [25]. Вместе с тем либерализм в меньшей степени способен объяснить внутренние конфликты между странами БРИКС+, такие как конкуренция между Индией и Китаем.

Конструктивизм, сформировавшийся как реакция на ограничения реализма и либерализма, постулирует, что поведение государств обусловлено не только материальными интересами, но и социальными конструкциями, идентичностями, коллективными представлениями и нормами [10]. В рамках анализа сущности БРИКС+ конструктивистский подход, рассматриваемый такими исследователями как Хопф Т., Ван Талдер Р., позволяет сфокусироваться на тех аспектах, которые формируют символическое, идеологическое и нормативное измерение альянса. В многочисленных совместных декларациях стран-участниц утверждается, что потребность в более эгалитарных структурах глобального управления была представлена как единая позиция БРИКС+ в ходе ежегодных саммитов и совместных заявлений [25]. Страны объединения не просто координируют действия на глобальной экономической арене, но и формируют общее видение «справедливого» [21] мирового порядка, основанного на принципах невмешательства, суверенитета, равенства и многообразия путей развития. Конструктивисты считают, что БРИКС — это не просто стратегический или экономический альянс, а блок, сформированный коллективной идентичностью стран с развивающейся экономикой [25]. Однако сложность конструктивизма заключается в трудности его операционализации и верификации, а также в относительной неопределенности инструментального измерения.

Среди весьма разнообразных и отличающихся друг от друга классических теоретических подходов следует также выделить концепцию «мультиполярности», исследованием которой занимались Е.М. Щербина [49], Е.С. Имкина и В.М. Кузьмина [30]. Концепция мультиполярности дополняет конструктивистскую трактовку, фиксируя структурные изменения в глобальной системе. БРИКС+ в этом контексте может рассматриваться как элемент формирующегося многополярного мира, где экономическая и политическая сила больше не концентрируется в руках одного центра, а распределяется между несколькими региональными «локомотивами». Согласно этой концепции, мир

переживает переход от униполярности, где экономическое и политическое лидерство принадлежит одной стране, к мультиполярности, где ведущую роль играют несколько стран. БРИКС+ может рассматриваться как один из элементов многополярной системы ввиду того, что входящие в него страны обладают значительным экономическим потенциалом и стремятся к активному участию в решении глобальных проблем.

### Экономико-структурные подходы

Второй группой подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по теоретико-методологическим основаниям мы считаем экономико-структурные подходы, которые нашли свое воплощение в геоэкономическом, экономико-политическом, финансово-технологическом, ресурсно-демографическом и промышленно-безопасном подходах.

Геоэкономический подход представляет собой методологическое направление, анализирующее международные процессы с позиции стратегического управления экономическими ресурсами и потоками. Данный подход исследовался в рамках научных работ Фукуямы Ф. [7], Хантингтона С. [12], Каплана Р. [15]. В контексте БРИКС+ геоэкономический подход акцентирует внимание на перераспределении глобальных потоков капитала, энергии, торговли и инвестиций, интерпретируя альянс как платформу для усиления экономического суверенитета и снижения зависимости от западных рынков и валютных систем. БРИКС+, с этой точки зрения, становится важным элементом становления новой геоэкономической реальности, в которой финансово-инвестиционное сотрудничество, создание трансрегиональных инфраструктурных проектов и развитие внутренних рынков альянса направлены на формирование альтернативного экономического центра силы. Однако критика геоэкономической парадигмы связана с её склонностью к экономическому редукционизму и недооценкой политико-идейной составляющей взаимодействия участников, а также с её ограниченной способностью объяснять мотивации государств [26], не поддающиеся экономической рационализации.

В рамках экономико-политического подхода БРИКС+ (Хейфец Б. А. [46], Дауни К. [5]) рассматривается как средство перераспределения глобального экономического влияния через усиление координации политик в ключевых отраслях — энергетике, продовольствии, логистике, валютно-финансовом секторе. Центральное место здесь занимает стремление к дедолларизации, формированию альтернативных механизмов расчётов, развитию собственных расчётных валютных единиц и внедрению цифровых технологий в трансграничные транзакции. Экономико-политический подход позволяет также обосновать устойчивость БРИКС+ на базе объединения экспортно-сырьевых интересов, прежде всего в сфере нефти, газа, редкоземельных металлов. Среди ограничений данного подхода можно отметить избыточный фокус на институциональных возможностях и ресурсной базе, в то время как внутренняя фрагментация интересов, различие моделей экономического развития и стратегий стран остаются вне зоны внимания.

Финансово-технологический подход анализирует возможности БРИКС+ как лаборатории для апробации инновационных финансовых инструментов и цифровых решений; исследованием данного направления занимались Купер Э.Ф. и Фарук А.Б. [36]. В центре внимания находятся национальные и транснациональные платформы для расчётов в цифровых валютах, внедрение блокчейн-решений в трансграничные транзакции и развитие суверенных платёжных систем. В рамках данного подхода БРИКС+ выступает как потенциальное ядро новой глобальной финансовой архитектуры, способной минимизировать риски монополии доллара, повысить киберустойчивость и предложить странам Глобального Юга гибкие альтернативы международным расчётным системам, находящимся под контролем западных регуляторов. Тем не менее, реализация подобных инициатив сталкивается с рядом препятствий, включая отсутствие единой расчётной единицы, различие в уровнях цифровой зрелости участников и недостаточную институционализацию нормативной базы для цифровых валют и платёжной интеграции.

Ресурсно-демографический подход трактует БРИКС+ как консорциум государств, обладающих

уникальной совокупностью демографических и ресурсных преимуществ, которые в долгосрочной перспективе могут стать основой для формирования автономных экономических макрорегионов. Он опирается на количественные показатели — численность населения, структура возрастной пирамиды, обеспеченность природными ресурсами и аграрными угодьями. Авторами подхода являются Малков С.Ю., Устюжанин В.В., Билюга С.Э. и Мусиева Д. М. [39]. Демографически-ресурсный анализ позволяет акцентировать внимание на таких странах, как Индия, Китай, Бразилия и Эфиопия, обладающих потенциалом демографического «окна возможностей» и формирующих долгосрочный внутренний спрос. Основным недостатком подхода заключается в его ограниченной способности учитывать институциональные, политические и управленческие факторы, которые определяют эффективность мобилизации ресурсного потенциала в условиях глобальной конкуренции.

Направлением экономико-структурной классификации, ориентированными на достижение устойчивого и безопасного роста, является промышленный подход – концепция «коллективной экономической безопасности», получившая развитие в трудах А.В. Манойло [40] и Е.С. Васютиной [27]. Развивающиеся страны, входящие в состав БРИКС+, уделяют особое внимание углублению и расширению экономического сотрудничества в области торговли товарами и услугами, инвестиций и технологий, стремясь обеспечить стабильный рост и благосостояние своих народов. В тоже время БРИКС+ неукоснительно поддерживает принципы мультилатерализма и неприкосновенности государственной суверенности, что делает его альтернативой традиционным интеграционным объединениям.

### **Институциональные и правовые подходы**

Третьим классификационным направлением можно выделить теории и концепции, фокусирующие свое внимание на институционализме и международном, прежде всего экономическом праве. Основой данной группы подходов можно выделить институциональный и неинституциональный подходы. Последователями данных концепции являются Киртон Д.Д. [33], Панова Д. А. [41] и Горбунова М.Л. [29]. Внутреннее институциональное устройство БРИКС+, характеризуется высокой степенью гибкости, отсутствием формализованных правил членства, постоянного секретариата и наднациональных механизмов регулирования. Институциональная гибкость рассматривается как преимущество в условиях глобальной нестабильности, поскольку позволяет БРИКС+ быстро адаптироваться к меняющимся международным условиям и расширять своё влияние за счёт кооптации новых участников без изменения базовой структуры [46]. Однако это одновременно является источником институциональной хрупкости, проявляющейся в риске фрагментации и отсутствии долгосрочной институциональной консолидации.

Неоинституционализм, развившийся как ответ на ограничения классического институционализма, исходит из предположения, что институции не только формируют рамки взаимодействия между государствами, но и влияют на предпочтения и стратегии акторов через механизмы финансово-экономического сотрудничества, нормотворчества, социализации и ограничения транзакционных издержек. Особое внимание в рамках неоинституционального анализа, как и в либеральном подходе, уделяется созданию параллельных институтов, таких как Новый банк развития и Пул условных резервных валют, а также консенсусному формату принятия решений в рамках БРИКС+, где каждое государство сохраняет высокий уровень суверенитета (Исхак, В., Шабнам, Г., и Асгер, М. Ф. [14]). Институции в данной трактовке рассматриваются не как автономные структуры, а как отражение согласованных интересов участников, способствующих снижению неопределенности и укреплению доверия. Существенным вкладом неоинституционализма в методологические подходы к обоснованию сущности БРИКС+ является выявление механизмов устойчивости объединения в условиях отсутствия централизованного управления. Вместе с тем, данный подход испытывает трудности в интерпретации политико-ценностных различий между участниками и потенциально недооценивает влияние внешнего дискурса на формирование институциональных норм блока.

В рамках институциональных подходов считаем возможным также выделить адаптационно-эволюционный подход. Ли Цзинчэн [38] и Хуан Маосин Тан Цзе [11] предлагают рассматривать БРИКС+ как институциональный организм, находящийся в состоянии постоянного изменения, мутации и адаптации к внешним вызовам. Вместо создания прочной и неизменной структуры, участники блоков формируют альянс «в движении», где центральными элементами становятся не формы, а процессы и результаты. В рамках данной парадигмы особое значение приобретают концепции мягкой институционализации, неформальных механизмов координации, проектного управления и ситуативных альянсов. Адаптационно-эволюционный подход особенно релевантен в анализе таких процессов, как расширение состава участников, трансформация повестки дня, а также институционализация новых форм сотрудничества, в частности — в цифровой, экологической и гуманитарной сферах. Тем не менее, сложность данного подхода заключается в высокой степени неопределённости критериев оценки эффективности, а также в необходимости эмпирического сопровождения через комплексные метрики институционального развития.

Шинкарецкая Г.Г. [38], Лапочкина Е.П. [37] и Ануфриева Л.П. [24] в рамках интеграционно-правового подхода анализируют эволюцию юридических механизмов в БРИКС+, включая международные соглашения, меморандумы о взаимопонимании, а также роль Нового банка развития как юридически обособленного субъекта международного финансового права. Данный подход позволяет оценивать правовую гибкость блока как фактор его институциональной адаптивности и устойчивости. Правовая специфика БРИКС+ характеризуется отсутствием наднационального регулирования, что принципиально отличает его от интеграционных моделей ЕС или ЕАЭС и формирует интеграционно-правовой подход к обоснованию сущности объединения. Вместо иерархической правовой архитектуры, в объединении действует консенсусная модель принятия решений, в которой каждый участник сохраняет нормативную автономию. В то же время, ограниченность правового инструментария, отсутствие единых стандартов и систематизированного свода норм усложняют взаимодействие внутри блока и могут ограничивать его способность к формированию обязательных к исполнению решений в долгосрочной перспективе.

### **Сетевые и гибридные подходы**

Четвертой группой подходов к обоснованию сущности БРИКС+ можно выделить сетевые и гибридные подходы, состоящие из непосредственно сетевого и геоэкономикополитического подходов. По мнению М. Эмирбайера и Дж. Гудвина, сетевые взаимодействия экономических субъектов основаны на «антикатегорическом императиве» [6]. Например, попытки выявить четкие критерии выбора стран для расширения состава БРИКС+ сталкиваются с существенными методологическими трудностями, обусловленными как сетевой природой данного международного объединения, так и спецификой принимаемых решений, которые основаны на консенсусе участников и учитывают множество факторов, включая геополитические интересы, экономический потенциал государств-кандидатов, их способность вносить вклад в реализацию общих проектов и др. Геоэкономикополитический подход позволяет рассматривать БРИКС+ как специфический инструмент пространственного стратегического планирования в условиях трансформации глобального распределения силы. В рамках данной теоретической модели Бонд Р. [3], Л. Савин [28] уделяли основное внимание пространственным проекциям власти, конкуренции за зоны влияния, контролю над инфраструктурами и ресурсами, а также символическим стратегиям государств в борьбе за статус и престиж. С этой точки зрения, БРИКС+ является механизмом геополитического позиционирования стран, не согласных с доминирующей архитектурой глобальной безопасности и распределения выгод. Расширение БРИКС+ за счёт стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки рассматривается как попытка сформировать альтернативные центры притяжения и установить новое геоэкономическое ядро. Геоэкономико-политическая перспектива позволяет понять конкуренцию между стратегиями государств-участников, например, соперничество Индии и Китая за влияние в Азии [13] или расхождения по вопросам энергетики и глобального регулирования.

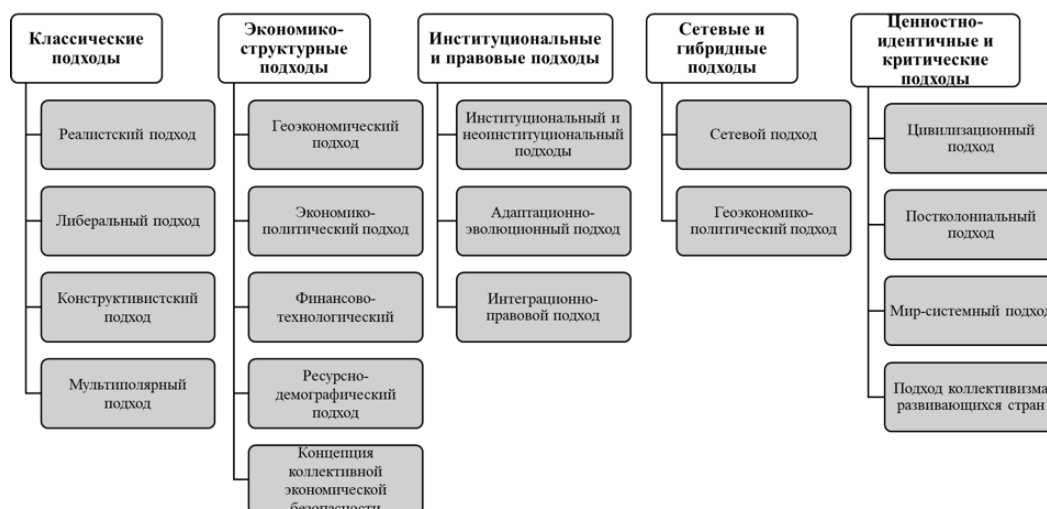


Без сотрудничества между ними БРИКС не сможет функционировать как единое целое, способное бросить вызов существующим глобальным структурам [25]. Однако она может переоценивать конфликтный потенциал объединения и недооценивать возможности консенсусного развития на основе общей заинтересованности в устойчивом многостороннем порядке.

### Ценностно-идентичные и критические подходы

Пятая группа подходов к обоснованию сущности БРИКС+ - ценностно-идентичные и критические подходы, которые состоят из цивилизационного, постколониального, мир-системного подходов и подхода коллективизма развивающихся стран. Цивилизационный подход представлен следующими авторами: Капур Д. [32], А. К. Абулмагд, Л. Ариспе и Х. Ашрави [43]. Подход основан на признании уникальности историко-культурных моделей стран БРИКС и рассматривается как союз суверенных цивилизаций, каждая из которых предлагает собственный путь развития. По своей сути является противопоставлением универсалистскому западному подходу, предполагающему доминирование либеральной модели. Постколониальный подход интерпретирует БРИКС как форму глобальной деколонизации и восстановления субъектности стран глобального Юга. Каусиканан Б., Шифринсон Дж., Слотер Э.-М. [20] акцентируют внимание на критике западного неокOLONIALИЗМА, стремлении к экономической независимости и переосмыслению глобальной повестки. Представители мир-системного подхода исходят из теории И. Валлерстайна [18] о ядре, полупериферии и периферии. БРИКС трактуется как союз стран полупериферии, стремящихся бросить вызов глобальной иерархии. Байрапп Р. [19] и Чакраборти С. [4] подчеркивают исторические циклы и системные кризисы капитализма как основу для подъема альтернативных центров силы. Ещё один концептуальный подход, закладывающий важные идеи в обоснование сущности БРИКС+, — это концепция «коллективизма развивающихся стран», которую разрабатывали Н.Н. Целищев [47] и Сун И. [45]. В соответствии с этой концепцией, БРИКС+ представляет наиболее эффективную форму совместной защиты экономических интересов стран в условиях мировых кризисов. Глобальное экономическое объединение позволяет развивающимся странам наиболее полно и с максимальным эффектом реализовывать свои интересы на международных площадках, повышать собственную экономическую и политическую роль в мире.

Результаты проведенной нами систематизации подходов можно проиллюстрировать в форме графической схемы (рис. 2).



**Рисунок 2** – Классификация подходов к обоснованию сущности БРИКС+ по теоретико-методологическим основаниям.

Источник: составлено автором



## Заключение

Анализ представленных подходов демонстрирует значительное методологическое разнообразие, отражающее сложность и многослойность феномена БРИКС+ в современной трансформации структуры мирового экономического пространства. Пять стран БРИКС+ выступили форпостами развивающихся экономик крупных макрорегионов мира. Благодаря этому объединение приобрело потенциал существенного влияния на реконфигурацию мировой экономики, предложив альтернативный центр экономической силы и трансформировав понятие «периферия».

Традиционные подходы, такие как неореалистский, неоинституциональный и геоэкономический, обеспечивают надёжную основу для анализа внешнеполитических интересов и экономической рациональности стран БРИКС+. Однако они имеют недостатки, связанные с недооценкой социокультурных и нормативных факторов, что ограничивает глубину понимания внутренней логики альянса.

Цивилизационный и постколониальный подходы вводят в анализ важную категорию идентичности и исторической памяти, но подвержены риску идеологизации и абсолютизации культурных различий. Эти подходы полезны для объяснения идеологических основ многополярности, однако требуют эмпирической конкретизации.

Конструктивистская и сетевая парадигмы акцентируют внимание на формировании смыслов и новых форм взаимодействия, что особенно актуально в условиях гибкости структуры БРИКС+. Их слабостью является сложность верификации выдвигаемых гипотез и ограниченность практической применимости.

Ресурсно-демографический и финансово-технологический подходы делают акцент на материальных и институциональных возможностях стран БРИКС+, однако рискуют недооценивать политические противоречия между участниками. Кроме того, высокий уровень разнообразия участников требует уточнения в рамках субрегионального анализа.

Адаптационно-эволюционный подход представляется наиболее перспективным для изучения динамики развития БРИКС+ в реальном времени. Он позволяет учитывать нестабильность глобальной среды и особенности неформальной институционализации.

Таким образом, ни один из подходов не может претендовать на универсальность. Наиболее продуктивной представляется стратегия междисциплинарного синтеза, в рамках которой возможно объединение структурного анализа, культурной интерпретации и институциональной динамики. Главной отличительной особенностью БРИКС+ помимо экономического, является его географическое, этническое и культурное разнообразие. Во многом именно уникальность и историко-экономический генотип Бразилии, России, Китая, Индии и ЮАР способствовали, в каждом случае по-своему, формированию национального потенциала экономического роста и прорыва, который совершили в мирохозяйственной системе указанные нации. И когда они резко ускорили свое развитие и обрели собственное значимое место в мировом сообществе, проявилась объективная необходимость институционального закрепления новой роли этих восходящих экономик в мире и создании благоприятных и сбалансированных условий дальнейшего глобального развития.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Acharya A. Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation // URL: [https://www.researchgate.net/publication/228285126\\_Foundations\\_of\\_Collective\\_Action\\_in\\_Asia\\_Theory\\_and\\_Practice\\_of\\_Regional\\_Cooperation](https://www.researchgate.net/publication/228285126_Foundations_of_Collective_Action_in_Asia_Theory_and_Practice_of_Regional_Cooperation) (дата обращения: 28.11.2023)
2. Beeson M., Zeng J. The BRICS and global governance: China's contradictory role // *Third World Quarterly*. – 2018. – Vol. 39, № 10. – P. 1962–1978. – URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186> (дата обращения: 03.04.2025).
3. Bond P. The BRICS' centrifugal geopolitical economy // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018. №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-brics-centrifugal-geopolitical-economy> (дата обращения: 03.05.2025).
4. Chakraborty, S. Significance of BRICS: Regional Powers, Global Governance, and the Roadmap for Multipolar World. *Emerging Economy Studies*. URL: [https://www.researchgate.net/publication/327731629\\_Significance\\_of\\_BRICS\\_Regional\\_Powers\\_Global\\_Governance\\_and\\_the\\_Roadmap\\_for\\_Multipolar\\_World](https://www.researchgate.net/publication/327731629_Significance_of_BRICS_Regional_Powers_Global_Governance_and_the_Roadmap_for_Multipolar_World) (дата обращения: 13.04.2025)
5. Downie C. Global energy governance: do the BRICs have the energy to drive reform? / C. Downie // *International Affairs – Chatham House. The Royal Institute of International Affairs – №4(V.91)*, 2015
6. Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99. - URL: <http://www.jstor.org/stable/2782580> (дата обращения: 09.11.2024)
7. Fukuyama F. The End of History? // *National Interest*. 1992. Summer. Pp. 3–18 URL: <https://archive.org/details/THEENDOOFHISTORYFUKUYAMA/mode/2up> (дата обращения: 01.04.2025).
8. Gilpin R. *The Political Economy of International Relations* / R. Gilpin. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. – 400 с. – ISBN 0-691-07731-0. – URL: [https://www.academia.edu/32483565/Robert\\_Gilpin\\_The\\_Political\\_Economy\\_of\\_International\\_Relations\\_Princeton\\_University\\_Press\\_1987\\_pdf](https://www.academia.edu/32483565/Robert_Gilpin_The_Political_Economy_of_International_Relations_Princeton_University_Press_1987_pdf) (дата обращения: 01.04.2025)
9. Hettne, B., Söderbaum . *Theorising the Rise of Regionness* (2000). *New Political Economy*, Vol 5, No 3 (December 2000). - URL: <https://ssrn.com/abstract=2398942> (дата обращения: 01.12.2023)
10. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / T. Hopf // *International Security*. – 1998. – Vol. 23, № 1 (Summer). – P. 171-200. - URL: <https://s3.amazonaws.com/serverless-libreoffice-pdf/44342HopfThePromiseofConstructivisminIRTheory.pdf> (дата обращения: 04.07.2025).
11. Huang Maoxing, Tang Jie. Пути реформы механизма сотрудничества БРИКС // *Китайская академия общественных наук [Электронный ресурс]*. - URL: [http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201808/t20180816\\_4543904.shtml](http://news.cssn.cn/zx/bwyc/201808/t20180816_4543904.shtml) (дата обращения: 30.04.2025)
12. Huntington S. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, 1993. № 3. Pp. 22–49.
13. India's Approach to China's Belt and Road Initiative—Opportunities and Concerns // *The Chinese Journal of Global Governance*. – 2025. – Vol. 5, № 2. – P. 136–152. – DOI: <https://doi.org/10.1163/23525207-12340041>
14. Ishaque, W., Shabnam, G., & Asgher, M. F. BRICS and Evolving Trends of Complex Interdependence: Implications for Pakistan. *Global Economics Review*, V(III), 143-153. [https://doi.org/10.31703/ger.2020\(V-III\).13](https://doi.org/10.31703/ger.2020(V-III).13) (дата обращения: 04.07.2025)
15. Kaplan R. *The Coming Anarchy: How Scarcity, Crime, Overpopulation, Tribalism, and Disease Are Rapidly Destroying the Social Fabric of Our Planet* // *Atlantic Monthly*, 1994. № 2. Pp. 44–77
16. Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence: Second Edition* / R.O. Keohane, J.S. Nye. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.
17. Krugman P.R. Strategic trade policy and the new international economics / P.R. Krugman // *Internet Archive: электрон. текст. дан.* – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986. – URL: <https://archive.org/details/strategictrade00krug/mode/2up> (дата обращения: 01.04.2025)
18. Leiss, W. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*, Immanuel Wallerstein, New York: Academic Press, 1974. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527800>

org/10.1017/S0008423900039573

19. Ramachandra B. Comparing Immanuel Wallerstein's critique of the BRICS with that of the creation of the United Nations. 9. URL: [https://www.researchgate.net/publication/323995767\\_Comparing\\_Immanuel\\_Wallerstein's\\_critique\\_of\\_the\\_BRICS\\_with\\_that\\_of\\_the\\_creation\\_of\\_the\\_United\\_Nations](https://www.researchgate.net/publication/323995767_Comparing_Immanuel_Wallerstein's_critique_of_the_BRICS_with_that_of_the_creation_of_the_United_Nations) (дата обращения: 13.04.2025)

20. The Long Unipolar Moment? American Dominance // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominancehttps://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominance?utm\\_medium=newsletters&utm\\_source=fatoday&utm\\_campaign=The%20Long%20Unipolar%20Moment%3F&utm\\_content=20231017&utm\\_term=FA%20Today%20-%20112017](https://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominancehttps://www.foreignaffairs.com/responses/long-unipolar-moment-american-dominance?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=The%20Long%20Unipolar%20Moment%3F&utm_content=20231017&utm_term=FA%20Today%20-%20112017) (дата обращения: 07.05.2025).

21. Van Tulder, R., Carneiro, J. and Gonzalez-Perez, M.A. (2016), «Introduction to This Volume: What Makes BRIC Multinationals Special?», *The Challenge of Bric Multinationals (Progress in International Business Research, Vol. 11)*, Emerald Group Publishing Limited, Leeds, pp. 41-57. - URL: <https://doi.org/10.1108/S1745-886220160000011005>

22. Varela A. H., Delgado R. G. M. The BRICS in the Contemporary Global Order: Objectives, Capabilities, and Limitations // *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. – 2019. – Vol. 9, № 2. – URL: <https://doi.org/10.26618/ojip.v9i2.2106> (дата обращения: 04.04.2025).

23. World Population Review 2025 // *World Population Review*. — URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/true-size-of-countries> (дата обращения: 15.05.2025).

24. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 12 (109). С. 123–133 <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133>

25. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // *Современная мировая экономика*. Том 2. No4(8). EDN: IHENYP

26. Белоусов В. М., Лубский А. В. Геоэкономическая парадигма научных исследований // *Пространство экономики*. 2013. №4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomicheskaya-paradigma-nauchnyh-issledovaniy> (дата обращения: 01.05.2025).

27. Васютина, Е. С. БРИКС: создание новой системы международной безопасности в рамках социально-экономического сотрудничества стран-участниц / Е. С. Васютина, А. Е. Исаева // *Актуальные проблемы развития мировой системы хозяйства и диалектика способов производства : Сборник научных работ студентов*. – Москва : Российский государственный социальный университет, 2014. – С. 105-108. – EDN VXGMHZ.

28. Геополитика: информационно-аналитическое издание. Тема выпуска: БРИКС. Выпуск XVIII - URL: <https://www.geopolitika.ru/sites/default/files/geopolitikan18-last.pdf> (дата обращения: 20.05.2025)

29. Горбунова М.Л. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами / Е.Ю. Ливанова, Н.К. Елизарова, В.Н. Овчинников // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. – 2017. – №4 (48). – С. 7-18.

30. Имкина, Е. С. БРИКС: основа мультиполярного мира / Е. С. Имкина, В. М. Кузьмина // *Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира : Сборник научных статей 6-й Международной научно-практической конференции, Курск, 14 декабря 2017 года / Под редакцией Л.В. Бычковой, В.М. Кузьминой*. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 54-57.

31. Канафина Д. А. Концепция «мягкой силы» и страны БРИКС // *Вестник магистратуры*. 2014. №8 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-myagkoy-sily-i-strany-briks> (дата обращения: 01.05.2025).

32. Капур Д. Диалог цивилизаций на пути к формированию философии гуманного мироустройства / Д. Капур // Диалог цивилизаций и международные отношения в условиях глобализации: монография. – М.; Н. Новгород ; Бейрут, 2008. – 247 с
33. Киртон Д.Д., БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества / Д.Д. Киртон, М.В. Ларионова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – № 2. – С. 7-30.
34. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (дата обращения: 15.05.2025).
35. Кудашова Н.Н. Перспективы БРИКС в условиях глобализации // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 5А. С. 79-89. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.010
36. Купер Э.Ф., Фарук А.Б. Аprobация клубного механизма взаимодействия БРИКС: Новый банк развития от концепции до становления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 45–47. – URL: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-39>
37. Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 234– 240. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks-evolyutsiya-rezultaty-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 04.05.2025)
38. Ли Цзинчэн. Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+» // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 110–120. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-3-110-120> (дата обращения: 06.05.2025)
39. Малков С. Ю., Устюжанин В. В., Билюга С. Э., Мусиева Д. М. Демографическое и экономическое развитие стран БРИКС: моделирование и прогнозирование // Век глобализации. 2024. № 4. С. 129–148. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.11
40. Манойло, А. В. Российский подход к формированию пространства коллективной информационной безопасности стран БРИКС / А. В. Манойло // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – Т. 4, № 3(15). – С. 156-163. – EDN YAKMMH
41. Панова Д.А. Особенности институционализации финансово-экономического сотрудничества стран БРИКС // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №4-3 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-institutsionalizatsii-finansovoeconomicheskogo-sotrudnichestva-stran-briks> (дата обращения: 02.05.2025).
42. Перская В. В., Эскиндаров М. А. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В.В. Перская, М.А. Эскиндаров. – Москва : Экономика, 2016. – 179 с.
43. Преодолевая барьеры диалог между цивилизациями / [А. К. Абулмагд, Л. Ариспе, Х. Ашрави и др.]; пер. с англ. [Т. П. Вечериной], под ред. С. П. Капицы. — М. : Логос, 2002
44. Стиглиц Д. Глобализация: Тревожные тенденции / Д. Стиглиц; пер. с англ. – Москва: Мысль, 2003.
45. Сун И. Геополитические условия создания брикс // Sciences of Europe. 2018. №29-2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-usloviya-sozdaniya-briks> (дата обращения: 17.07.2024).
46. Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС. Вопросы экономики. 2015;(8):25-42. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-25-42> (дата обращения: 02.05.2025)
47. Целищев Н.Н. БРИКС – новая прогрессивная форма международной интеграции развивающихся стран: становление и развитие // АОН. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-novaya-progressivnaya-forma-mezhdunarodnoy-integratsii-razvivayuschih-sya-stran-stanovlenie-i-razvitie> (дата обращения: 17.07.2024).
48. Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145
49. Щербина Е.М., Роль БРИКС в создании многополярного мира // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. №4 (105). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-briks-v-sozdanii-mnogopolyarnogo-mira> (дата обращения: 15.07.2024).



# BRICS+ as a new type of global entity: multifaceted approach and categorization development

**Antonina Alekseevna Gomulina**

Postgraduate Student,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: gomulina\_a@list.ru

---

## KEYWORDS

BRICS+, classical BRICS theories, economic and structural approaches, institutional and legal approaches, network and hybrid approaches, value-identical and critical approaches

## ABSTRACT

In recent decades, scientific literature has been rethinking the paradigms of regionalism, which will require the development of new models of macro-regional interaction. Despite the growing number of publications on the BRICS+ format, there is a lack of a comprehensive methodological framework capable of covering a variety of theoretical approaches and adapting them to the territorial specifics of the association. The purpose of the research is to develop a classification of methodological approaches to substantiating the essence of BRICS+ according to criteria: theoretical and cognitive foundations, and subject focus. In accordance with this, the tasks are set: to analyze and systematize key theoretical schools; to classify these approaches according to the stated criteria; to identify their strengths and weaknesses. The results revealed five groups of methodological approaches: classical theories of international relations; economic and structural; institutional; network and hybrid models; value-identical and critical paradigms. The analysis showed that none of them is able to fully reflect the complexity of BRICS+, which justifies the need for an interdisciplinary synthesis of structural, institutional, and cultural-constructivist analysis for further empirical verification and the development of practical recommendations for the development of the association. Of particular importance is the fact that the BRICS+ countries account for about a third of the world's territory and almost half of the world's population, and their combined contribution to GDP and foreign trade consistently exceeds the global average growth rate. At the same time, the association is characterized by the absence of a centralized management mechanism, which brings it closer to network models of cooperation and distinguishes it from classical integration blocks. This combination of factors reinforces the urgency of searching for a methodological framework for studying the essence of BRICS+ as a new type of global association.

---



# Анализ зарубежного опыта импакт-инвестирования и его адаптация к российским реалиям

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета на 2025 год.*

**Силпагар Элиф Юналовна**

кандидат экономических наук,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: eyusilpagar@fa.ru

**Ермаченкова Александра Сергеевна**

младший научный сотрудник,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

импакт-инвестиции, социальные инвестиции, экологические инвестиции, финансовые инструменты, устойчивое развитие

## АННОТАЦИЯ

Становление и популяризация концепции устойчивого развития обусловили постепенную трансформацию принципов инвестирования и стимулировали смещение предпочтений инвесторов от традиционного инвестирования в сторону новых видов вложений (ответственные инвестиции, ESG-инвестиции, импакт-инвестиции). В отличие от ответственных и ESG-инвестиций, импакт-инвестиции являются относительно новым явлением в инвестиционной практике. Российский рынок импакт-инвестиций находится в стадии зарождения, в то время как в зарубежной практике уже имеется накопленный опыт, лучшие практики из которого могут быть использованы для формирования российской национальной модели импакт-инвестирования. Цель исследования заключается в анализе и систематизации зарубежного опыта импакт-инвестирования для выявления лучших практик, которые могут быть адаптированы и использованы в российских реалиях. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов, таких как метод научной абстракции, методы системного и сравнительного анализа, статистические методы. В ходе исследования была сформирована и использована эмпирическая база, включающая аналитические статьи и публичные отчеты международных организаций, профессиональных импакт-сообществ зарубежных стран, а также научные работы отечественных и зарубежных исследователей. Анализ зарубежных практик импакт-инвестирования проведен в разрезе ключевых элементов механизма их реализации – объектов и субъектов импакт-инвестирования, используемых финансовых инструментов, особенностей нормативно-правового регулирования рынка и мер поддержки и стимулирования импакт-инвестиций. Были выявлены и систематизированы сходства и различия каждого анализируемого элемента в страновом разрезе, а также был сформирован комплекс мер, реализация которых будет способствовать развитию российского рынка импакт-инвестиций.

**JEL codes:** G10, G11, G15, M14

**DOI:** <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-164-178>

**Для цитирования:** Силпагар, Э.Ю. Анализ зарубежного опыта импакт-инвестирования и его адаптация к российским реалиям / Э.Ю. Силпагар, А.С. Ермаченкова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 7. - С.164-178. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

На протяжении длительного времени инвестирование и благотворительность являлись противоположными, направленными на достижение разных целей видами деятельности: инвесторы были ориентированы исключительно на получение финансовой выгоды, в то время как филантропы

во главу угла ставили реализацию социальных и экологических инициатив. Однако по мере того, как проблемы, с которыми сталкивалось общество, усугублялись, становилось ясно, что их решение исключительно при помощи института филантропии, а также государственных усилий невозможно. Это привело к постепенной трансформации взглядов на сам факт участия бизнеса и степень его вовлеченности в решении общественных проблем. В результате сформировался подход, согласно которому бизнес должен не только обеспечивать финансовую эффективность вложений для инвесторов, но и соблюдать баланс между экономической, социальной и экологическими сферами для обеспечения благополучия общества в долгосрочной перспективе, то есть гармонизировать свою деятельность в соответствии с основополагающими принципами концепции устойчивого развития.

Развитие концепции устойчивого развития также обусловило трансформацию принципов инвестирования, что привело к смещению фокуса с традиционного инвестирования (направленного исключительно на получение финансовой выгоды) к новым видам инвестиций, в том числе ответственным (или социально-ориентированным) инвестициям, ESG-инвестициям и импакт-инвестициям. Ответственные (или социально-ориентированные) инвестиции и ESG-инвестиции являются не новыми понятиями и терминами как в зарубежной практике, так и для российского рынка, в то время как импакт-инвестиции, будучи малоизученной формой осуществления вложений в отечественной и зарубежной инвестиционной практике, до сих остаются предметом многочисленных исследований и дискуссий.

По мере популяризации импакт-инвестирования, количество работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению различных аспектов данной инвестиционной практики, растет. В работах российских авторов преимущественно рассматриваются вопросы определения и уточнения понятийного аппарата [21, 24], в том числе выявление сущностных характеристик импакт-инвестиций и их критериев, необходимых для определения границ применимости данного понятия [20, 25], а также место импакт-инвестиций в системе иных видов инвестирования и их соотношение друг с другом [22]. В исследованиях же зарубежных авторов чаще поднимаются методологические аспекты оценки и измерения эффективности импакт-инвестиций в контексте не только их экономической отдачи, но и социального и экологического эффекта [5, 6, 7], а также вопросы управления рисками импакт-инвестиций [13].

Разная направленность отечественных и зарубежных работ отражает разную степень развития теоретических, методологических и практических аспектов импакт-инвестирования в России и зарубежом. В России рынок импакт-инвестиций находится в стадии зарождения, в то время как в зарубежной практике уже имеется положительный накопленный опыт, лучшие практики из которого могут быть использованы для формирования российской национальной модели импакт-инвестирования.

Целью данного исследования является анализ и систематизация зарубежного опыта импакт-инвестирования для выявления лучших практик, которые могут быть адаптированы к российским условиям с учетом специфики национальной экономики, правового поля и институциональных особенностей. В рамках данного исследования авторы не стремятся к развитию дискуссионных положений в части уточнения терминологического определения импакт-инвестиций, а рассматривают их как самостоятельный вид инвестиций, целью которых является получение как долгосрочных финансовых выгод, так и измеримых социальных и/или экологических результатов, причем приоритетность достижения обеих целей одинаковая.

В соответствии с поставленной целью и выбранным подходом к определению импакт-инвестиций была сформирована эмпирическая база исследования, включающая данные статистической отчетности и маркетинговых обзоров, аналитические статьи и публичные отчеты международных организаций в сфере импакт-инвестирования (Global Impact Investing Network, GIIN), исследования и обзоры профессиональных инвестиционных импакт-сообществ зарубежных стран (Impact Club, Bundesverband Impact Investing, AVPN, Investors Circle, India Impact Investment

Council), научные работы отечественных и зарубежных исследователей.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов, таких как метод научной абстракции, методы системного и сравнительного анализа, статистические методы.

### **Мировой рынок импакт-инвестиций: ключевые тенденции**

Несмотря на то, что первые упоминания об импакт-инвестициях датируются 2007 годом [23, 25], первые оценки объема рынка импакт-инвестиций были опубликованы только в 2010 году [8], после чего оценка и отслеживание динамики изменения ключевых качественных и количественных характеристик импакт-инвестиций приобрели ежегодную периодичность. Анализируя изменения количественных характеристик импакт-инвестиций, можно отметить стремительные темпы роста данного рынка – в 2010 году объем рынка импакт-инвестиций оценивался на уровне 50 млрд долл. США [8], а в 2024 году уже превысил 1,57 трлн долл. США [17]. Таким образом, за 14 лет мировой рынок импакт-инвестиций увеличился более чем в 30 раз, а среднегодовые темпы роста составили 27,92%.

Рынок импакт-инвестиции демонстрирует устойчивый рост, однако его географическое распределение было и остается крайне неравномерным: 53% мировых импакт-активов сосредоточено в европейских странах, включая Великобританию, 35% активов – в США и Канаде, еще 8% активов совокупно приходится на азиатские страны [17]. Такая диспропорция, по мнению авторов, обусловлена различиями в уровне развития финансовых институтов, а также регуляторными и культурными особенностями стран. В частности, с одной стороны, импакт-активы преимущественно сосредоточены в странах, которые являются мировыми финансовыми центрами и для которых характерен высокий уровень концентрации финансовых ресурсов (например, США, Великобритания). С другой стороны – импакт-инвестиции, в соответствии со своей направленностью, получают наиболее активное развитие в тех странах, в которых остро ощущаются социальные и экологические проблемы (например, Китай, Индия).

Ввиду неоднородности стран, входящих в данные региональные объединения (по уровню экономического развития в целом, по объемам и направлениям импакт-инвестиций, элементам механизма реализации импакт-инвестиций и стадии его развития, культурным особенностям) дальнейший анализ зарубежных практик импакт-инвестирования был проведен в разрезе отдельных стран, а не региональных объединений. Для анализа были отобраны следующие страны, в которых импакт-подход получил наиболее широкое распространение и уже прошел стадию зарождения: США, Великобритания, Китай, Германия, Австралия, Индия и Южная Корея. Анализ был проведен в разрезе следующих элементов: объекты импакт-инвестиций, субъекты импакт-инвестиций, финансовые инструменты импакт-инвестирования, нормативно-правовое регулирование импакт-инвестиций, меры поддержки и стимулирования импакт-инвестиций.

#### *Объекты импакт-инвестиций*

На сегодняшний день сложившаяся практика импакт-инвестирования в зарубежных странах показывает, что направления импакт-инвестиций представлены широким перечнем разных сфер и отраслей, который остается открытыми и продолжает активно расширяться. В практике анализируемых стран в совокупности насчитывается более 50 направлений вложения импакт-инвестиций. Однако подходы стран к определению и классификации сфер инвестирования сильно разнятся. Ввиду этих различий некоторые направления инвестирования могут частично пересекаться. Например, в США импакт-инвестиции в сельское и лесное хозяйство, а также в рыболовство – объединены в одно направление [18], в то время как в Великобритании данные направления разделены на три отдельные сферы [3]. Ввиду этого, для дальнейшего анализа и корректного сравнения страновых практик все направления импакт-инвестиций были систематизированы авторами и приведены к единообразию в соответствии с международной стандартизацией отраслевой классификации. Результаты приведены

в таблице 1.

При этом следует отметить, что использование разных классификаций направлений импакт-инвестирования вполне обусловлено с точки зрения выявления страновых особенностей вложения инвестиций. Разные классификации позволяют выделить специфические направления, связанные с решением проблем социального и экологического характера, которые присущи преимущественно или только отдельным странам и решение которых имеет важное значение для конкретной рассматриваемой страны. В частности, среди объектов импакт-инвестиций в США и Австралии отдельно выделяют проекты, которые направлены на поддержку и развитие местных и малоимущих сообществ, в Великобритании выделяют проекты в сфере ментального здоровья, а также финансовой инклюзии, для Индии актуальными являются проекты в сфере поддержки женского образования и предпринимательства, а также проекты, направленные на улучшение условий жизни населения (обеспечение доступа к чистой и питьевой воде, базовым продуктам питания, электроэнергии и другие).

**Таблица 1** – Объекты (направления) импакт-инвестиций, систематизированные согласно международной стандартизации отраслевой классификации

Объекты (направления) импакт-инвестиций	Страны						
	Австралия	Великобритания	Германия	Индия	Китай	США	Южная Корея
Водоснабжение, системы канализации, удаление отходов и меры по восстановлению окружающей среды	+		+	+	+	+	+
Деятельность в области здравоохранения и социальной работы	+	+	+	+		+	+
Информация и связь							
Образование	+	+	+	+	+	+	
Искусство, сфера развлечений и отдыха						+	
Прочие виды деятельности в сфере услуг	+	+	+	+		+	+
Сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство	+	+	+	+		+	
Строительство	+	+	+	+		+	
Транспорт и складское хозяйство		+			+	+	
Финансовая и страховая деятельность	+	+		+	+	+	
Электроснабжение, газоснабжение, снабжение паром и кондиционирование воздухом	+	+	+	+	+	+	

Источник: составлено авторами по данным [2, 3, 4, 9, 10, 14, 16, 19, 23]

К наиболее распространенным направлениям осуществления импакт-инвестиций можно отнести вложения в проекты в следующих сферах (импакт-инвестиции в данных направлениях осуществлялись в шести странах из семи анализируемых):

- водоснабжение, системы канализации, удаление отходов и меры по восстановлению окружающей среды;
- деятельность в области здравоохранения и социальной работы;
- образование;
- электроснабжение, газоснабжение, снабжение паром и кондиционирование воздухом.

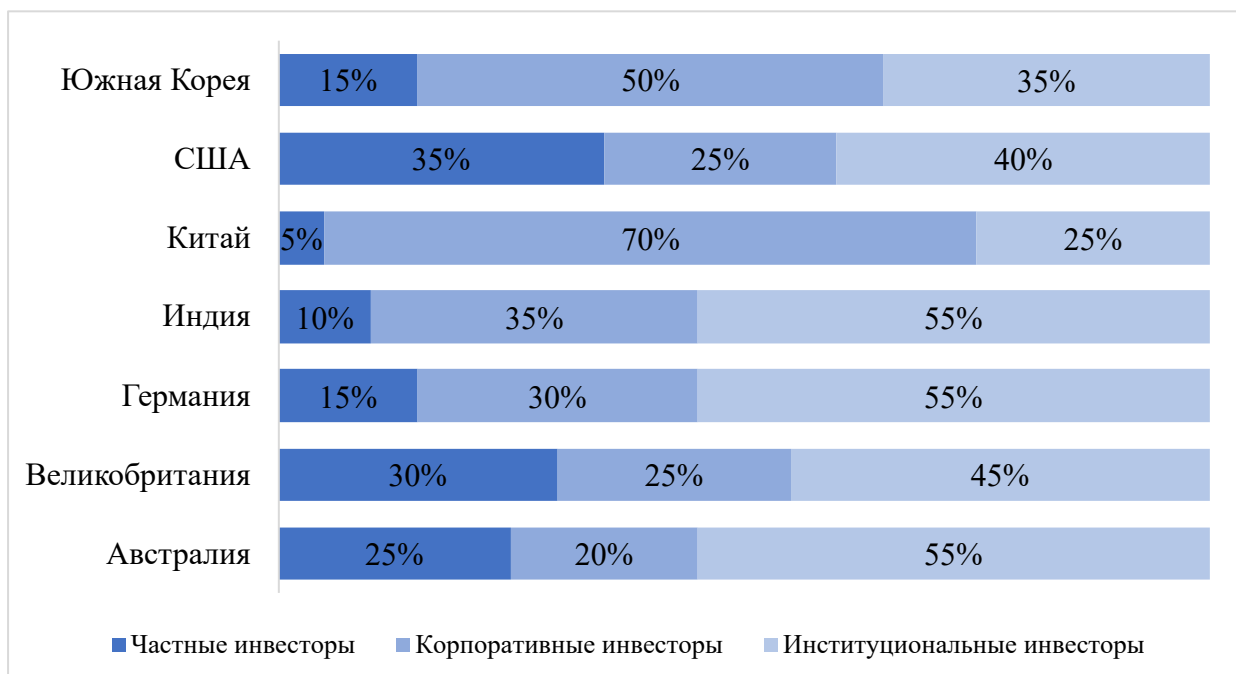
При этом наибольшее разнообразие направлений осуществления импакт-инвестиции наблюдается в США (импакт-инвестиции в стране осуществлялись в десять из одиннадцати направлений).

#### Субъекты импакт-инвестиций

Для анализа субъектного состава импакт-инвестиций все инвесторы, которые осуществляют вложения в импакт-проекты, были сгруппированы в три категории:

- частные – к данной категории отнесены индивидуальные инвесторы (High-Net-Worth Individuals или HNWI), бизнес-ангелы, семейные фонды и трасты;
- корпоративные – в данную группу входят крупные и средние корпорации, осуществляющие импакт-инвестиции, в том числе посредством корпоративных инвестиционных и венчурных фондов;
- институциональные – в данную категорию включены пенсионные фонды, банки и кредитные организации (в том числе МФО), страховые организации, инвестиционные фонды.

Анализ субъектов импакт-инвестиций показал, что участие в импакт-инвестициях принимают все выделенные виды инвесторов. Структура инвесторов в разрезе каждой анализируемой страны представлена на рисунке 1.



**Рисунок 1** – Субъекты импакт-инвестиций в страновом разрезе

Источник: составлено авторами по данным [2, 3, 4, 9, 10, 14, 16, 19, 23]

В субъектном составе инвесторов в страновом разрезе можно выделить следующие тенденции и закономерности. Для стран с развитой экономикой (США, Великобритания, Австралия) характерна высокая доля частных инвесторов (30-40%). Это во многом обусловлено развитой культурой импакт-инвестиций, системой таргетированных налоговых преференций, а также высокой активностью семейных офисов (family offices). Также для этих стран характерно активное вовлечение в импакт-



инвестиции и институциональных инвесторов (40-55%), в частности, пенсионных фондов, кредитных организаций, а также специализированных импакт-фондов.

В азиатских странах (Китай, Южная Корея, Индия) наряду с институциональными инвесторами высокой активностью в сфере импакт-инвестирования характеризуется деятельность крупных корпораций – доля корпоративных инвесторов в Китае составляет 25%, в Южной Корее – 35%, в Индии – 55%. Помимо корпоративных венчурных фондов (наиболее распространенная форма осуществления корпоративных импакт-инвестиций) корпорации создают и отдельные бизнес-подразделения для разработки импакт-проектов [23]. При этом высокая доля корпоративных инвесторов в данных странах объясняется уникальным сочетанием экономических, регуляторных и культурных факторов:

- доминирование в экономике страны крупных корпораций-держателей капиталов (чеболи в Южной Корее, государственные корпорации в Китае);
- наличие прямых императивных государственных директив в части инвестиций в социальные и экологические проекты делает их обязательной частью корпоративной стратегии (Китай, Южная Корея);
- традиционно высокая корпоративная ответственность (Индия).

#### *Финансовые инструменты импакт-инвестирования*

В зарубежной практике импакт-инвестирования наиболее широкое распространение получили модели смешанного финансирования, которые предусматривают как использование различных комбинаций источников финансирования, так и разные сочетания используемых финансовых инструментов.

Популярность данного подхода обусловлена стремлением к обеспечению высокого уровня финансовой доходности при одновременной минимизации рисков импакт-инвестиций. Поскольку финансовая выгода является одной из двух равнозначных целей осуществления импакт-инвестиций (наряду с получением социального и/или экологического результатов), то уровень доходности импакт-инвестиций должен быть привлекателен для инвестора, а значит – конкурентоспособен относительно рыночных предложений и альтернатив. Иными словами, доходность импакт-инвестиций должны быть равна среднерыночной доходности или же стремиться к ней. Возможность обеспечения высокой доходности импакт-инвестиций подтверждается опросами GIIN [18], согласно которым 74% опрошенных инвесторов в качестве ожидаемой доходности импакт-инвестиций определяют уровень рыночной ставки доходности, скорректированной на соответствующий риск проекта, а еще 15% инвесторов – доходность, близкую к среднерыночному уровню. Более того, 86% инвесторов отмечают, что финансовые результаты импакт-инвестиций полностью совпали с их ожиданиями или же превзошли их.

Наиболее распространенными в зарубежной практике импакт-инвестирования инструментами являются широко известные (традиционные) инструменты финансирования (в частности, банковские кредиты и займы, облигации, прямые инвестиции, государственные или корпоративные гранты), которые могут использоваться во всех анализируемых странах для финансирования практически любых инвестиционных проектов, в том числе и импакт-проектов. По мере развития и распространения практик социального или ESG инвестирования, данные инструменты были модифицированы под конкретные инвестиции (например, зеленые и эко-инструменты – зеленые облигации, эко-кредиты; облигации социального или устойчивого развития и другие). Также активно используются венчурные инвестиции, в том числе корпоративные.

Отдельный интерес представляют более сложные и таргетированные инструменты финансирования, которые характеризуются целевым характером использования для финансирования непосредственно импакт-проектов. Среди них можно выделить:

- гарантированные кредиты и кредиты под проекты солидарности (Германия);
- краудинвестинг (Германия);

- возобновляемые гранты (Индия);
- Debt with Revenue Sharing (Индия);
- инструменты PRI или программно-ориентированные инвестиции (США);
- соглашение о разделе доходов или соглашение о долевом отчислении доходов – Income Share Agreement (США).

Описание вышеперечисленных инструментов, их особенности и специфика их использования приведены в таблице 2.

**Таблица 2** – Сложные и таргетированные инструменты финансирования импакт-инвестиций, используемые в зарубежных странах

Наименование инструмента	Описание инструмента	Страновая принадлежность инструмента	Сферы использования инструмента
Гарантирован-ные кредиты, кредиты под проекты солидарности	кредиты, которые обеспечивают предварительное полное финансирование проекта и предоставляются под гарантии будущих поступлений (взносов) от потенциальных клиентов (доноров) импакт-проекта	Германия	здравоохранение, образование, культура, социальная экономика
Краудинвестинг	альтернативный инструмент финансирования, который является одной из форм коллективного инвестирования. Принципиальным отличием краудинвестинга от других форм коллективного инвестирования является предоставление инвесторам в обмен на их вложения определенной доли в акционерном/уставном капитале	Германия	все сферы
Debt with Revenue Sharing	долговой инструмент, который предусматривает погашение полученного займа в виде процентных платежей от будущей выручки импакт-проекта до полного погашения долга	Индия	финансовая грамотность, сельское хозяйство

Наименование инструмента	Описание инструмента	Страновая принадлежность инструмента	Сферы использования инструмента
Возобновляемые гранты	гранты, предполагающие полный или частичный возврат денежных средств при условии выхода проекта на прибыль. При неудачной реализации проекта (либо несоответствии полученных результатов ожиданиям) возобновляемые гранты трансформируются в традиционную форму грантов, которые предоставляются на безвозмездной основе и не подлежат возврату	Индия	все сферы
PRI	программно-ориентированные инструменты предусматривают предоставление средств под льготные ставки с длительными сроками погашения на условиях возвратности (по аналогии с долговыми инструментами), однако также предусматривают возможность списания долга. Характерными особенностями инструментов является их субъектная ориентированность (инструменты используются преимущественно фондами, в том числе эндаумент-фондами, и благотворительными организациями), а также применяемая к инструментам система таргетированных налоговых льгот и регуляторных послаблений	США	все сферы

Наименование инструмента	Описание инструмента	Страновая принадлежность инструмента	Сферы использования инструмента
Соглашение о разделе доходов или соглашение о долевом отчислении доходов (Income Share Agreement, ISA)	особая форма фандинга, предусматривающая возврат долга за счет отчисления определенной доли будущей заработной платы. Базируется на концепции инвестирования в потенциал человека в обмен на часть его будущей заработной платы, которая была описана Милтоном Фридманом [15]	США	образование

Источник: составлено авторами по данным [2, 3, 4, 9, 10, 14, 16, 19, 23]

#### *Нормативно-правовое регулирование импакт-инвестиций*

Несмотря на то, что зарубежная практика импакт-инвестирования берет свое начало с 2007 года, по состоянию на сегодняшний день нормативно-правовое регулирование данного вида инвестиций во многих странах до сих пор не выделено и не сформировано в отдельную систему и преимущественно попадает под действие законодательных норм и страновых политик стран в сфере устойчивого развития, направленных преимущественно на достижение целей устойчивого развития, разработанных ООН (ЦУР ООН), а также соблюдение требований ESG-повестки. Например, разработка «зеленых таксономий» в странах европейского союза или Государственная стратегия устойчивого развития в Китае.

Среди анализируемых стран дополнительные законодательные инициативы, которые могут быть отнесены к попыткам или целенаправленным шагам по формированию отдельной системы нормативно-правового регулирования, непосредственно направленного на сферу импакт-инвестиций, разрабатываются в ряде стран – в Великобритании, Австралии, США и Южной Корее.

В Великобритании был создан специальный фонд (Big Society Capital). Целью создания фонда является аккумуляция капитала (в том числе с неактивных банковских счетов) для дальнейшего его размещения в импакт-проекты через систему финансовых посредников [3]. Данная схема организации фонда позволяет определить его как «банк банков» или же как «оптовый банк», который с одной стороны, обеспечивает возможность задействовать неактивный капитал, а с другой стороны – является дополнительным источником целевого финансирования инвестиционных импакт-инициатив.

В Австралии в 2019 году была сформирована целевая группа по инвестициям в социальное воздействие для разработки стратегической роли правительства на рынке инвестиций в социальное воздействие [1]. Среди ключевых рекомендаций данной группы – создание специального фонда по модели Великобритании с целью активизации и стимулирования практики импакт-инвестирования в стране.

В США можно отметить разработанную и действующую сложную систему нормативно-правовых актов, которые регулируют использование программно-ориентированных инструментов финансирования (PRI), а также обязательства кредитных институтов по осуществлению инвестиций в малоимущие сообщества (согласно результатам проведенного анализа практики импакт-инвестирования в США и направлений инвестирования – вложения в проекты по поддержке и развитию малоимущих сообществ и местных сообществ является одним из важных направлений импакт-инвестирования в стране).

В Южной Корее регулирование импакт-сферы осуществляется в том числе посредством закрепления института социальных предприятий, деятельность которых попадает под действие закона о развитии социальных предприятий (Social Enterprise Promotion Act). Помимо определенных требований, накладывающих ограничения на деятельность данного вида предприятий, в стране для них также предусмотрены меры государственной как финансовой, так и нефинансовой поддержки, которые будут рассмотрены далее.

Исходя из методов регулирования, присущих большей части действующих в странах правовых норм, регулирующих импакт-инвестиции, анализируемые страны можно классифицировать на три группы:

- страны с «жесткими стандартами» – страны, в правовом регулировании которых преобладают императивные нормы права (страны ЕС, США);

- страны с сильной государственной ролью – страны, в которых регулирование импакт-инвестиций носит императивный характер и имплементировано на уровне государственных стратегий (Китай);

- страны с «гибкими нормами» – страны, в правовом регулировании которых сочетаются императивные и диспозитивные нормы права (Южная Корея, Индия, Австралия).

Отдельно следует рассмотреть стандарты и нормы, которые могут быть применены к импакт-инвестициям в анализируемых странах, но при этом носят рекомендательный, а не обязательный характер (представлены в таблице 3).

**Таблица 3 – Стандарты и нормы, применяемые к импакт-инвестициям**

Наименование стандартов / норм	Сфера действия стандартов / норм	Страны, которые применяют данные стандарты / нормы
IRIS+	международные стандарты / нормы	все анализируемые страны
ЦУР ООН	международные стандарты / нормы	все анализируемые страны
CDFI	международные стандарты / нормы	США
Climate Bond Standard (CBI)	международные стандарты / нормы	Австралия
Green Bond Principles (ICMA)	международные стандарты / нормы	США
GRI	международные стандарты / нормы	США
Impact Management Project	международные стандарты / нормы	Германия
B Lab	национальные стандарты / нормы	США
Стандарт RIAA	национальные стандарты / нормы	Австралия
Green Bond Endorsed Project Catalogue	национальные стандарты / нормы	Китай
Korea Social Enterprise Promotion Agency	национальные стандарты / нормы	Южная Корея



Наименование стандартов / норм	Сфера действия стандартов / норм	Страны, которые применяют данные стандарты / нормы
The German Sustainability Code (GSC)	национальные стандарты / нормы	Германия

*Источник: составлено авторами по данным [2, 3, 4, 9, 10, 11, 14, 16, 19, 23]*

Все анализируемые страны используют подход к оценке импакт-инвестиций в соответствии с влиянием результатов осуществления данных инвестиций и проектов на достижение целей устойчивого развития, разработанных ООН, что обусловлено его широким распространением в качестве подхода к оценке эффектов импакт-инвестиций. Также многие страны используют совокупность показателей IRIS+ в качестве системы метрик для измерения социального и экологического эффектов импакт-инвестиций. Ряд стран (Австралия, Германия, США, Южная Корея) наряду с использованием общепринятых стандартов, разрабатывают собственные национальные подходы к оценке и измерению эффектов от импакт-инвестиций.

#### *Меры поддержки и стимулирования импакт-инвестиций*

В международной практике меры поддержки и стимулирования импакт-инвестиций предусматривают как традиционные инструменты (например, налоговые льготы, льготные целевые кредиты, гранты и субсидии), так и сложные таргетированные инструменты (например, использование механизма ускоряющегося капитала [23] или предоставление налоговых послаблений для специальных организационно-правовых форм, деятельность которых находится в контуре импакта. К последним в качестве примера можно отнести фонды квалифицированных возможностей или Qualified Opportunity Funds (QOF) в США [12]).

Также все меры поддержки и стимулирования импакт-инвестиций можно классифицировать на меры финансовой и нефинансовой поддержки и стимулирования. При этом наибольшее распространение получили меры первого типа – меры финансовой поддержки и стимулирования активно используются в практике всех анализируемых стран. К мерам финансовой поддержки и стимулирования относятся в первую очередь инструменты налогового регулирования (налоговые льготы и вычеты для инвесторов и предприятий, реализующих импакт-проекты), а также субсидии и гранты.

Меры нефинансового характера в явном виде используются только в Великобритании (предприятия государственного сектора Великобритании помимо экономических аспектов каждого заключаемого на конкурсной основе контракта, также законодательно обязываются учитывать в равной степени и социальные и экологические эффекты данного контракта [23]). Некоторые исследователи относят к мерам нефинансовой поддержки и стимулирования импакт-инвестиций создание специальных организационно-правовых форм – социальных предприятий, для которых предусмотрены ограничения на вывод прибыли и обязательные требования о публикации отчетов о реализации их социальной миссии. Институт социальных предприятий наибольшее распространение получил в Великобритании, но также встречается в практике США и Южной Кореи. Следует отметить, что в Южной Корее поддержка социальных предприятий наиболее разнообразна и дополнительно предусматривает предоставление поддержки в части продвижения социальных предприятий и их продукции (например, в стране разработан национальный фирменный стиль и логотип для таких предприятий, а также предусмотрено обязательное участие таких предприятий во всех значимых событиях в стране).

#### **Заключение**

По результатам проведенного анализа передовых зарубежных практик импакт-инвестирования в разрезе ключевых элементов механизма импакт-инвестиций сделаны следующие выводы.

На сегодняшний день безусловными лидерами в сфере импакт-инвестирования являются США

и Великобритания – данные страны лидируют как по объему импакт-инвестиций, так и по уровню развития культуры импакт-инвестирования. Более того, отдельные особенности национальных моделей данных стран активно тиражируются другими странами при разработке и построении своих. В частности, элементы экосистемы импакт-инвестиций Великобритании официально определены в качестве бенчмарка при формировании институциональных условий развития австралийского рынка импакт-инвестиций. Это еще раз подтверждает целесообразность и актуальность проведения анализа зарубежного опыта и применение отдельных его элементов в процессе построения национальной модели импакт-инвестирования. Динамика развития рынков импакт-инвестиций в других странах, которые использовали отдельные элементы зарубежного опыта при развитии собственного рынка (в частности, Австралия) подтверждает наличие положительного влияния внедрения и адаптации зарубежных практик на эффективность (скорость) развития национального рынка импакт-инвестиций. Так на примере Австралии можно отметить стремительный рост рынка импакт-инвестиций: так, в 2017 г. рынок импакт-инвестиций в Австралии оценивался на уровне 5,7 млрд долл. США, а по итогам 2020 г. увеличился в 3,5 раза и достиг значения 19,9 млрд долл. США [2]).

Зарубежный опыт также подтверждает возможность имплементации принципов импакт-инвестирования практически в любых сферах и отраслях, а также заинтересованность в данном инструменте широкого круга инвесторов при своевременном формировании соответствующих условий для развития рынка импакт-инвестиций. При этом в каждой стране помимо вложений в проекты традиционных направлений (здравоохранение, зеленая энергетика, охрана окружающей среды и другие) импакт-инвестиции также осуществляются в те импакт-проекты, реализация которых направлена на решение актуальных и присущих конкретной стране социальных и экологических проблем (например, в США и Австралии – поддержка и развитие местных сообществ; в Индии – улучшение условий жизни населения, а также поддержка женского образования и предпринимательства). На российском рынке примеры осуществления импакт-инвестиций имеются в разных отраслях, но преимущественно в здравоохранении, образовании, а также в сфере охраны окружающей среды. При этом целесообразным представляется определить в России в качестве приоритетных и стимулировать те направления развития импакт-инвестирования, которые непосредственно соответствовали бы и содействовали бы достижению национальных целей и задач социально-экономической политики государства, в том числе и в контексте реализации целей устойчивого развития. Это позволит рассматривать импакт-инвестиции не просто как новый вид инвестирования, но как инструмент достижения общественно значимых целей, предусматривающий потенциально высокую эффективность за счет синергии усилий государства и бизнеса.

Также для стимулирования развития российского рынка импакт-инвестиций необходима разработка комплекса мер, реализация которых будет направлена на формирование соответствующей нормативно-правовой базы; разработку таргетированных мер финансовой и нефинансовой поддержки и стимулирования импакт-инвестиций; разработку систем оценки социальных и экологических результатов импакт-инвестиций или же адаптацию уже существующих международных и/или зарубежных стандартов и норм для российского рынка.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Australian Government. Department of Social Services. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dss.gov.au/> (дата обращения: 02.05.2025).
2. Australian market for impact investments triples and is set for further growth: RIAA study. – URL: <https://www.responsibleinvestment.org/events-news/item/australian-market-for-impact-investments-triples-and-is-set-for-further-growth-riaa-study> (дата обращения: 02.05.2025).
3. Better Society Capital (Big Society Capital). Официальный сайт. Электронный ресурс]. – URL: <https://bettersocietycapital.com/> (дата обращения: 02.05.2025).
4. Bundesverband Impact Investing. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bundesinitiative-impact-investing.org/> (дата обращения: 02.05.2025).
5. Busch T., Bruce Clark P., Derwall J., et al. Impact investments: A call for (re)orientation // SN Business & Economics. – 2021. – №1(2). P. 33.
6. Busch, Timo and Pruessner, Eric and Brosche, Hendrik, Principles for Impact Investments: Practical guidance for measuring and assessing the life cycle, magnitude, and tradeoffs of impact investments. – 2023.
7. Cole, Shawn Allen and Jeng, Leslie and Lerner, Josh and Rigol, Natalia and Roth, Benjamin, What Do Impact Investors Do Differently? // Harvard Business School Entrepreneurial Management Working Paper. – №24-028.
8. Impact Finance Survey Report. [Электронный ресурс]. – URL: <https://thegiin.org/publication/research/impact-finance-survey-2010> (дата обращения: 02.05.2025).
9. Impact investing institute. Официальный сайт. Электронный ресурс]. – URL: <https://iiic.in/> (дата обращения: 02.05.2025).
10. India Impact Investment Council. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.impactinvest.org.uk/who-we-are/> (дата обращения: 02.05.2025).
11. Investors Circle. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.investors-circle.org/> (дата обращения: 02.05.2025).
12. IRS. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.irs.gov/credits-deductions/businesses/invest-in-a-qualified-opportunity-fund> (дата обращения: 02.05.2025).
13. Islam, S.M. Impact risk management in impact investing: How impact investing organizations adopt control mechanisms to manage their impact risk // Journal of Management Accounting Research. – 2023. – Vol. 35. Issue 2. – P. 115-139.
14. KfW Development Bank. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/International-financing/KfW-Entwicklungsbank/> (дата обращения: 02.05.2025).
15. Milton Friedman. The Role of Government in Education. [Электронный ресурс]. – URL: <https://la.utexas.edu/users/hcleaver/330T/350kPEEFriedmanRoleOfGovttable.pdf> (дата обращения: 02.05.2025).
16. RIAA. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.responsibleinvestment.org/> (дата обращения: 02.05.2025).
17. Sizing the impact investing market. GIIN. [Электронный ресурс]. – URL: <https://thegiin.org/publication/research/sizing-the-impact-investing-market-2024/> (дата обращения: 02.05.2025).
18. State of the Market 2024: Trends, Performance and Allocations. GIIN. [Электронный ресурс]. – URL: <https://thegiin.org/publication/research/state-of-the-market-2024-trends-performance-and-allocations/> (дата обращения: 02.05.2025).
19. The Asian Venture Philanthropy Network. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://avpn.asia/> (дата обращения: 02.05.2025).
20. Денисов С.А., Джазовская И.Н. Выявление сущностных признаков понятия «преобразующее инвестирование» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – № 42(2). – С. 199-206.
21. Ермакова Е.П. Правовое регулирование «ответственного» инвестирования в России и зарубежных странах: понятие, принципы, примеры // Вестник Пермского университета. Юридические

науки. – 2022. – № 55(1). – С. 86-106.

22. Комбарова А.Е., Протас Н.Г. Ключевые различия между SRI, ESG и импакт-инвестированием // *Индустриальная экономика*. – 2021. – №7(5). – С. 604-608.

23. *Мировой опыт развития импакт-инвестиций 2020* // Фонд «Наше будущее», ВШЭ.

24. Саврасова Д.В. Импакт-инвестирование как новое направление финансирования // *Финансы и кредит*. – 2019. – №25(10). – С. 2207-2216.

25. Святохо Н.В. К вопросу о сущности импакт-инвестирования в современных рыночных условиях // *Фундаментальные исследования*. – 2024. – № 10. – С. 159–170.

# Analysis of international impact investing practices and their adaptation to the Russian context

*This article was prepared based on research conducted with the financial support of the state-funded assignment of Financial University under the Government of the Russian Federation for the year 2025*

## **Silpagar Elif Yunalovna**

Candidate of Sciences in Economics,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: eyusilpagar@fa.ru

## **Ermachenkova Alexandra Sergeevna**

Junior Research Fellow,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

### **KEYWORDS**

impact investment, socially responsible investing (SRI), green finance, financial instruments, sustainability

### **ABSTRACT**

The rise and growing prominence of the sustainable development concept have driven a gradual transformation in investment principles, prompting a shift in investor preferences from traditional investment approaches toward novel forms of capital allocation, such as responsible investing, ESG investing, and impact investing. Unlike responsible and ESG investing, impact investing represents a relatively recent phenomenon in investment practice. The Russian impact investing market is currently in its nascent stage, whereas international practice has already accumulated substantial experience. Best practices from global markets can be leveraged to shape a Russian national model of impact investing. The aim of this study is to analyze and systematize international impact investing practices to identify best practices that can be adapted and implemented within the Russian context. The methodological framework of the research comprises a combination of general scientific and specialized methods, including the method of scientific abstraction, systemic and comparative analysis, and statistical methods. The study draws upon an empirical foundation consisting of analytical articles, public reports from international organizations and professional impact investing communities abroad, as well as scholarly works by domestic and foreign researchers. The examination of global impact investing practices was conducted across key elements of their implementation framework: the objects and subjects of impact investing, financial instruments employed, regulatory and legal specifics of the market, and policy measures supporting and incentivizing impact investments. Similarities and differences in each analyzed element were identified and systematized on a country-by-country basis. Additionally, a set of measures was formulated to facilitate the development of the Russian impact investing market.



# Влияние уровня расходов государства на социальное неравенство и качество жизни населения: случай ЕАЭС

Маркин Максим Игоревич 

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: markinmi@ystu.ru

Кораблева Софья Артемовна

студент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: korablevasa.22@edu.ystu.ru

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

коэффициент Джини;  
ИЧР, неравенство доходов  
в ЕАЭС; образование и  
социальное неравенство;  
корреляционный анализ

## АННОТАЦИЯ.

Исследование посвящено анализу взаимосвязи между уровнем образования населения и показателями социального неравенства в странах ЕАЭС в долгосрочном интервале времени. Гипотеза исследования – между уровнем образования в обществе и социальным неравенством должна существовать обратная зависимость – доступность образования создает предпосылки для выравнивания неравенства в обществе. С помощью корреляционного анализа исследовалась взаимосвязь между тремя прокси-показателями, характеризующими уровень образования (государственные расходы на образование) и социального неравенства (индекс Джини, ИЧР). Полученные результаты не позволяют верифицировать выдвинутую в работе гипотезу: в большинстве случаев была зафиксирована положительная, а в ряде стран статистически значимая, корреляция между государственными инвестициями в образование и качеством жизни; в то же время взаимосвязь между расходами на образование и уровнем социального неравенства оказалась статистически незначимой. Полученные результаты подчеркивают, что для достижения устойчивого снижения социального неравенства одних лишь расходов на образование недостаточно.

JEL codes: I24, I25, D63

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-179-186>

Для цитирования: Маркин, М.И. Влияние уровня расходов государства на социальное неравенство и качество жизни населения: случай ЕАЭС / М.И. Маркин, С.А. Кораблева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.179-186. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

## Введение

Влияние уровня образования на социальное неравенство традиционно исследуется в социогуманитарных науках, поскольку образование выступает фактором формирования человеческого капитала, а неравенство доходов отражает распределительные механизмы в обществе. Согласно теории человеческого капитала [1; 2], образование повышает производительность труда, что ведет к росту индивидуальных доходов. В свою очередь, инвестиции в образование создают положительную отдачу, формируя основу для экономического роста. Однако распределение образовательных возможностей в обществе неоднородно, а это способствует усилению неравенства. Например, институциональные теории подчеркивают, что система образования часто воспроизводит существующую социальную стратификацию, ограничивая вертикальную мобильность для низкодоходных групп [3].

Доступ к качественному образованию чаще всего определяется социально-экономическим статусом семьи. Так, дети из обеспеченных слоев чаще посещают школы с лучшей инфраструктурой,

квалифицированными педагогами и дополнительными ресурсами [4]. Это создает «образовательный разрыв», который в будущем трансформируется в разрыв доходов на рынке труда. Например, в США разница в доходах между обладателями степени бакалавра и теми, кто не окончил школу, достигает 84% [5]. В развивающихся странах ограниченный доступ к высшему образованию усугубляет поляризацию, концентрируя высокооплачиваемые профессии в узких социальных группах.

На эту проблему можно посмотреть и под другим углом: неравенство доходов формирует барьеры для образовательной мобильности. В частности, семьи с низким доходом сталкиваются с невозможностью финансировать дополнительное обучение, репетиторов или престижные университеты. Это приводит к «ловушке бедности», где недостаток ресурсов ограничивает инвестиции в человеческий капитал последующих поколений. Кроме того, в регионах с высокой неравномерностью доходов государственные расходы на образование часто сокращаются, что снижает качество публичных школ [6].

Актуальные эмпирические исследования показывают (см. табл. 1), что в научной литературе сложился консенсус – уровень образования выступает одним из ключевых факторов социального неравенства в современном обществе.

**Таблица 1** – Эмпирические исследования взаимосвязи между уровнем образования и социальным неравенством

Исследование	Характер взаимосвязи
Blanden, Doepke & Stuhler (2022)	Образовательное неравенство тесно связано с социально-экономическим статусом семьи. Модели человеческого капитала показывают, как инвестиции родителей и детей в образование усиливают межпоколенческое неравенство [9].
Terschuur (2022)	Анализ образовательного неравенства возможностей в Европе показывает, что от 38% до 74% различий в уровне образования обусловлены обстоятельствами, такими как образование матери. Высокий уровень неравенства возможностей коррелирует с низкой социальной мобильностью [10].
Wang (2024)	Установлено, что системные неравенства в образовательных системах особенно затрагивают маргинализированные сообщества [11].
Corral-Granados, Smeplass & Ho (2024)	Документируются значительные различия в достижениях между детьми из разных социально-экономических слоёв и устанавливается связь между образовательным неравенством и социальной мобильностью [12].
Chetty et al. (2020)	Семьи с низким доходом сталкиваются с невозможностью финансировать дополнительное обучение, репетиторов или престижные университеты [13].
Heckman (2006)	Инвестиции в раннее детское образование способны компенсировать дисбалансы, вызванные социальным происхождением [14].
Piketty (2014)	Пример Финляндии демонстрирует, что универсализация бесплатного образования снижает коэффициент Джини на 5–7% [15].
Duncan & Murnane (2011)	Дети из обеспеченных слоёв чаще посещают школы с лучшей инфраструктурой, квалифицированными педагогами и дополнительными ресурсами [4].

Источник: составлено автором

Эта проблема становится еще острее в контексте глобализации и развития новейших технологий, когда растущий спрос на высококвалифицированную рабочую силу, увеличивает «премию» за образование. Так, в странах ОЭСР технологический прогресс объясняет до 33% роста зарплатного неравенства с 1980-х годов [7]. В развивающихся экономиках, таких как Индия или Бразилия, разрыв между работниками с высшим и базовым образованием достигает 200% [8]. Парадоксально, но расширение доступа к образованию без повышения его качества может усугубить неравенство, создавая избыток неквалифицированных кадров и дефицит специалистов.

В данном исследовании рассматривается влияние уровня образования на социальное неравенство в обществе на примере стран ЕАЭС. Эта группа стран унаследовала из «советского прошлого» высокие показатели охвата населения образованием (начальное и среднее образование бесплатно и обязательно для всех), а с другой стороны характеризуется высокой степенью неравенства по доходам. Цель исследования – выявить взаимосвязь между уровнем образования и социальным неравенством на пространстве ЕАЭС в долгосрочном интервале времени.

### Методы

Гипотеза исследования – между уровнем образования в обществе и социальным неравенством должна существовать обратная (статистически значимая) взаимосвязь (доступность образования создает предпосылки для выравнивания неравенства в обществе).

Проблема заключается в том, что существует достаточно большое число показателей, характеризующих как уровень образования в обществе, так и уровень социального неравенства. Именно поэтому в данном исследовании мы остановились всего на трех комплексных прокси-индикаторах, характеризующих состояние уровня образования и неравенства в обществе (они же выступают в качестве ограничителей исследования).

Исследуемые показатели:

1. Прокси-показатель уровня образования в обществе: расходы государства на образование (в % от общих расходов государства), 2000-22 гг. (данные взяты из Базы данных Всемирного Банка);
2. Прокси-показатель уровня социального неравенства: индекс Джини, 2000-22 гг. (данные взяты из Базы данных Всемирного Банка);
3. Прокси-показатель качества жизни населения: индекс человеческого развития (ИЧР), 2000-22 гг. (данные взяты из исследования ПРООН).

Данные для анализа представлены в таблице 2.

Для анализа использовался корреляционный анализ (корреляция Пирсона,  $p$ -value=5%).

**Таблица 2** – Данные для проведения корреляционного анализа по странам ЕАЭС, 2000-22 гг.

Показатели	Армения			Белоруссия			Россия			Киргизия			Казахстан		
	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР
2000	..	..	0.656	..	31,2	0.708	8,3	..	0.733	..	31	0.617	14,6	..	0.68
2001	..	35,4	0.661	..	30,6	0.713	8,0	..	0.743	..	30,2	0.626	14,6	36	0.695
2002	..	34,8	0.67	..	30,3	0.718	8,7	..	0.749	..	30,3	0.627	15,1	34,8	0.706
2003	..	33	0.681	13,9	28,8	0.728	9,4	..	0.757	..	28,7	0.635	14,5	33,7	0.717
2004	..	37,5	0.689	14,3	26,5	0.74	10,1	..	0.764	..	34,8	0.638	14,8	31,8	0.729
2005	..	36	0.701	14,2	27,6	0.749	11,2	..	0.767	..	32,6	0.64	..	39,8	0.739

Показатели	Армения			Белоруссия			Россия			Киргизия			Казахстан		
	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР	Расходы на образование, в %	Индекс Джини	ИЧР
2006	..	29,7	0.714	14,2	28,3	0.761	12,1	..	0.778	..	37,4	0.646	..	30,2	0.75
2007	..	31,2	0.73	13,0	29,6	0.772	..	..	0.789	..	33,9	0.652	..	30,1	0.757
2008	..	29,2	0.733	12,1	27,8	0.782	9,3	..	0.793	..	31,5	0.657	..	28,5	0.757
2009	..	28	0.732	12,1	27,7	0.784	10,0	..	0.791	..	29,9	0.661	..	28,2	0.76
2010	..	30	0.739	13,4	28,6	0.79	9,7	..	0.797	..	30,1	0.661	16,9	28	0.766
2011	..	29,4	0.743	14,5	27,2	0.798	9,6	..	0.807	..	27,8	0.664	18,1	28	0.774
2012	..	29,6	0.751	13,0	26,5	0.805	9,5	..	0.811	..	27,4	0.673	19,2	28,2	0.781
2013	8,7	30,6	0.757	12,7	26,6	0.806	10,0	..	0.816	..	28,8	0.68	17,9	27,1	0.789
2014	..	31,5	0.764	13,5	27,2	0.81	9,1	36,9	0.818	18,2	26,8	0.686	17,3	27	0.794
2015	..	32,4	0.769	13,0	25,6	0.809	2,1	36,5	0.823	19,0	29	0.689	16,8	26,8	0.799
2016	..	32,5	0.773	13,5	25,3	0.809	9,5	36,7	0.826	20,6	26,8	0.692	19,6	27,2	0.797
2017	8,8	33,6	0.775	12,9	25,4	0.811	9,5	35,5	0.827	19,6	27,3	0.695	14,3	27,5	0.802
2018	8,9	34,4	0.781	13,2	25,2	0.812	10,0	35,3	0.836	20,1	27,7	0.698	17,9	27,8	0.804
2019	10,0	30	0.789	13,0	25,3	0.81	9,2	35,7	0.839	20,0	29,7	0.699	18,9	28	0.81
2020	9,5	25,1	0.769	12,8	24,4	0.8	8,9	33,7	0.826	20,8	29	0.691	20,1	28,7	0.806
2021	9,6	27,9	0.774	12,3	..	0.801	..	35,1	0.818	19,7	28,8	0.696	24,0	29,2	0.801
2022	9,7	27,9	0.786	12,8	..	0.801	..	..	0.821	20,9	26,4	0.701	..	..	0.802

Источник: составлено автором

## Результаты

Результаты корреляционного анализа представлена на рисунке 1 и сводной таблице 3. Анализ данных по 5 странам показал следующие результаты:

### 1. Индекс Джини и доля госрасходов на образование:

- Ни в одной из стран не выявлена статистически значимая корреляция между расходами на образование и снижением неравенства ( $p > 0.05$ ).

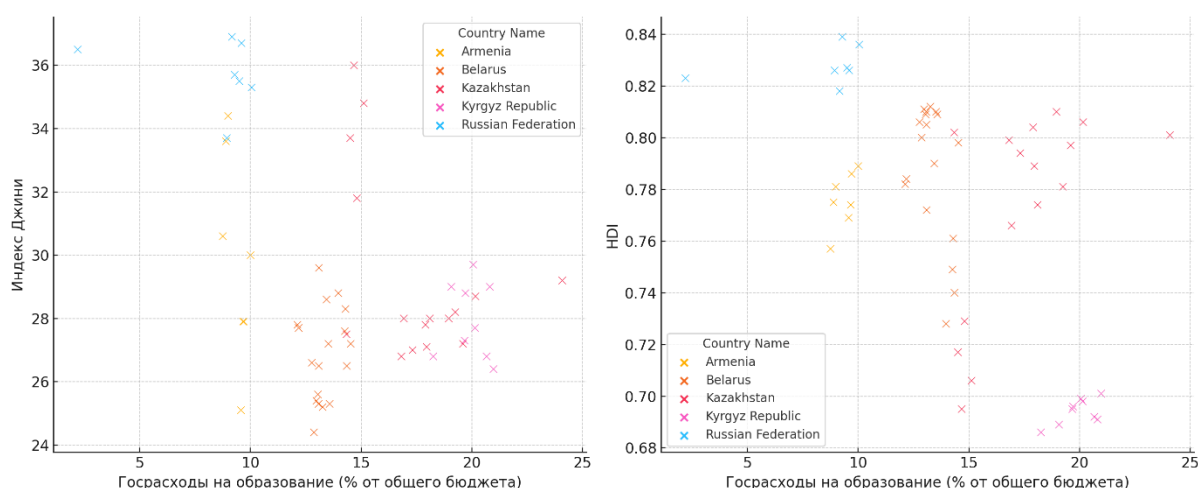
- Это может свидетельствовать о том, что одни только инвестиции в образование не способны преодолеть социальное расслоение, если не сопровождаются реформами в налоговой, социальной и трудовой политике.

### 2. Качество жизни населения и доля госрасходов на образование:

- В Казахстане и Беларуси обнаружена значимая положительная корреляция между расходами на образование и HDI ( $p < 0.05$ ).

- Это подтверждает, что инвестиции в образование способствуют росту человеческого потенциала, особенно в странах со стабильной экономикой и институтами.

Диаграмма рассеивания (рис. 1) визуально подтверждает большой разброс между исследуемыми индикаторами, что указывает на существенные межстрановые различия и влияние дополнительных (неучтенных) факторов.



**Рисунок 1.** Диаграмма рассеивания между уровнем расходов государства на образование, качеством жизни населения и социальным неравенством

Источник: построено автором

**Таблица 3 –** Результаты корреляционного анализа по странам ЕАЭС

Страна	Корреляция_образование	p-value_Джини	Корреляция_образование	p-value_ИЧР	Значимость
Армения	-0.63543	0.12512	0.63188	0.12791	Незначимо
Белоруссия	0.18205	0.46967	-0.47476	0.04649	Значимо для ИЧР
Казахстан	-0.04342	0.05781	0.63694	0.007966	Значимо для ИЧР
Киргизия	-0.044330	0.91191	0.62444	0.07222	Незначимо
Россия	-0.26395	0.56734	0.34649	0.44644	Незначимо

Источник: рассчитано автором

### Заключение

В целом, заявленная в исследовании гипотеза не нашла своего подтверждения по данным, характеризующим страны ЕАЭС в долгосрочном интервале времени. Тем не менее в большинстве случаев была зафиксирована положительная, а в ряде стран статистически значимая, корреляция между государственными инвестициями в образование и качеством жизни. В частности, в Казахстане и Беларуси рост доли бюджетных расходов на образование сопровождался устойчивым увеличением качества жизни, что соответствует общепринятым теоретическим моделям, согласно которым образование является ключевым компонентом человеческого капитала, способствующим экономическому росту и социальному прогрессу.

В то же время взаимосвязь между расходами на образование и уровнем социального неравенства оказалась статистически незначимой. Подобный результат может объясняться тем, что увеличение финансирования образовательного сектора само по себе не гарантирует справедливого распределения образовательных возможностей среди разных социальных групп. Расходы могут быть сконцентрированы в городах, элитных школах или университетах, что приводит к воспроизводству неравенства, особенно в условиях ограниченного доступа к качественному начальному и среднему образованию в сельских и маргинализированных регионах. Более того, эффект от образовательных инвестиций на снижение неравенства носит, как правило, долгосрочный характер и зависит от институционального контекста, в том числе от систем социальной поддержки, политики занятости и уровня межпоколенческой мобильности.



Полученные результаты могут быть связаны как с ограничениями исследования (выбранными прокси-показателями), так и национальной спецификой анализируемых экономик. В любом случае полученные результаты подчеркивают, что для достижения устойчивого снижения социального неравенства одних лишь расходов на образование недостаточно. Необходим комплексный подход, включающий реформу распределения образовательных ресурсов, повышение их эффективности и координацию с мерами в области социальной и налоговой политики.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Becker G.S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. University of Chicago Press, 1964.
2. Schultz T.W. Investment in human capital. *The American Economic Review*, 1961, 51(1), pp. 1–17. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1818907> (accessed 1 May 2025)
3. Bowles S., & Gintis H. *Schooling in capitalist America: Educational reform and the contradictions of economic life*. Basic Books, 1976.
4. Duncan G.J., & Murnane R.J. (Eds.) *Whither opportunity? Rising inequality, schools, and children's life chances*. Russell Sage Foundation, 2011.
5. Autor D.H. Skills, education, and the rise of earnings inequality among the “other 99 percent”. *Science*, 2014, 344(6186), pp. 843–851. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.1251868> (accessed 1 May 2025)
6. *Global education monitoring report 2019: Migration, displacement and education – Building bridges, not walls*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866> (accessed 1 May 2025)
7. *The future of education and skills: Education 2030*. OECD Publishing, 2018. Available at: [https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20\(05.04.2018\).pdf](https://www.oecd.org/education/2030/E2030%20Position%20Paper%20(05.04.2018).pdf) (accessed 1 May 2025)
8. *World development report 2021: Data for better lives*. World Bank, 2021. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35218> (accessed 1 May 2025)
9. Blanden J., Doepke M., & Stuhler J. Educational inequality. *arXiv*. 2022. Available at: <https://arxiv.org/abs/2204.04701> (accessed 1 May 2025)
10. Terschuur J. Corrected estimators of educational opportunity inequality in Europe. *arXiv*. 2022. Available at: <https://arxiv.org/abs/2212.02407> (accessed 1 May 2025)
11. Wang H. The impact of social inequality on educational attainment: A sociological perspective. *The Journal of International Social Research*, 2024, 17(107). Available at: <https://www.sosyalarastirmalar.com/articles/the-impact-of-social-inequality-on-educational-attainment-a-sociological-perspective-1102164.html> (accessed 1 May 2025)
12. Corral-Granados A., Smeplass E., & Ho A.D. Challenges of persistent inequality in education. *Frontiers in Education*, 2024, 9, Article 1342759. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2024.1342759/full> (accessed 1 May 2025)
13. Chetty R., Friedman J. N., Hendren N., Stepner M. The economic impacts of COVID-19: Evidence from a new public database built using private sector data. *Opportunity Insights*, 2020. Available at: [https://opportunityinsights.org/wp-content/uploads/2020/05/tracker\\_paper.pdf](https://opportunityinsights.org/wp-content/uploads/2020/05/tracker_paper.pdf) (accessed 1 May 2025)
14. Heckman J.J. Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science*, 2006, 312(5782), pp.1900–1902. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.1128898> (accessed 1 May 2025)
15. Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. Harvard University Press, 2014.

# Impact of the level of government spending on social inequality and quality of life: the case of the EAEU

**Markin Maksim Igorevich**

Senior Instructor,

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: markinmi@ystu.ru

**Korableva Sofya Artemovna**

student,

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

Email: korablevasa.22@edu.ystu.ru

---

## KEYWORDS.

Gini coefficient; HDI, income inequality in the EAEU; education and social inequality; correlation analysis

---

## ABSTRACT.

The research is devoted to analyzing the relationship between the level of education of the population and indicators of social inequality in the EAEU countries in the long-term time interval. The hypothesis of the study is that there should be an inverse relationship between the level of education in society and social inequality – the availability of education creates prerequisites for equalization of inequality in society. The correlation analysis was used to study the relationship between three proxy indicators characterizing the level of education (public expenditures on education) and social inequality (Gini index, HDI). The results obtained do not allow us to verify the hypothesis put forward in the paper: in most cases a positive, and in some countries statistically significant, correlation between public investment in education and quality of life was recorded; at the same time, the relationship between expenditures on education and the level of social inequality was statistically insignificant. The results emphasize that education spending alone is not sufficient to achieve a sustainable reduction in social inequality.

---